

# ВЛАДИМИР БУРТОВОЙ

Волжский  
роман



Над Самарой  
звонят колокола



Волжский роман

Владимир Буртовой

**Над Самарой звонят колокола**

«ВЕЧЕ»

2018

**Буртовой В. И.**

Над Самарой звонят колокола / В. И. Буртовой — «ВЕЧЕ»,  
2018 — (Волжский роман)

ISBN 978-5-4484-7640-2

Крестьянский парнишка Илейка Арапов с юных лет мечтает найти обетованную землю Беловодье – страну мужицкого счастья. Пройдя через горнило испытаний, познав жестокую несправедливость и истязания, он ступает на путь борьбы с угнетателями и вырастает в храброго предводителя восставшего народа, в одного из ближайших сподвижников Емельяна Пугачева. Исторический роман писателя Владимира Буртового «Над Самарой звонят колокола» завершает трилогию о Приволжском крае накануне и в ходе крестьянской войны под предводительством Е. И. Пугачева.

ISBN 978-5-4484-7640-2

© Буртовой В. И., 2018

© ВЕЧЕ, 2018

## Содержание

Часть I	6
Глава 1. На Яике сполох...	6
Глава 2. Государю служить готовы...	37
Глава 3. Сакмарский бой	62
Конец ознакомительного фрагмента.	79

# **Владимир Буртовой**

## **Над Самарой звонят колокола**

© Буртовой В. И., 2018

© ООО «Издательство «Вече», 2018

© ООО «Издательство «Вече», электронная версия, 2018

Знак информационной продукции 12+

## Часть I

### Глава 1. На Яике сполох...

#### 1

– Ч-чур меня! – Со сна испуганный вскрик тут же сменился сердитым ворчанием: – К-кой бес мой лик сырыми перстами лапает?

Разбуженный этим громким голосом, Тимошка с немалым усилием приподнял голову с соломенной подушки. В горнице постоялого двора было еще темно, смрадно, густо пахло давленными клопами. В углу, близ маленького светло-серого оконца, кто-то потягивался до хруста в суставах. Пооблок с Тимошкой на отчаянный вопль с заклинаниями отозвался старческий голос:

– Я это, отец Кирилл. Свою голову отыскиваю...

– Аль вовсе пропала, брате?

– Тьма в очах непроглядная, будто в погреб сошел, кувшин на себя надевши... Не ты ли вчор ненароком куда сунул, а?

В ответ хохотнули:

– На меня не греши, брате. Не иначе собаки в бурьян утащили. За баней теперь, должно, грызут... Сам-то где вчор долго шлялся?

– У здешнего попа гостевал. Так он мне сказывал, будто днями человек с прииргизского скита от старца Филарета на хутор к Толкачевым прибегал. И будто под большим секретом сказывал, что объявился тамо перед казаками государь Петр Федорович, в покойники давно записанный...

– Тс-с, брате! Поопасись этих стен, могут быть потайные сучки для подслухов... Да и не всякие звоны суть благовест, бывают и попусту. Ляг ближе, чево поведаю...

У Тимошки сна как и не было. Как ни хотелось поскорее выйти на свежий воздух, он лежал, боясь шевельнуться, и слушал чернецов, а когда те, нашептавшись, покинули полати, тихонько тронул деда Данилу за плечо.

– Ась? – Данила Рукавкин приподнялся на оба локтя, торчком выставил над собой измятую, будто банная ветошь, бороду.

– Пора нам, – прошептал Тимошка. – Поспешим в лавку. Поглядь, заря вон уже в окошко лезет.

– Да-да, – засуетился Данила, кулаками потер глаза. – Ишь как заспались, чисто старые петухи на насесте, обленившись кукарекать. Где кафтан?

Тимошка вытащил из-под подушек с вечера свернутый и подстеленный в изголовья дедов кафтан и первым ссунулся с полатей.

В низком и тесном зале постоялого двора, насквозь пропитанном запахами соленой и жареной рыбы, Рукавкины наскоро позавтракали, утолили жажду студеным погребным квасом, помахали перстами перед собой, повернувшись к закопченному иконостасу, перед которым чадила медная, давно не чищенная лампадка.

– Пошли, лежебока, – улыбнулся Данила Тимошке, который в окно загляделся на молодых казачек, спешивших к церкви стоять заутреню.

На тесной, плетнями огороженной улочке Яицкого городка Данила шумно потянул в себя прохладный сентябрьский воздух. И закашлял, поперхнувшись: почудилось, что глотнул не

печного дыма соседних изб, а пороховой гари, которая, казалось, и по сию пору витала над столицей яицкого казачества после недавнего – прошлогоднего – казацкого бунта.

Тогда, 13 января 1772 года, доведенная до крайности притеснениями зажиточной старшинской партии, казацкая беднота вышла из подчинения начальству и направила в Петербург делегатов с прошением вернуть им прежние вольности... На подавление бунта в Яицкий городок из Оренбурга был послан с воинской командой генерал Траубенберг, который и учинил кровавую расправу над вожаками бедняцкой «войсковой» партии. Возмущенные казаки саблями изрубили генерала, разгромили его отряд, повесили ненавистного атамана Тамбовцева и нескольких наиболее злобствовавших старшин. Но не долго тешились казаки избавлением от притеснителей – сила сломила силу... И по сей день на Яике отдается острой болью эта вспышка ярости: голтыбье рвали ноздри, секли до смерти езжалыми кнутами. Всего несколько месяцев минуло, как из Яицкого растревоженного городка по началу нынешнего лета сто сорок четыре казака были отправлены в неведомую, пугающую лютой стужей Сибирь...

– Слышь-ка, Тимоша. – Данила Рукавкин обнял внука за крепкие плечи, чуть замедлил шаг. Они шли обочиной дороги, по мураве, не рискуя ступить в толстый слой дорожной въедливой пыли. – А об чем это чернецы шептались-то? Я вид сделал, что сплю, да разобрать слов так и не смог... Погодь-ка, – прервал Данила сам себя. – А чего это казаки засуетились? Гляди, вона кучкой сбились, эвон еще... Да шепчутся с оглядкой... Неужто сызнова быть сыску какому? Пошто?..

Рукавкины поравнялись с тремя пожилыми казаками, горячо препиравшимися у раскрытой калитки богатого, с двумя амбарами, подворья. Высокий, в серой бараньей шапке, в рубаше навывпуск казак, забыв, что послан хозяйкой по воду к колодцу, размахивал руками, перебивал негромкий говор собеседников. Завидев купца и его внука, казаки враз утихли, издали раскланялись со знакомым самарцем.

– Велика Россия и многолика, – вздохнул Данила, оглядываясь на заспоривших опять казаков. – И беспокойна до крайности, потому как верхушка ее сыта, а концы голодны и бунтуют. Нынче смутное слово за словом на тараканьих ножках по щелям ползает, а завтра, глядишь, опять все здесь завихрится невиданным ураганом...

Тимошка, думая о чем-то своем, смолчал на дедовы тревожные рассуждения, брел и сшибал верхушки высокой лебеды гибким ивовым прутом.

Прошли еще три подворья и очутились около торгового ряда, отстроенного несколько лет назад неподалеку от двухэтажной войсковой канцелярии... И вспомнилось Даниле, как двадцать лет назад здесь собрался войсковой круг и решал, кого из отважных казаков послать с российским караваном в далекую и враждебную Хорезмскую землю. И вызвались тогда идти с караванным старшиной Рукавкиным старый казак Григорий Кононов, отчаянный Федор Погорский да три брата Опоркиных...

Вспомнил тяжкое хивинское сидение и плечами передернул, ворчливо пробормотал себе под нос:

– Господи, почему это худое валится на нас охапками, а хорошее – скупой щепотью? Ну, так о чем те чернецы шептались? – повторил вопрос Данила, глянув на беспечно улыбающегося Тимошку, – внук сытым котом жмурил ясные голубые глаза на взошедшее с киргиз-кайсацкой стороны солнце. Шурился, улыбался и не спешил с ответом, ожидая, пока дед откроет лавку.

Данила пошарил в кармане, не спеша снял запор и открыл дверь тесной лавки, крайней в торговом ряду. Мимо лавок от площади вниз к Нику круто спускалась тесная улочка, огороженная по сторонам ивовыми плетнями.

Тимошка помялся у порога, потом, озираясь по сторонам, сказал негромко:

– Шептался чернец Кирилла со своим товарищем, будто слух меж казаков прошел тайный...

Данила сухой тряпкой смахнул пыль с широкого прилавка – надуло ветром за ночь сквозь ставни и неплотную раму, – отворил окно. Сноп утреннего солнца пробил пыльный воздух сумрачной лавки, высветил черные щели деревянного пола: урони ненароком алтын – и срывай доски, либо стерпи нечаянный убыток. Сутулясь, начал расставлять мелкий товар так, чтобы покупатель, подойдя к лавке, мог разглядеть его вблизи.

– О чем же тот слух? – настороженно уточнил Данила. – Неужто опять будут хватать повинных казаков да под кнуты? Вот уж воистину: пришла беда – не брезгуй и ею...

– Не про батоги была речь, дедушка Данила. Сказывал чернец, будто на Иргизе, у раскольничьего старца Филарета, побывал скрытный человек...

Данила с заметным облегчением откликнулся:

– Да мало ли кто терпит бедствие да скрывается по тем раскольничьим скитам? Россия беглыми мужиками кишит, словно мужицкая изба клопами да тараканами. Кому тот слух в диво?

Тимошка продолжил, не обращая внимания на слова деда:

– А днями тот человек будто бы объявился на хуторах близ Яицкого городка. И открыл себя, назвался именем покойного царя Петра Федоровича... Казаков созывает под свое государство державное знамя!

У Данилы из рук хлопнулась на пол плетеная коробка со стеклянными бусами. Забыв поднять ее, он резко повернулся к внуку, по сухощавому морщинистому лицу прошла холодная бледность. В серых настороженных глазах вспыхнул огонек тревоги, Данила торопливо перекрестился.

– Цыть! Нишкни, Тимоша! Не нашего то ума дело – толковать о мертвых и воскресших будто бы царях! Им токмо Бог судья! Услышат крамольные речи чужие уши – висеть нашим костям на глаголе, как висели прошлым летом бунтовавшие казаки. Того мне только и недовставало на старости лет... Сынов выучил, а их государева служба разнесла по чужим краям. Один ты при мне, утешение в старости. – Данила говорил, похоже было, сам с собой, сидя на табуретке и забыв раскладывать товары. – Сынов отдал Отечеству, тебя и Господу Богу без противления не отдам...

– Еще шептались те чернецы, что самая пора черный народ поднять в подмогу объявившемуся государю, покудова царица Екатерина Алексеевна на Дунае пятый год с турками дерется, и солдат при ней, стало быть, самая малость. Да и те, сказывал чернец Кирилла, всенепременно прежде данную государю присягу вспомнят, к чему преклонятся для верной службы...

– Помолчи, Тимоша, бога для! – Данила встал с табуретки, построжал голосом, брови сдвинул к высокому тонкому переносью. – Вот пожалуй родителю твоему, он тебе живо портки спустит да крапивной каши задаст!

Тимошка беззаботно улыбнулся на пустые угрозы деда – и в пять лет одного раза, случилось, не навещали сыновья Данилу Рукавкина в его доме в Самаре. Последний раз Алексей, старший сын Данилы, был два года назад, хотел и Тимошку взять в Петербург для учения, но Данила внука не отдал.

– Случись занемочь нам с матушкой, так и воды подать некому будет... А грамоте его и здесь научат.

Тимошка хотел было еще что-то сказать, но осекся. По улочке к Нику с тарахтением проехала изрядно разбитая телега. Бородатый и босой казак в распахнутом пыльном кафтане вез саманные кирпичи, которые норовили свалиться на передок, где сидел возница. Однако не босоногий казак привлек внимание Тимошки: противоположной стороной улицы с узелком белья и с долбленным корытом под мышкой к реке проворно спускалась молодая казачка. Она шла, чуть откинув назад голову, ее прямой носик и мягкий смуглый подбородок были словно с вызовом выставлены напоказ. Казачка краем глаза поймала восторженный взгляд



юного самарца, но и бровью не повела, лишь бойчее замелькали по пыльной мураве ее загорелые босые ноги.

– Она, что ль? – Данила с хитринкой прищурил глубоко запавшие глаза. Через окно лавки он хорошо видел, как казачка почти сбегала остаток крутого спуска к реке Чагану, свернула вправо к тальниковым зарослям – там на бревнах помоста казачки стирали белье.

– Она, дедушка Данила, – не утаил Тимошка и с грустной нежностью, словно бы вслед казачке, повторил заветные слова: – Она, ненаглядная Устиньюшка Кузнецова...

– Хороша-а девка, – согласился старый Рукавкин. – Молода только, как о спасе ягня. Не торопись, Тимоша, подбивать клин под овсяной блин: поджарится – сам свалится.

– Свалится, да в чьи руки? Вот печаль-то об чем, дедушка.

– Аль просватана уже? – подивился Данила. – Не в большом достатке, ведомо мне, родители ее, похоже, обходят ее порог именитые женихи...

– Просватана ли, нет ли – того не ведаю. На прошлой неделе в христово воскресенье пытался было заговорить с ней, да она так сурово глянула, словно на прокаженного, и словами пожарче кипятка обожгла: «Не толкись около, купецкий сын, казаки наши всенепременно побьют!»

– Неужто сробел? – Данила поджал сухие губы, искоса глянул на внука.

– Сробел, дедушка. Да не от угрозы битым быть, а от ее слов. Не осмелился сделаться ей ослушником. – Румяные щеки Тимошки полыхнули жаром. – Увезти бы ее в Самару с собой, а, дедушка Данила?

Данила не ответил, лишь крякнул в кулак, подумал: «Вот тебе, Дарьюшка, и новые хлопоты. А то все твердишь – дитя, дитя... Вырос, сил набрался наш внучек, о женитьбе заговорил». – Тоска подступила к сердцу, откуда-то возникло недоброе предчувствие, что любовь к смуглолицей казачке Устинье всенепременно должна была разлучить их навечно... Потому и сказал внуку неопределенное:

– Надумал же такое! Тут слухи всяческие – страшнее страшного, а он со свадьбой...

Через площадь наметом проскакали трое верховых казаков – от коней пар шел, знать, издалека примчались. Бросили поводья на коновязь и торопливо, что-то сказав двум сторожевым собратьям у входной двери, вошли в войсковую канцелярию.

– Должно, к атаману Бородину с вестями, – отметил Данила и вернулся к прерванному разговору. – А с казачкой поговори еще разок. Не из той мы, Тимоша, породы, чтоб плакать попусту, альбо решетом в ночной воде звезды ловить... Коль даст согласие, то и сосватаем. Двор Кузнецовых не ахти как богат, да нам ее приданое не в крайнюю нужду. Да ступай же, кому сказано? – с напускной суровостью прикрикнул Данила. – Ешь, Тимоша, с голоду, а люби смолоду... Вижу ведь, рвешься следом, подобно застоявшемуся стригунку.

Тимошка повеселел – острой занозой вошла было в сердце тревога, а ну как суровый дед Данила воспротивится его неожиданному и неодолимому влечению к бедной казачке. Может статься, надумал он оженить его на богатой купчихе, а то, глядишь, и на дворянской дочке! Ныне в Самаре немало осело на жительство отставных служилых дворян, есть среди них и весьма родовитые, с богатыми селами в просторном Заволжье.

– Земно кланяюсь тебе, караванный старшина! – Тимошка, озорно стрельнув на деда сияющими глазами, поясно поклонился Даниле, крутнулся на пороге и побежал склоном к Чагану.

– Ишь, возрадовался, будто из хорезмской неволи вырвался! – добродушно проворчал Данила, а сам с любовью, высунувшись из окна, взглядом проводил Тимошку, пока тот не пропал под крутым берегом реки. Усмехнулся, вспомнив, что и внук назвал приставшим, словно кличка, к нему после хивинского хождения былым званием караванного старшины.

– Ну-ну, поглядим, каков будет тебе сказ от строптивой казачки, – добавил сам себе Данила, будто говорил все еще с внуком. – Не с огнем к пожару соваться, не купцу к казачке

свататься! Больно нравом неукротимый здесь народ, а ты, Тимоша, аки смирный волк, которого и телята лижут... Дал же Господь тебе с ней встретиться, а вот на радость ли, на горе ли великое, кто скажет?..

\* \* \*

Устинья, закатав рукава и подоткнув передник, чтобы не измочить, стоя голыми коленями на толстой доске, неистово трепала в воде намыленную домотканую рубаху. Потом выхватила ее, ловко сложила вдвое, отжала, шлепнула в деревянное корытце. Короткая прядь темных волос покачивалась у левой щеки. Когда Устинья наклонялась, с загорелой шеи свисали белая цепочка и тельный крестик, выпавший из-под расшитого ворота сарафана.

Тимошку била горячая радостная дрожь. Издали, отведя в сторону гибкие ветки краснотала, затаившись, словно кот у мышиной норки, следил он за сноровистыми движениями девушки, а движения эти, казалось ему, были наполнены какими-то необъяснимыми колдовскими чарами... Стоять бы вот так да любоваться вечность...

– И долго выглядывать будешь из кустов? – неожиданно засмеялась Устинья, из-под темных густых бровей через плечо глянула на опешившего Тимошку. – Тоже мне, серый волк у овчарни. Подкрался ярку ухватить, а сам станичных собак в три уха выслушивает!

Подминая сомлевыми ногами высокую крапиву, задохнувшись от неистового сердечного гула, Тимошка покинул заросли, плохо видя дорогу, по разнотравью приблизился к бревенчатому помосту, забрызганному мыльной пеной.

– Ты нынче завтракал? – вдруг ни к тому ни к сему спросила Устинья, отжимая мокрую скатерть. Тимошка, от смущения не зная куда деть тяжелые руки, будто свеча в огне таял от счастья: заговорила с ним Устиньюшка, не гонит прочь суровыми словами. На ее насмешливый вопрос он ответил молчаливым кивком головы. «Боже, какая красота неземная! – восторгался Тимошка. – Вот уж воистину писаная царица!.. Тронуть бы за локоток, а вдруг осерчает на такую вольность?»

– Стало быть, ты и язык свой запил квасом, – снова негромко рассмеялась казачка. – А может, ты отроду немой? – Устинья с деланным испугом и состраданием вскинула бровь и вновь через плечо осмотрела Тимошку с ног до головы, чуть приметно поджала губы: парень хоть куда и ростом, и силой. Да и ликом пригож, будто молодой месяц на чистом небе. А глаза – синь дивная, да отчего-то будто туманом утренним подернуты...

– Скажи, Устиньюшка... – начал было Тимошка и осекся на полуслове.

– Глядите, люди добрые! – Устинья, бросив скатерть в корыто, хлопнула себя по коленям красными от воды руками. – Заговорил самарец! – А глаза так и сверкают насмешливыми, влекущими огоньками. – Ну-ну, о чем допытывать будешь, сын купеческий?

– Сосватана ли? – выпалил Тимошка и глаза опустил на водную гладь Чагана.

– Да нет, синеглазый голубок, пока не сосватана, – с улыбкой ответила казачка. – Весь городок и окрестные форпосты побывали у тятки в горнице, не одну четверть водки опростали сваты, да всем от меня крутой отворот вышел.

– Отчего же? – невольно вырвалось у Тимошки: неужто столь норовиста красавица? Неужто знатного барина надумала в капкан красоты своей заманить? – Аль не сыскалось на Яике доброго казака?

– Сокола славного жду, – засмеялась Устинья, уложила белье в корыте поровнее, встала с колен. – Жду отважного сокола, умом славного и сердцем доброго. А залетают покудова то стрижи легкомысленные, то воробьи-чирикалки. – И вновь не удержалась от насмешки. – Правда, нынче вот и филин неповоротливый стукнулся, должно сослепу, головой в нашу дверь...

– Не сослепу, Устиньюшка, – заволновался Тимошка. – Люба мне до беспамятства, что хошь прикажи – исполню, ежели и погибель мне от того выйдет... Дед Данила сватов обещал заслать, коль согласие свое дашь. На руках носить буду, царица моя ненаглядная, на вольных хлебах жить станешь...

И вновь его прервал волнующий сердце грудной смех казачки:

– Неужто я теперь телом чахлая? Ну-ка, тронь меня пальцем в бок, испытай мою худобу! – И, чуть изогнувшись, повернулась левым боком к оробевшему Тимошке.

«Эх, брякнул сдуру не то!» – ругнул он себя, оробев так, что не осмелился даже руку поднять, а не то что тронуть ее гибкий стан, так красиво прорисованный линиями расшитого сарафана.

– Экий ты, право, голубь синеглазый, – вроде бы даже укорила его Устинья. – Наши казаки куда бойчее... Воистину налимь верткие, так и лезут руками, куда не след. Не страшишься, самарец, что побьют тебя мои ухажеры? Скажи хоть, как зовут-то тебя?

– Тимошкой Рукавкиным прозвали. А казаков ваших не утрашусь. В спину не застрелят – грех великий, – а на кулаках биться и я мастак. Случилось минувшей Масленицей с подгулявшими бечевщиками в тесном переулке схватиться. Мне досталось изрядно, да и они не внакладе остались.

– Вижу, Тимоша-голубок, в плечах не слаб. Ну а про сватовство скажу так: доведется от казаков прознать, что удалое у тебя сердце, что отвагой затмишь любого нашего атамана, тогда приходи со сватами в избу моего тятки... Да не откладывай на многие годы, не припоздать бы тебе, сын купеческий. А мне покудова охота еще в девках погулять.

Устинья легко подхватила корыто с мокрым бельем, ступила с помоста на берег, оставляя следы в примятой пыли.

– Пусти, сама снесу. Уходи, Тимоша – голубок синеглазый, вишь, сюда старшая сестрица Марья идет.

И Тимошка послушно отступил, укрылся в кустах. Видел, как сестры разминулись, перекинувшись при этом коротким разговором, видел, как Устиньюшка поднялась в гору, миновала стражу у раскрытых городских ворот. Казаки о чем-то говорили, размахивали руками и вскидывали вверх длинные копыя, будто грозили кому-то...

«Ишь как всполошились, – подумал Тимошка. – А может, и до них дошел слух про тайного человека, что у старца Филарета был на Иргизе? А может, какие тревожные вести пришли с киргиз-кайсацкой стороны?»

Поодаль, над невидимой отсюда церковью Петра и Павла, кружились грачи. Их всполошил колокольный звон – благовестили к обедне.

Следом за Устиньей, не теряя ее из виду, Тимошка взошел по круче в город, миновав у городских ворот и в самом деле чем-то крайне встревоженных казаков.

\* \* \*

Данила, едва Тимошка переступил порог лавки, огорошил сияющего внука новостью:

– Прав был твой ночной шептун чернец Кирилла. Только что в церкви комендант городка полковник Симонов известил казаков, что тот самозванец, который именует себя царем Петром Федоровичем, неожиданно объявился близ Бударинского форпоста. И что при нем якобы до сотни переметнувшихся казаков, все большей частью из тех, кто от генерала Траубенберга претерпели горькое лихо. Быть в здешних краях новой крепкой драке, Тимоша, чует мое сердце. На роду мне, должно, написано не токмо хивинское кровопролитное междоусобие пережить, но и наше, российское.

– Побьют тех казаков скоро, – ответил Тимошка. – В городе солдат регулярных поболее тыщи. Да казаков много... Устиньюшка говорила со мной ласково, не прогнала.

– За казаков-то как раз комендант Симонов да атаман Бородин более всего и опасаются, – в раздумии продолжал свое Данила. – Надобно нам, пока паленым волком не запахло, скорее бежать отсюдова домой, в Самару.

– Нам-то что! Пусть себе дерутся, кому по службе положено долг перед царицей исполнять, – отмахнулся Тимошка – у него не шла из ума Устинья. – Спросил ее про сватов, она не изругала. Как прославишь себя, сказывает, так и присылай сватов. Эх, что бы сотворить этакое невиданное? К киргиз-кайсакам, что ль, податься? Или на Дунай к фельдмаршалу Румянцеву сбежать, у турок генерала взять в плен, за что матушка-государыня орден побалуует, патент на офицерский чин собственноручно напишет...

– Цыть, голова неразумная! – Данила осерчал не на шутку. – Ишь ты, аника-воин отыскался! От солдатчины бегут, словно от чумы страшной. Тысячи солдатских голов в канавы лягут, прежде чем какому ни то генералу царица орден на грудь повесит! Видит бог, карась не убивается, что шуку давно не видел...

– О чем ты, дедушка Данила? – не сразу понял, куда клонит старый Рукавкин.

– Да о том, что нужен ты будешь Устинье, ежели турецкие пули сделают из тебя решето! Не мешкая надобно собираться нам в Самару.

– Как это – в Самару? – всполошился Тимошка. – Не отторговались, к Устиньюшке в дом не наведались обговорить...

– Довольно с меня и одной хивинской смуты! Ежели где начинается усобица – там купцам первыми терпеть разорение и битье с двух сторон. Всякому, кто с ружьем, нужны наши товары и наша казна. – Данила решительно прихлопнул ладонью о прилавок, на который так и не выложил ни одного тюка сукна для продажи.

– А как же сватовство? – Тимошка вцепился побелевшими пальцами в косяк двери, словно не хотел выпускать деда Данилу из лавки. – Устиньюшка наказывала, чтоб долго не мешкали.

– Вот утихнет усобица, по весне приедем вновь на Яик. Тогда и зашлем сватов. Да и годков тебе, Тимоша, не так много, нет полных восемнадцати. Видит бог – потерпеть надобно с годок хотя бы. Ведрами ветра не смеряешь, и не от всякой беды деньгой откупиться можно, так-то, Тимоша.

– А ежели Устиньюшку за это время высватают? – Тимошкин голос сорвался от прихлынувшего волнения, и он в сердцах до боли ударил кулаком о косяк двери, торопливо оглянулся – кого это нечистая сила сюда несет, не дают дедушку Данилу убедить не ехать в Самару!

За спиной совсем рядом послышался конский топот. От группы верховых казаков отделился пожилой длинноногий хорунжий с вислыми седыми усами. Темно-карие веселые глаза улыбались молодому самарцу.

– Дед Данила у себя ли, казак? – громко, густым голосом прокричал хорунжий, легко спрыгнул на землю, потянулся уставшим костлявым телом.

– А где же ему быть, – неохотно сторонясь, ответил Тимошка. Данила прошел к выходу, подал казаку для приветствия обе руки, радушно заговорил:

– Здравствуй, здравствуй, брат Маркел! Жив-здоров? А я, грешным делом, забеспокоился, не видел тебя все лето. Ну, думаю, и мой строптивый Маркел Опоркин попал лихому генералу под топор, не уберется...

– Не попал по той простой причине, что был в отъезде до Гурьева, вместе с братьями, Ерофеем да Тарасом. Помнишь их, Данила?

– Ну как не помнить! – даже обиделся Данила. – У меньшого тогда едва усишки пробились, вот, внуку моему Тимошке под стать был. Входи, Маркел, чаем угощу на радости, что свиделись.

Маркел Опоркин дружески потрепал смутившегося Тимошку по плечу, легко перешагнул высокий порог и прошел в лавку. Сел на скамью в дальний угол, спиной привалился к

кипам разноцветных тканей, прищурил темные глаза, оглядел Данилу и Тимошку, который так и остался стоять в дверях, расставив руки к косякам.

– Из-под Бударинского форпоста мы, – сообщил Маркел Опоркин, наблюдая, как Данила разливает чай из самовара по объемистым чашкам, привезенным из Хивы. – Посылаемы были майором Наумовым для передачи пакета командиру тамошней сотни, а форпост-то уже в руках объявившегося государя Петра Федоровича! Вот какие события надвигаются на Россию, караванный старшина. Супруг на собственную супругу военный поход снаряжает. И превеликую в душе надежду питает получить силу для того похода от нас, забиженных правительством яицких казаков.

Данила протянул Маркелу чай, табуретку придвинул и сам сел с чашкой спиной к распахнутому окну, из которого Маркел видел парадный подъезд войсковой канцелярии: перед входом толпилось десятка три зажиточной старшины – есаулы да полковники, все при оружии, и кони оседланы у коновязи.

– Полно, Маркел. – Данила покачал головой, подул на горячий чай. – Не воровский ли обман все эти слухи о государе? Читан ведь был указ о смерти государя Петра Федоровича лет с двенадцать тому. – Данила не мог пить только что кипевший чай, поставил чашку на прилавок, в великом волнении оглядел из окна встревоженный, со снующими туда-сюда людьми городок. Провел рукой по худощавым щекам, покомкал короткую, почти сплошь седую бороду.

– Что не варится, того в горшок не кладут, караванный старшина, – решительно ответил Маркел Опоркин. – Брательник Ерофей самолично перекинулся разговором с Ванюшкой Почиталиным, с ним и ездил тайно на хутор Толкачева три дня тому назад. Собралось тамо около государя человек до пятидесяти. Все больше казаки, татары да из крещеных калмыков которые. Вышел государь к своим людям запросто, но одет справно. Сказал, что точно он государь император, и жаловал казаков за службу реками, морями и травами, денежным жалованием, хлебом, свинцом и порохом. И всякие вольности нам возвращает, отнятые его женой и сенатом. А поскольку Господь вручает ему царство по-прежнему, то имеет государь намерение нашу былую вольность восстановить и дать нам всевозможные благоденствия. Вот так-то, караванный старшина. Какому вору такие мысли по разуму? Нет, только государю нашему истинному. Хотел он и прежде дать черному люду волю, да помещики с сенаторами тому воспротивились, умыслили и вовсе изжить его со свету, ан не вышло по-ихнему!

– И Ерофей все это сам слышал? – Данила медленно повернул голову к окну, словно хотел убедиться, что за спиной нет подслухов.

От войсковой канцелярии на разномастных конях спешно отъехали человек десять казацкой старшины и куда-то умчались, подняв над площадью полосу серой пыли.

– Самолично слышал, – подтвердил Маркел, отхлебывая чай маленькими глотками. – Еще сказывали собравшимся казакам Максим Шигаев и казак Чика-Зарубин, что государь показывал им царские знаки, какими Господь метит новорожденных наследников на престол. Сомнения у меня нет – подлинный царь объявился народу, восстал из приневоленного несбытия на радость всем нам.

– Старая голова не вмещает услышанное, – пробормотал в великом раздумии Данила, молча посмотрел на Тимошку – внук не спускал с Маркела Опоркина восхищенных глаз. Более того, осмелился спросить о сокровенном:

– Дядя Маркел, а вы теперь куда? К объявившемуся государю ли служить вознамерились, или супротив ополчитесь заедино с атаманской частью войска?

Маркел крикнул в волосатый кулак, улыбнулся, обнажив редко поставленные и далеко не все уцелевшие зубы.

– Ишь ты, допросчик какой! – ответил и покачал головой. – Но ежели между царями передрыга вышла, то надобно кому-то помогать. Нам, Тимоша, далеко не едино, хлеб жевать или мякину. Старшине теперь вольготно, зато нам сплошное утеснение получается – отнимают

у нас рыбные угожья, лучшие покосы, скупают за бесценок рыбу и запрещают нам самим ее продавать на сторону, а от этого нам убытки, а им прибыль немалая опять же... Они от службы на форпостах отлынивают, а нас месяцами в седлах держат. Посмотрим, что запоют они, атаманы да старшины, когда государь Петр Федорович возвратит нам былую силу. Тогда атаманов будем выбирать на войсковом кругу здесь, на Яике, а не из Петербурга получать противу воли большинства.

– Сколь крови прольется, – сокрушенно проговорил Данила и поник головой. Чему верить? Кому верить?

– Не зря прольется, караванный старшина! – уверенно проговорил Маркел. – Разве мало ее уже пролили в давних усмирениях под Калугой, когда бунтовали приписные крестьяне Демидова? Помнишь, рассказывал нам в Шамских песках беглый мужик Кузьма Петров? А разве мало ее пролили на заводах Каменного Пояса в ту же пору да тринадцатого января минувшего года здесь, на Яике, по милости царского генерала? Не зря говорят мужики: каков игумен, такова и братия... Вступит на престол Петр Федорович, черному люду волю даст. О том и в манифесте, казакам читанном, объявил, – и доверительно, негромко добавил: – Назавтра ждем его под Яицким городком. Вишь, атаман рассылает своих старшин собирать казаков на сражение. Зря старается, хряк щекастый. На нашей бедности, на войсковой казне брюхо наел безмерное! Чисто кабан пред закланием, сам так и просится на казацкое копьё!

– Злость – плохой советчик, Маркел, – тихо заметил Данила. – Ты у разума спроси, что и как делать. Опасение у меня есть: а ну как выйдет по-старому, прежде уже бывшему? Как при Стеньке Разине? Тако же погуляли казаки, а потом разбрелись кто куда: кто в драке загиб, кто на каторгу услан, кто, катом посаженный, на глагол влез. А самые забубенные с пытошного колеса прохожих да проезжих пугали, зверски колесованные... Не лечь бы и вам, брат Маркел, скошенной травой при дороге...

Маркел решительно хлопнул себя ладонью по колену, поднялся.

– Волков бояться – в лес не ходить! Поеду к своему куреню. Тамо теперь казаки до хрипоты горла дерут в криках и спорах. А то и в бороны друг дружке уже вплелись... Ты оставайся здесь, Данила, тебя казаки не обидят. А то и с нами заедино к государю пристанешь, когда самолично позришь, перед собой его увидишь и уверуешь, что истинный он царь.

– Каковы мои годы, брат Маркел, чтобы казаковать! Добратся бы счастливо до Самары, а там и глаза как ни то да закрывать уже надобно, на погост собираться.

– Ну, ты это брось, караванный старшина! – Маркел насупил брови. – На погост погоди еще, будет тебе, Данила, на самого себя колокола-то лить! Хотя бедному казаку и вправду пришла жизнь – хоть в гроб ложись, но коль Господь дал случай испытать счастье, грешно не попробовать. Так что, караванный старшина, оставайся в Яицком городке безбоязненно, мы тебя никому в обиду не дадим.

– Не серчай на старика, брат Маркел, но острог по мне пусть не плачет. Не останусь, потому как страх берет: смута сия не на неделю. Да и не на месяц, чую, коль назвавший себя государем о восшествии на престол мыслит. До Петербурга пеши, без сражений, пройти, и то сколь времени потребно? А у матушки-государыни по всем городам гарнизоны поставлены...

Маркел Опоркин помолчал, потом тряхнул седыми вихрами.

– Тогда не поминай лихом, караванный старшина, коли что с нами тут приключится. И не забывай женку мою и дочек, навещай.

– Дай бог удачи в деле, вами задуманном, – ответил Данила, троекратно обняв старого товарища. – Авдотью и дочек буду навещать и помогать стану... ежели с тобою что случится, о том не сомневайся. – Долгим взглядом с порога проводил Маркела, пока тот садился в седло, пока ехал через пыльную площадь и пока не скрылся за чужими избами на первом же повороте кривой улочки в сторону реки Яика.



Данила запустил пальцы под мурмолку, по привычке поскреб затылок, в большом смущении крикнул:

– Вот незадача какая нам выходит, Тимоша.

– Какая незадача, дедушка? – Тимошка очнулся от своих раздумий, навеванных неожиданно свалившейся на город вестью о государе Петре Федоровиче, обернулся к порогу, где стоял дед Данила.

– А вот какая: старый ворон не каркнет мимо – либо было что, либо что будет... Знать бы теперь наверняка, чей верх выйдет, да и встать загодя на ту сторону. А нынче боязно крайнее решение принимать, все едино что лесного волка на своего дворового пса в помощь звать... Будем укладываться. Кличь Герасима, повелю возы спешно готовить.

– А я хотел было... – Тимошка перехватил построжавший, тревогой полыхнувший взгляд деда Данилы, запнулся на полуслове, беспечно досказал совсем другое: – Да нет, ехать надо... Пойду Герасима кликать. Должно, готовит нам обед на постоялом дворе.

– Пуцай бросает ту долгую стряпню да сюда поспешает. Кто знает, когда тот объявившийся государь к городу подступит, долго ли в Бударинском форпосту мешкать будет. Не окружил бы город разъездами, так что и не проскочишь у дозорцев между глаз, угодишь кошке в когти.

– Вона-а, – присвистнул Тимошка. – Поглядь-ка, дедушка Данила! И иные самарцы у своих лавок заколотились со сборами! Знать, и им стало ведомо про Петра Федоровича!

– Кота в мешке не утаишь – мяукнет всенепременно! – отозвался внешне равнодушно Данила. Свои заботы навалились неожиданно: третью часть товаров не успел распродать! Закручинился, между бровей глубоко залегли борозды: назад в Самару везти – себе убыток немалый. И не оставишь здесь, в лавке, по смутному времени никакие замки не спасут... Захочет коза сена – будет у воза, а хозяина нет рядом, чтоб кнутом шугануть!

Весь остаток дня Тимошка словно приклеился к Даниле, не отходил от него ни на шаг. При сборах не давал взяться ни за что, всюду поспевал сам, так что колченогий от старости и хворей Герасим взмолился под конец, зашепелявил, смахнув ладонью капли пота с мокрых висков:

– Упаши бог, Тимоша, дай штарику рождых, шил больше нету бегать жа тобой от лавки к телегам...

Данила и Герасим еще спали в темной горнице постоялого двора, когда Тимошка осторожно прикрыл за собой наружную дверь. Хозяин постоялого двора уже возился у конюшни, спросил лишь, более от скуки утренней, нежели по делу:

– Далеко ль снаряжился по такой рани, чадушко?

– Искать вчерашний день, дедушка, – в тон ему отшутился Тимошка и закинул за плечи заранее собранную котомку.

– Ну ин бог в помощь, – усмехнулся старый казак, сплюнул какую-то былинку с губы, добавил: – Должен сыскать, за ночь недалече убег. А как сыщешь, деду моему кланяйся в ноженьки, скажи, что и я скоро буду гостем жданным.

Тем же утром 19 сентября 1773 года под отдаленной пушечный гром у Яицкого городка в большом обозе самарцев, поспешно настигая коней, плакал старый Данила и комкал в руке лист бумаги: Тимошка тайком сбежал в войско Петра Федоровича искать молодецкой славы и чрез то раскрыть для себя сердце гордой казачки.

*«Не печалься, милый дедушка! Даст бог, минет лихая солдатская пуля, отметит меня наградой батюшка-государь. И сыграем тогда мы в Самаре свадьбу под звон колоколов соборных... До скорой встречи, дедушка, и благослови внука своего на ратную службу государю Петру Федоровичу...»* – так писал Тимошка. Данила, глотая слезы, поколупал ногтем бурое пятно от капнувшего воска – у свечи писал Тимоша, торопливо спрятал письмо. Вздрыгнул и поджал плечи: за покатыми увалами раскатисто и зловеще бухали пушки – комендант Симо-

нов отбивал от Яицкого городка первый приступ войска чудом воскресшего из царства тьмы Петра Федоровича, а точнее – беглого из Казанского острога донского казака Емельяна Иванова сына Пугачева.

– С нами крестная сила! – взмолился, тревожась за судьбу внука, Данила Рукавкин, и к Герасиму: – Гони коней, братец! Не отставай от цехового Колесникова, вона тот уже на полверсты от нас ушел. Всякую минуту могут появиться на самарском тракте мятежники...

Герасим взмахнул кнутом, прокричал с переднего воя:

– Н-но-о, ретивыя! Не один день ехать нам до Шамары, не дремать в оглоблях!

## 2

– Господин капитан дома? – К порогу комендантского дома подошел молодой офицер.

– У себя, ваше благородие! Их благородие господин комендант изволят обедать. – Карательный солдат отдал честь и пропустил подпоручика Илью Кутузова на крыльцо. Старательно вытирая сапоги о брошенную у порога ветошь, подпоручик мельком оглядел подворье – комендант спешно заканчивал строиться: только что срубил просторный дом, а теперь задержанные этапным перегонном сосланные на поселение мужики ставили амбар, конюшню, рыли колодец...

Илья Кутузов вошел в сенцы, заставленные домашним скарбом – старыми сундуками с изношенной верхней одеждой. Из-под крышки ближнего сундука торчал рукав черного полубубка. Рядом громоздились одна на другую корзины. В верхней лежали небрежно брошенные грязные сапоги – в них комендант минувшим воскресным днем охотился на засамарских озерах. Уронив с сундука на пол пустые деревянные ножны и чертыхнувшись, Илья Кутузов в полутьме нащупал ручку, потянул дверь на себя. Едва ступил через порог, сразу и без ошибки определил бесхитростный комендантский обед: свиные щи с красным перцем, жаренный с луком редкостный еще в здешних местах картофель – комендант выращивал его у себя на даче, – отварная рыба с чесноком.

– Всякой благодати сему дому, – приветствовал подпоручик хозяев. – Господин капитан, прошу покорнейше простить за вынужденное неурочное вторжение! – Илья Кутузов вскинул руку к треуголке, робким извиняющимся взглядом покосился на левый край стола: Евдокия Богдановна, худощавая и весьма своенравная женщина из купеческого сословия, с холодными серыми глазами, в белом повойнике поверх пышных каштановых волос, чуть приметным кивком поздоровалась с незванным гостем. И тут же левой рукой дернула за сарафан темпераментную дочь Анфису, которая при виде статного подпоручика пыхнула непрошеным румянцем и сделала попытку привстать из-за стола, чтобы отпустить молодому человеку реверанс.

– Что стряслось в этой богом забытой глуши? – грубовато спросил капитан Балахонцев.

– На рыночной площади людская толчея. Воротился в неурочное время купеческий обоз из Яицкого городка, смутные слухи привезли оттуда.

Балахонцев наморщил крупный нос, фыркнул в усы, грузно, не вставая, повернулся на табуретке.

– Ну? Что за слухи такие? – И к дочери: – Не егози, Анфиса, не свататься пришли, как видишь – по службе!

Илья Кутузов смутился не меньше Анфисы, кашлянул в кулак, оторвал взгляд от комендантской дочери.

– А слухи о том, господин капитан, что на Яике появился невесть откуда опасный человек, нарек себя, а может, и вправду объявился живой государь Петр Федорович. К нему прилепились тамошние обиженные генералом Траубенбергом казаки, калмыки, иные беглые из скитов на Иргизе. Девятнадцатого сентября с немалой силой тот самозванец или царь Петр подступил под Яицкий городок.

– Взял город ильбо отбит? – Иван Кондратьевич ногой отодвинул табуретку, сделав жене и дочери знак продолжать обед без него, на ходу глянул в зеркало на отражение своего крупного квадратного лица.

– О том бежавшие самарцы не сведущи, господин капитан. Купец Уключинов, а он воротился с Яика тем же обозом, объявил, что в тот день, когда бежали они прочь от Яицкого городка, пушечная пальба слышна была изрядная.

– Идем, господин подпоручик, – коротко бросил капитан Балахонцев, небрежно посадил на голову треуголку и оставил гостиную своего дома-пятистенка на главной в Самаре Большой улице, как раз против деревянной церкви Успения Божьей Матери. Над куполами церкви лениво кружили крикливые грачи, потревоженные звонарем, – тот, забавляясь, шикал на них и махал тряпкой, привязанной к длинному шесту. Потом звонарь бросил зряшное занятие, начал глядеть сверху на город, знакомый до последнего заборного сучка.

А над всегда спокойной и полусонной Самарой, похоже было, пронесся слух о близком калмыцком набеge... Самарцы робко, в одиночку и группами, сновали по улицам и переулкам, спешили на рыночную площадь к Николаевской церкви. И всеобщая суматоха усиливалась церковным звоном – заблаговестили к обедне. Однако самарцы, противу обычая, не поспешили в божьи храмы, они плотным кольцом окружили десятка полтора груженных возов с приехавшими из Яицкого городка торговыми людьми.

Цеховой Колесников, мужик лет под пятьдесят, рябой и взмокший от крика, устало утер лицо шапкой. Капитан Балахонцев протолкался к его телеге, грубо дернул за рукав пыльного с дороги кафтана.

– Говори, каналья, о чем ты здесь растрезвонил почище соборного колокола? Ну? Чему возрадовался? Поклепные на матушку-государыню слова по ветру сеешь?

Колесников скосил глаза на сурового коменданта – у того между бровей нескрываемая угроза залегла тремя бороздами, – торопливо вскочил на ноги и так, возвышаясь, с телеги отвечивал:

– Да как не возрадоваться нам, господин комендант Иван Кондратьевич! И совсем не попусту трезвонил. Доподлинно так на Яике вышло: объявился живой-невредимый батюшка-государь Петр Федорович! Православный народ к себе сзывает, на престол взойти вознамерился, неправдой отнятый сенатскими лиходеями. Думаю, и матушка-государыня в великой радости пребудет, сладким медом радости лягут ей на сердце такие известия... Ой, господин капитан! – Колесников не договорил: капитан Балахонцев рывком бросил его наземь, ногой на спину наступил, не давая подняться. И, вызверившись, закричал на толпу самарцев с бранью:

– А вы чего уши поразвесили? Вам клюкву без сахара подносят, а вы и рады-радешеньки глотать, благо денег не спрашивают! Запомятавали, как читан был указ государыни Екатерины Алексеевны о смерти ее супруга? И прежь этого случая были слухи о всяких проходимцах, самозванных царях! Марш все по домам, покудова не вызвал солдат из казармы и не взял вас как бунтовщиков в штыки! Прикажу солдатам гнид на ваших затылках перебить до единой! А этого доброхотного звонаря отвести под караул. И держать накрепко сего болвана, покудова не выяснится суть дела на Яике рапортом от оренбургского губернатора генерал-поручика Рейндорпа или от симбирского коменданта господина полковника Чернышева. Подпоручик Кутузов, уведите задержанного!

Под глухой ропот самарцев Илья Кутузов, обнажив шпагу, левой рукой за шиворот потолкал упирающегося и грозящего всеми карами Колесникова к гарнизонной гауптвахте.

Капитан Балахонцев, провожая настороженным, обеспокоенным взглядом неспешно расходившихся с площади горожан, пожевал нижнюю губу, в сердцах чертыхнулся:

– Будь ты неладен, пес брехливый! Экую пакость растрезвонил на весь город! Нечего сказать, хорош подарок привез самарцам в день коронации государыни Екатерины Алексеевны! Да не только горожанам заботы прибавилось, а и самарским попам. – При этой мысли

Иван Кондратьевич криво усмехнулся. – Попам благовестить ильбо в честь государыни, ильбо в честь «новоявленного» ее супруга. Да-а, дела нешуточные начинаются. Ну ничего, проживем – увидим, от Яика до Самары не близкий путь, изловят того самозванца. А все же нарочного надобно слать спешно в Симбирск, к коменданту, с этими нечаянными известиями.

Желая получить более достоверные сведения о происшедшем в Яицком городке, капитан Балахонцев через два дня все же посетил подворье купца Тимофея Чабаева, который позже других самарцев возвратился из Яицкого городка.

– Войди в дом, Иван Кондратьевич, – негромко пригласил нахмуренного гостя румянощекий и упитанный хозяин. Он оставил работника разгружать возы, повел Балахонцева в дом. Едва вошли в сенцы, как хозяйка и домочадцы скрылись за дверью боковой комнаты, чтобы не мешать беседе.

Иван Кондратьевич сел на лавку у окна, снял треуголку, пригладил жесткие с проседью волосы, выжидательно уставил взор на высокого, крепкого телом Тимофея Чабаева, которого в Самаре за буйный нрав и страсть к кулачным дракам иначе как Буяном Ивановичем и не кликали.

– Знать хочешь, Иван Кондратьевич, о мятеже на Яике? – догадался Тимофей, сел напротив коменданта, сцепил пальцы. – Ну так слушай, что мне ведомо. – И он неспешно рассказал о появлении слухов среди яицких казаков про объявившегося народу живого якобы Петра Федоровича, о первом приступе самозванца под Яицкий городок и о сражении с гарнизоном полковника Симонова.

– По слухам, которые настигли меня на Иргизском умете, тот самозванный Петр Федорович с переметнувшимися к нему яицкими казаками, побрав в форпостах пушки и порох, пошел вверх по Яику, в сторону Оренбурга, а может, и на нашу Самарскую линию крепостей повернет, чтоб напрямик на Москву идти... – закончил Тимофей Чабаев, пытливо всматриваясь в суровое, словно закаменевшее лицо коменданта: и не прочесть в глазах, каково же его мнение о тамошних происшествиях и о слухах про самозванного царя.

Но капитан Балахонцев вдруг спросил о другом, что совсем не касалось самозванца и событий на Яике:

– Отчего это Данила Рукавкин до сих пор не воротился вместе со всеми самарцами? Неужто торг ведет, мятежа не убоявшись?

– Внук Тимошка у него приболел некстати, думает – поправится скоро. Пришлось Даниле задержаться у знакомого лекаря в Яицком городке. Так мне Данила при нашем отъезде объявил, – добавил Тимофей, хрустнул пальцами и умолк, поглядывая на коменданта.

Иван Кондратьевич слушал, покусывал нижнюю губу и со смутным беспокойством косился на самарского забияку со сломанным в кулачной драке тонким носом.

«Что-то нечисто здесь, чтоб тебя буйным ветром унесло! – подумал капитан Балахонцев, мало веря словам Тимофея Чабаева. – Не похоже это на Данилу Рукавкина, ох как непохоже! И сам не выехал, спасая товары и казну... Данила коней бы загнал до смерти, а привез бы внука домой, к своим лекарям... Как знать, как знать, Тимофей, какой болезнью заболел внук нашего уважаемого караванного старшины...»

### 3

Отчаянный крик вылетел из густых зарослей около брода через реку Чаган:

– Дядя-а Марке-еел!

– Стой-ка, братцы! – Маркел Опоркин резко натянул повод, и черный, с темно-бурым отливом конь, пройдя боком сажень пять, затряс головой, остановился.

Заросли раздвинулись, вспугнув стайку серых птичек, и вверх по речному откосу, торопясь и скользя ногами по росистой траве, к казакам начал подниматься плечистый отрок в

длинной белой рубахе под черным суконным кафтаном нараспашку. Обут в новые сапоги, а на голове новая баранья шапка.

– Тимоха? – Маркел рукоятью плети приподнял со лба изрядно вытертый казачий малахай, от удивления даже присвистнул. – Как ты тут очутился? А где дед Данила? В городе остался?

– Дядя Маркел... Я с вами! А где дедушка – того не ведаю. Сбег я от него по самой рани. – Тимошка запыхался, пока выбирался на обочину дороги, встал и в растерянности развел руками, словно хотел сказать: вот, теперь вам, казаки, и надеваться некуда, берите с собой.

Около сотни яицких казаков заторопились. Старший из них сказал почти сурово:

– Слышь, Маркел, поспешим! Неровен час, майор Наумов следом солдат пошлет. Чей это парень? Выскочил из кустов, будто нечистая сила из-под печки!

– Самарца Данилы Рукавкина внук, – ответил Маркел Опоркин. – Сам-то купец, должно, выехал, а сей пострел везде поспел, сбежал от сурового деда и его крепкой порки за самовольство... Говори, Тимоша, старшине Андрею Витошнову, чего умыслил? Недосуг нам пеньками на бугре торчать, сражение вот-вот начнется.

– Возьмите и меня с собой, желание есть послужить государю Петру Федоровичу. На коне ездить обучен, из пистоля стрелять тако ж умею, подпоручик самарского гарнизона Илья Кутузов учил. Сгожусь и как грамотей, писать и читать горазд.

Витошнов крикнул, обернулся к пожилому казаку, сказал:

– Кузьма, посади его к себе на поводного коня да присматривай за ним, чтоб не свалился. Потом разберемся, куда пристроить. Погнали, братцы!

Тимошка легко вскочил в седло, разобрал поводья, ноги уверенно вдел в стремяна и, успокаивая коня, погладил его по шее, склоняясь доверительно к гриве.

– Ишь ты, купец-батыр! – улыбнулся пожилой, лет шестидесяти казак, покривив верхнюю, сильно порченную шрамом губу. – Держись рядом да не зевай, ежели пальба начнется: пуля, брат, жужжит как шмель, а ежели стукнет в лоб, то не одной только шишкой отделаешься, но и заупокойную себе исхлопочешь...

А под Яицким городком события перед этим разворачивались вот каким чередом.

Ранним утром, оставив Бударинский форпост, войско вновь объявившегося Петра Федоровича двинулось к столице яицкого казачества.

Тимошка, затаившись в сырых росистых зарослях Чагана, близ брода, видел, как до двух сот верховых с копьями и со знаменами надвинулись со степи, издали присматриваясь, откуда легче ворваться в город. Внутри земляного кремля, должно с великого испуга, гремел несмолкаемый набатный звон. Солдаты гарнизона густо заполнили вал, дымились зажженные фитили пальников, металась по улочкам перепуганные женки, ловили вертких казачат и впахивали их в глубокие погреба: пусть лучше с лягушками там скачут от холода, нежели под бомбу попадут.

Из городского кремля в южную сторону по мосту спустилась воинская команда майора Наумова – Тимошка знал того майора в лицо, не один раз видел его в лавке дедушки Данилы. Солдаты поставили пушки перед мостом, казаки не особенно спешно выстроились со своими есаулами и сотниками впереди – ждут, кто первым начнет сражение. Две с половиной версты, не более – так определил на глаз расстояние Тимошка – разделяли противников. Но ни сподвижники Петра Федоровича, ни солдаты и казаки Наумова не отваживались выступить первыми.

– Вона-а, началось-таки! – Тимошка завожился в кустах, стряхивая на себя крупную холодную росу, привстал в высоком разнотравье около зарослей и увидел, как три всадника, размахивая маленькими знаменами на копьях, отъехали от Петра Федоровича и приблизились уверенно к отряду майора Наумова. Встречь им выехали казацкие старшины, сошлись, но сабли из ножен не вынули и копыя в дело не пустили – потолклись на месте некоторое время, разъехались. Среди казаков Наумова довольно скоро произошла какая-то свара, и тут же с

полета человек отделились от отряда, широко рассыпавшись по полю и беспрестанно оглядываясь, опасаясь получить картечный хлесткий заряд в спины, умчались на юг. Там их встретили ликованием, стрельбой из ружей в воздух.

«Переметнулись к царю-батюшке!» – догадался Тимошка, не зная еще толком, радоваться ли ему, а может, негодовать... Остался он в Яицком городке, а что делать дальше? И как проявить себя удалцом в глазах насмешливой милой Устиньюшки, тоже еще не знал. Порешил: ежели будет война, а на войне да не быть подходящему случаю!..

Потеряв полста казаков без сражения, майор Наумов, приметив движение мятежников в сторону брода через Чаган, решил не допустить их в город и выслал к тому месту отряд старшины Андрея Витошнова...

– Братья-казаки! – Витошнов обернулся к своим казакам. Большие, чуть выпуклые глаза старшины сверкали гневом. – Нам ли теперь головы свои нести на плаху, защищая слуг царицы Екатерины? Это по ее злой милости сгибли наши братья от рук генерала Траубенберга! Послужим верой и правдой царю Петру Федоровичу! Читал я только что государев манифест к вам, казаки. Да спрятал тот манифест майор Наумов, не дозволил пред всем войском обнародовать, устранился правдивого слова государева! Обещает царь Петр Федорович наградить нас реками и землями, морями и травами, денежным жалованием, свинцом и порохом и всею вольностью, как было нам жаловано в самой первой грамоте царя Михаила! Не летит, братцы, пчела от меду, а летит от дыму! Кто с нами до государя Петра Федоровича – пошли!

Витошнов, Маркел Опоркин с братьями, Кузьма Аксак, тот, что отдал Тимошке своего поводного коня, первыми пустились вскачь с берега реки в воду Чагана.

«А я что же мешкаю? – всполошился Тимошка. – Дядя Маркел уйдет, с кем останусь?» – стремянами поддал коню в бока и погнал его вслед за казаками. На берегу осталось всего три человека, постояли недолго и повернули в сторону Яицкого городка.

До невысокого холма, на котором остановился Петр Федорович со своим воинством, домчались без происшествий. От Чагана вдогон казакам сотни Витошнова бухнула пушка – то майор Наумов запоздало срывал злость и досаду...

Робея, Тимошка вкупе с казаками старшины Витошнова слез с коня, а потом повалился, как и все вновь прибывшие, в ноги государю Петру Федоровичу.

Государь, подбоченясь левой рукой, восседал на белом коне. Одет он был по-походному, но в справный парчовый кафтан, на плечи накинут алый зипун, полосатые шаровары заправлены в сапоги козловой кожи, с желтой оторочкой по верху голенищ. На голове лихо заломлена кунья шапка с бархатным малиновым верхом и золотой кистью. Кафтан и зипун обшиты позументом.

Государь Петр Федорович приветствовал новоприбывших, привстав в широком киргизском седле, громким голосом:

– Приемлю вас, детушки, под свою державную руку, потому как я есть истинный от Господа Бога ваш анператор. И как сказывал я вам, робята, в имянном моем указе – во всех винах прощаю и жалую вас волей, крестами и бороною, денежным и хлебным жалованием и чинами. И как вы, тако же и потомки ваши в моем царстве первыя выгоды иметь будете и в службу славную при моем дворе служить определитесь! С богом, робята, встаньте, допускаю вас до державной руки к целованию.

Казаки малость помешкали и с долей робости – слуханное ли дело: сам государь среди них объявился, на службу вместо гвардии при дворе зовет! – поочередно подходили и целовали сильную, в крупных прожилках руку императора, отходили за спину Петра Федоровича и обнимались там с родными и знакомыми из тех, кто был уже в войске царя.

Тимошка заглазился на богатое убранство сбруи государева коня; уздечка и нагрудник, стремяна изукрашены серебром и сердоликом, а в середине широкой круглой луки киргизского седла вставлен сердолик величиной с куриное яйцо...



– А это, робята, чей отрок здесь средь вас? – Тимошка вздрогнул, очнулся от громкого спроса Петра Федоровича. – Каких он мест рожек? И пошто не в казацком, а в мужицком платье? Подь сюды ближе, отрок. Я ваш анператор, и не гоже меня бояться. Откель на Яике, сказывай!

Тимошка всхрабрился, проворно подошел и чмокнул опущенную руку государя: от нее пахло конским потом и сырым ремнем – плеть только что держал в руке батюшка-государь.

– Из города Самары я, ваше императорское величество, – бойко ответил Тимошка. – Хочу вписаться на государеву службу.

– Письменный ли ты, отрок? И каково прозвище носишь?

Государь – Тимошка разглядел его теперь вблизи – был долголиц, сухощав, с черной проседью в окладистой бороде. Лицо имел чистое, а на левом виске маленький шрам. Нос с горбинкой. А еще, заметил Тимошка, государь то и дело щурит левый карий глаз и часто им моргает.

– Писать и читать обучен изрядно, государь-батюшка, – ответил Тимошка. – А прозвище от крещения Рукавкин Тимошка, из купеческого сословия.

Государь вновь, словно призывая Тимошку к откровению, моргнул левым глазом.

– По обиде ли на кого ко мне явился, аль по вере в то, что я истинный анператор, ась?

Тимошка смутился, но глаза не опустил, сказал честно:

– Были сомнения, государь-батюшка, да по рассказам вашего теперь казака дяди Маркела Оприкина уверовал в истинность вашего императорского величества. А пристал вам служить да себе ратную славу добыть.

От Чагана вновь бухнули пушки, у моста закопошились солдаты. Со стороны земляного кремля через другой мост выступил еще один отряд, в основном из казаков.

– Вона что удумал полковник Симонов – атаковать нас с двух сторон. Погоди трохи, полковничек, зараз и мы изготовимся. Ванюшка! Почитайлин, иде ты?

– Здесь я, ваше императорское величество! – отозвался звонкоголосый молодой казак, почти ровесник Тимошке. Он подъехал к Петру Федоровичу, сорвал с кудрявой головы каракулевый малахай, мазнул левой рукой под носом, где чуть приметно пробивалась первая юношеская поросль, отдаленный пока что намек на будущую казацкую доблесть – усы и бороду.

– Возьми его, Ванюшка, к себе. Да погодь трохи... Зараз бой проведем, а опосля я манифест тебе задиктую. Будем писать к киргиз-кайсацкому хану Нурали. Он мне большой друг, и нам его добрая подмога сгодится воевать с питерскими енералами. Теперь ступайте, да будьте недалече, кликну.

Петр Федорович зорко следил за движением второго отряда через Чаган; солдаты бережно катили три пушки по бревенчатому мосту, удерживая на телегах прыгающие зарядные ящики.

– Хитрый народ енти питерские енералы да полковники, что и баить! Однако, робята, хитрее телка они не будут! Хан Нурали, – эти слова Петр Федорович кричал громко, чтобы все казаки знали, – целовал крест мне на верность! Пошлю ему указ, и он придет мне в подмогу со своими полками!

Иван Почитайлин дал знак Тимошке сесть в седло и отъехать прочь с глаз Петра Федоровича: государю надобно о баталии озаботиться, потому как и майор Наумов, вкупе со вторым отрядом, вид начал показывать весьма решительный, что готов ударить в штыки.

– Кто ведет вторую колонну? Какого звания ахвицер? – громко спросил государь, не оборачиваясь к своим сподвижникам.

Антон Витошнов взгляделся, без особого труда опознал офицера.

– Ваше императорское величество, вторую колонну вывел на сражение капитан Андрей Прохорович Крылов<sup>1</sup>.

– Ну ин быть этому бычку на веревочке! – сурово вымолвил Петр Федорович. – Висеть ему рядышком с полковником Симоновым! Таперича слухай мою волю: как удалятся казаки от пушек, берите их, детушки, в пики да в сабли! С богом!

Андрей Овчинников, один из первых атаманов Петра Федоровича, и Андрей Витошнов отобрали добрую половину казаков при государе и начали их выстраивать для атаки отряда капитана Крылова.

– Ах, каналья! – неожиданно сорвалась с языка Петра Федоровича мужицкая брань. – Ну ин Бог ему судья: дураков и в алтаре бьют! Пушай поберегется теперь от моего праведного гнева!

Понятно было беспокойство государя: Крылов не рискнул бросить свою конницу в сабельную атаку, остановился, дал знак изготовить пушки к стрельбе бомбами по взгорку, где мелькал белый конь под богато одетым всадником.

Но тут случилось неожиданное: более половины казаков из отряда капитана Крылова, рассыпавшись просторно по полю и потому став практически неуязвимыми для пушечной стрельбы, кинулись к лагерю Петра Федоровича, делая отчаянные знаки не стрелять по ним из ружей.

Пушки от реки Чагана ударили бомбами, а Маркел Опоркин в ответ громко засмеялся:

– Отменный стрелок этот капитан – пьяной головой в овин попадает! – и замахал рукой, приветствуя казаков, вновь прибывающих под государеву державную руку. – Правь до нашего куреня, братцы-казаки!

Пушкарки увеличили прицел, и бомбы рванули сухую землю вперемешку с низкорослым кустарником почти в полусотне саженой от воинства Петра Федоровича. Государь дал знак отойти от взгорка.

– С голыми руками, детушки, не сунешься супротив пушек-то, – пояснил он свое решение. – Погоди трохи, Симонов, и твой черед придет! Будь ты трижды ужом, а от смерти не ускользнешь. А покедова, робята, мне вас понапрасну терять нет резона. Видно, в Яицком городке мне не рады. Так пойдем мимо, пойдем к крепостям, где нас примут с великой радостью и колокольным звоном.

Маркел Опоркин, а рядом и его братья Тарас да Ерофей отыскиали Тимошку. Старший из братьев обнял его за плечи, нагнувшись с седла, тихо сказал:

– Во, Тимоха! Без единого выстрела войско государя в сей день утроилось! Нас в отряд Витошнова отсылают, а тебе велено быть при Ванюше Почиталине, он у государя важная персона, секретарь, а стало быть, по воле Петра Федоровича указы пишет! Ну, прощевай пока, казак, и гляди веселее!

Петр Федорович отвел свое войско и встал лагерем поодаль Яицкого городка, чтобы казаки созвали круг и выбрали себе походных атаманов да чтобы поделились на боевые сотни. А ближе к вечеру, когда над степью зажглись первые часто мерцающие звезды и солнце ушло светить другим народам...

– Ванюша! Почиталин! Ты где-ка? Государь кличет с бумагами к себе. Указ писать надобно. Живо!

Андрей Афанасьевич Овчинников, выйдя из шатра Петра Федоровича, нетерпеливо постукивал плетью о голенище сапога.

Ванюшка подхватился с постеленного было кафтана – готовился прилечь головой на седло – потянул за собой и оробевшего Тимошку.

---

<sup>1</sup> А. П. Крылов – отец баснописца И. А. Крылова. (Здесь и далее – примечания автора.)

– Идем, идем! Ну как надобно будет перебеливать тот указ на многие листы? Вот и поможешь. Вдвоем-то быстрее управимся да и на боковую ляжем...

В просторном шатре государя былолюдно, горели толстые свечи. Почиталин смело протиснулся к походному столику, на край сдвинул локтем чью-то саблю и пистоль, разложил бумагу, бережно поставил пузырек с чернилами, перья положил и поднял взгляд.

– Готово, государь-батюшка.

Петр Федорович, без верхнего зипуна, при оружии, сидя на маленьком белом стульчике, шурился на огни витых свечей, отмахивался от надоедливого ворчания избранного казаками полковника Лысова.

– Погодь ты, Митька, со своим потрошением! Да и кого особенно здесь потрошить? Вот войдем в места с барскими поместьями, тамо уже по крестьянским многослезным жалобам и будем вершить наш державный суд да расправу... Идерка, куда ты запропастился со своей бумагой? Готов ли манифест?

– Готова, батька-осударь! – Из угла, темного и заставленного походными корзинами, вылез яйцкий казак, низкорослый и плечистый, крещеный татарин Балтай Идеркеев, протянул с улыбкой Почиталину исписанный лист бумаги. – Я писала на татарском языке, тебе скажу русским словам, ты пиши, как нада, умна пиши!

Государь улыбнулся, моргнул левым глазом несколько раз кряду.

– Ишь каков думный дьяк у меня! Ништо, робята, не тушуйся! Умеючи и ведьму бьют наотмашь! Пишите указ спешно, время уже позднее, нам надобно еще его отправить...

Идеркеев водил пальцем по бумаге и диктовал Почиталину. Ванюшка старательно бубнил и писал:

*«Я, ваш всемилостивейший государь, купно и всех моих подданных, и прочая, и прочая, и прочая, Петр Федорович. Сие мое имянное повеление киргиз-кайсацкому Нурали-хану.*

*Для отнятия о состоянии моем сомнения, сего дня пришлите ко мне одного вашего сына Салтана со ста человеками, и в доказательство верности вашей, с посланным сим от нашего величества к вашему степенству с ближайшими нашими Уразом Амановым с товарищи.*

*Император Петр Федорович».*

Государь поднял глаза на Почиталина, тихо пояснил:

– Вчерашним днем схватили симоновские разъезды мною посланного к Нурали-хану казака Уразгильду. Таперича указ сей отвезет киргиз-кайсакам прибывший в наш стан ханов посланец мулла Забир. Написал, Ванюша? Ну ин славно. Таперича капни сургуча, а я печатку державную тисну. Вот и гоже. Ступай, Ванюша, до утра покедова свободен.

Почиталин откланялся государю и атаманам, рукой ухватил Тимошку – идем, дескать, отсюда, а Тимошка далее порога так и не отважился протиснуться, незванный.

– Идем спать, – негромко сказал Ванюша, а когда вышли из шатра под звездное, словно ликующее небо, добавил: – Завтра весь день в седле проерзаем. Начнется наша ратная служба государю.

– Да боже мой! – беспечно отозвался Тимошка. – Нам с тобой в поход собираться, что нищему с пожара бежать: подхватился на ноги и – будь здоров!

Почиталин рассмеялся, хлопнул новоявленного товарища по плечу, заглянул в лицо, словно бы только теперь понял: жить им рядом долго, а может, и смерть придется принять в одночасье...

– Да ты, Тимошка, веселый малый! С тобой не скучно будет.

От ближнего костра их окликнул Маркел Опоркин. Там же сидел и бородатый, с виду до дикости суровый Кузьма Аксак. Кузьма кашеварил, над огнем помешивал длинной ложкой

в объемистом чугушке – пахло преющей гречневой кашей. Кузьма Аксак посунулся боком с постеленного на сухой траве рядна, уступил место молодым казакам.

Разглядывая самарца, Кузьма вдруг растянул в улыбке жесткие, заросшие усами и бородой губы, чесанул черенком ложки крупный прямой нос и спросил:

– Что же дед твой Данила к государю не пристал? Должно, заробел и в Самару укатил, да?

Тимошка обиделся за дедушку Данилу и не совсем почтительно по отношению к старшему по возрасту огрызнулся:

– Дедушка мой в преклонных уже летах, чтоб казаковать! Да и нету теперь мужиков у него в доме, кроме его самого. Тятка мой Алексей да его брат Панфил в Петербурге пребывают в государственной службе... Даст бог случая, и они, думаю, к государю преклонятся.

– Эко отчитал ты меня, брат! – засмеялся Кузьма Аксак и воткнул ложку в чугунок. – Вижу: за твоим языком не поспеешь и босиком. Ну-ну, не петушишься, Тимошка. – Кузьма тяжелой рукой потрепал отрока по плечу, приблизил к нему скуластое бородатое лицо. – Я твоего деда Данилу знаю вот уже два десятка лет, еще с его хивинского хождения. И премного ему благодарен: кабы не он, стиб бы я в треклятых песках Шамской пустыни. В то же самое лихое для меня одночасье горькая судьбинушка свела и вот с этими братцами Опоркиными. Правда, – добавил Кузьма и вновь засмеялся, – меньшей, Тарас, с перепугу, узрев меня, из песка встающего, завопил: «Леший киргизский!» – и малость не застрелил беспромахом! Ладно Ерофей успел руку ему перехватить.

Маркел печально улыбнулся, огонь костра высветил его редко посаженные зубы. Разминая сведенные судорогой ноги, сказал:

– Да-а, брат Кузьма, воистину времечко каленым ядром над нашими головами прогудело... И не думали, не гадали мы, в Хиве сидючи, что придет час послужить самолично царю-батюшке да за народ бедный, быть может, головы положить... Хотя тебе это и не впервой, бунтовал уже против своего заводчика Никиты Демидова под Калугой. Даст бог, дойдем до твоего села Ромоданова, позрим, каково там житье-бытье у приписных мужиков...

Тимошка отвернул лицо от горького дыма, увидел поодаль цепь дозорных костров вокруг походного стана. Еще дальше едва угадывалась темная пойма реки Яика и еле светились редкие огни затаившегося ночного Яицкого городка. А еще дальше на север, где-то в сплошной тьме, пролег тракт на Самару.

«Дедушка, поди, теперь убивается моим проступком... Зато я близ Устиньюшки останусь да около государя. Ну, ежели службу какую задаст иль в сражении чем ни то потрафить выпадет счастливый случай, паду батюшке-государю в ноги, дозволения жениться на Устиньюшке испрошу. Думаю, не откажет. Вот только бы не сбобеть, когда драться выпадет час...» – Лапнул себя по бокам, а при нем и кухонного ножа не оказалось!

Маркел Опоркин, заметив, как Тимошка ощупывает себя, полюбопытствовал:

– Что загрустил, Тимоша? Негоже это, брат! Гибали мы вязовую дугу, согнем и ветловую!

– Не снаряжен я для государственной службы...

– Не велика печаль! – тут же заверил его старший Опоркин. – Завтра поутру приоденем тебя в казацкую обнову. И пику хвостатую да саблю острую дадим. А там, глядишь, и пистоль с ружьем раздобудем. Негоже тебе в таком-то купеческом обличье среди военного лагеря проживать, еще примут за подлащика да стрельнут спяну...

Тимошка с благодарностью пожал дяде Маркелу широкую руку, а отужинав, улегся спать на рядне близ костра с радостными мыслями о возможной скорой встрече с Устиньюшкой Кузнецовой. И печалился одновременно, что доставил столько огорчений любимому деду Даниле.

4

От Яицкого городка успели отъехать версты три-четыре, не более, когда Данила Рукавкин резко остановил коней, спрыгнул с воза.

– Герасим! – крикнул он старого друга-помощника. – Дале поезжай один! И жди меня с возами на Иргизском уме. – Данила поспешно отвязал пристяжную соловую кобылу, попрощал Герасима: – Помоги седло надеть.

Рыжебородый Герасим, прихрамывая, обошел воз, снял с задка седло, перекинул левым стремянем к Даниле. Затянул ремни, проверил – надежно ли. Осмелился спросить, безбожно шепелявя:

– Вернешься, Данила, в Яицкий городок?

– Надобно поискать Тимошу. Не сложил бы голову неразумную: дитя ведь малосмышленное для жизни такой суматошной, даром что в плечах добрый молодец. Только ты, Герасим, о том никому ни слова. Иначе изловят потом Тимошу, запытают до смерти за измену матушке-государыне.

– О том и прошить не надобно, Данила, не первый год жнаешь меня. Жа товары не бешпокойша – на тюках шпать буду, а уберегу.

– Возьми на прокорм себе и коням. – Данила протянул кошель с серебром. – Уметчику Перфилю скажешь, что Тимоша приболел, а я при нем засиделся. Товары же отослал с тобой ради бережения, да не пограбили бы мятежники.

Герасим сказал, что он все уразумел, привязал задних коней поводьями к переднему возу, положил Данилово ружье себе на колени и, не оглядываясь, погнал коней вслед за уехавшими на добрую версту вперед самарцами.

Данила легко, в свои шестьдесят пять лет, влез в седло и тронул соловую кобылу под бока стремянами.

В Яицкий городок въехал с северной стороны под пушечную пальбу за рекой Наганом: это майор Наумов, озлясь на измену казаков, повелел стрелять бомбами в скопище вокруг новоявленного императора или самозванца Емельяна Пугачева – о том он и сам толком не мог себе сказать.

Хозяин постоялого двора, приняв лошадь, отвел ее в конюшню. Потом вышел во двор, прислушался к пальбе, горестно покачал головой.

– Во, сошлись два воителя – один невесть откуда взялся, другой свой, доморощенный. Покатятся теперь по степи казацкие головушки наобгонки с перекасти-полем. Воистину, дурак с дураком съедутся, – инда лошади сдуреют! Ну чего людям мирно не живется, а? – И неожиданно спросил: – Завтракать будешь, Данила?

– До еды ли, Поликарп! Надежно ли в городе? Не шалит ли здешняя беднота?

– В кремле Симонов сидит весьма крепко. С ним солдаты и казаки старшинской стороны с Мартемьяном Михайловичем Бородиным. А войсковой стороны казаки либо уже переметнулись к самозванцу, либо здесь, в городе, ждут удобного часу... А где же товары твои, Данила?

– Укрыл я товар, – односложно ответил Данила. – Вот утихнет баталия, тогда и открою лавку. А пока не до торгов.

– И то, – согласился Поликарп. Перекрестился – за рекой снова пушки: бух-бух-бух! – Будь спокоен, за кобылкой догляжу. А обед на тебя сготовить аль как?

– Сготовь попозже. Пойду на кручу, гляну на новоявленного из степи императора...

– Блажная собака и на владыку лает, – снова осерчал на зачинателя смуты хозяин постоялого двора. – Воистину, новым Мамаем пройдет сей самозванец по Руси... А нам с тобой от этой смуты одни убытки. Так я на обед поболее накажу хозяйке для тебя, Данила, готовить. Уговорились?

Данила кивнул головой, горько усмехнулся. «Ему про дело, а он про козу белу! Тут всей России потрясение начинается, а ему как бы обеденные копейки не упустить. Эх, люди, люди», – огорчился Данила, покинул постоялый двор и пыльной улицей, мимо дома Кузнецовых – пусто на подворье, даже уличные ставни закрыты, – прошел на берег Чагана.

– Ишь ты! Чисто копошливое воробье стреху облепили, – удивился Данила, заметив, что едва ли не все ребятишки, а то и отроки – да и иные отчаянные девицы – густо обсели причаганский берег, страстно, с криками и оханьем, переживая за сражение, которое происходило по ту сторону реки.

Неподалеку от Данилы, за кустами волчьей ягоды, взвизгивала от отчаяния стайка девиц, и среди них Устинья Кузнецова. Молоденькая казачка закусил в белых зубах конец платка и вздрагивала молча, когда черным дымом бухали пушки.

– Не страшись, Устинья, – негромко обмолвился Данила. – Бомбы, к счастью, не в город летят, а вон в тех удалых молодцев.

Устинья живо обернулась на его голос, взгляделась, узнала купца и в удивлении дернула черной бровью.

– Ныне поутру и мой внук Тимоша сбежал к тем удалцам, себе славы добывать, – так же негромко добавил Данила, перекрестился. Перекрестилась и казачка. Ответить не успела – подруги подхватились с места и побежали к мосту, встречать возвращающихся казаков.

Данила успел заметить, как справа от брода ушла на юг, к самозванцу, сильная команда яицких казаков, потом видел уход мятежного воинства от городка, видел бесславный возврат в земляной кремль майора Наумова и капитана Крылова. И под тревожный набат колокола каменного собора безуспешно пытался уснуть с думой о завтрашнем дне и о новом приступе к городу назвавшегося царем Петра Федоровича.

Но ни на завтра, ни через день войско самозванного царя под Яицким городком не появлялось, зато пришли вести, что форпосты в сторону Оренбурга – Гниловский, Генварцевский, Кирсановский и Иртецкий – сдались самозванцу без всякого сражения, а казаки с пушками все до единого влились в мятежное воинство, изрядно усилив его таким образом.

Данила сокрушался, сидя на постоялом дворе у Поликарпа, не находил себе места в притихшем Яицком городке. Видел, как к Симонову прибегали из Оренбурга курьеры через киргиз-кайсацкую сторону, а с расспросами лезть остерегался – еще пристанут с допросом, не тайный ли он от злодея доглядчик?

Где же теперь искать Тимошу? Куда улетел мой соколик неоперившийся вслед за матерым орлом? Сдюжит ли такой поход? Уцелеет ли в постоянных баталиях, в погоне за славой? Ох, горе, горе мне, старому! Что скажу Алексею, коль, не приведи господь, сгинет Тимоша! Да и себя до скончания века не прощу, не отмолить греха тяжкого...»

Острая боль рвала, будто голодный волк загнанного зайца, изрядно поношенное жизнью сердце, а уши чутко вслушивались в осеннюю тишину степи: не громыхнут ли пушки с востока, не возвращается ли самозванный государь со своим усилившимся воинством для взятия Яицкого городка? Тогда-то и можно будет перейти на ту сторону и поискать Тимошу...

Да и самозванец ли он, сей удачливый предводитель? На кукушкиных яйцах не высидишь цыплят – а и здесь разве не так? А ну как и в самом деле объявился спасшийся чудом государь Петр Федорович? Мало ли что было в царских покоях? И кто из простого люда был при том свидетель? Всякое могли потом в указе измыслить... Вот и ломай теперь вспухшую от думы голову...»

На третье утро Данила вывел с постоялого двора свою кобылу, забил приседельную сумку харчами и торопливо на свой страх и риск погнался вслед ушедшему на восток мятежному воинству.



«Все едино, – отчаялся Данила, выехав на пустынный Оренбургский тракт, – голову за пазушкой не схоронить, коль такое дело заварилось в наших краях! Как зайца барабанным боем не выманить из лесу, так и мне, сидя дома, Тимошу не вызволить из губительной круговерти!»

\* \* \*

В Илецкий городок Данила въехал уже после обеда, когда строевые казаки в числе трехсот человек при двенадцати пушках да вместе с ними местные жители преподнесли самозваному Петру Федоровичу хлеб-соль, при развернутых знаменах встретив его у раскрытых ворот.

У этих же ворот два немолодых казака остановили Данилу Рукавкина. Один схватил кобылу за узду, сразу же прицениваясь бывалым глазом к седлу и сбруе. Другой, наложив руку на пистоль, устрашая купца, задергал усищами.

– Откель едешь и куды? И какое у тебя дело в войске государя нашего? Не доглядчик ли губернаторов? Ну, сказывай!

Ах ты, аршин заморский! Ах, лиходея без тельного креста на шее! Уже и к лошади моей приценяется без спросу – продам ли?» – ругнулся про себя Данила, не сробел, столь же сурово ответил, глядя с седла в колющие глаза казака:

– Самарский купец я, прозван Данилой Рукавкиным. А в вашем войске, – он не назвал предводителя ни царем Петром, ни самозванцем, – ищу отрока, внука своего Тимошу. Думаю, он где-то подле моих давних знакомцев, яицких казаков Маркела Опоркина с братьями. Покличьте их, коль нужда есть опознать мою личность.

– Вона как? И ты говоришь, Маркел доподлинно опознает тебя в лицо? – Голос казака стал менее суров.

– Опознает всенепременно. Мы с ним вместе в Хиву ходили...

– О том хождении и я наслышан, – ответил казак. – Едем к Маркелу. – И к напарнику: – Ты покудова один побудь у ворот, я мигом.

И казак, петляя тесными проулками, забитыми возами, пушками и оседланными конями, выбрался наконец-то на площадь. И случилось такое, чего не предвидел Данила, – от церкви к площади выехал пестро одетый отряд казаков, а среди них на белом коне в бархатном малиновом плаще статный чернявый всадник в куньей шапке с бархатным же малиновым верхом.

Сопровождавший Данилу казак заволновался, довольно громко прошептал ему:

– Долой из седла! Сам государь Петр Федорович встречу объявился! – Проворно соскочил с коня и, не выпуская из рук повода, встал коленями на избитую копытами придорожную мураву, уступив путь царю и его свите.

Данила, малость замешкавшись снять шапку, опустился рядом с казакон в надежде, что самозванный – а может быть и истинный, кто знает! – государь проедет мимо, не глянет на простолюдина, пребывая в великой радости ввиду покорения столь сильной крепости: доподлинно известно, что сытый волк смирнее завистливого человека, авось минет Данилу злой рок и пустится он далее искать своего Тимошу.

Но так уж, видно, от роду писано: на бедного зайца слишком много собак развелось. Казачий предводитель приметил-таки спешенного всадника в купеческом обликии, остановил вычищенного до блеска коня, сверху вниз сверкнул недобрым взглядом.

– Отколь этот мешок денежный в крепости объявился? Тутешний аль доглядчиком от губернатора Рейнсдорпа? Што молчишь, борода, сказывай! Сробел перед государем? Так не трусь – хоть на кол, так будь сокол!

У Данилы под сердцем заглодело. «Вздернет теперь на воротах пообок с повешенными офицерами... и черным оком не моргнет! Вона как лют к нашему купеческому сословию!»

– Ладила бабка в Ладугу, да попала в Тихвин! – засмеялся кто-то из государевой свиты.

Не успел смутившийся Данила и словом обмолвиться, что он не из Оренбурга, как по бокам мигом оказались два проворных молодца, хрустнули в плечах заломленные стариковские руки да так, что у Данилы в глазах потемнело.

– Ох, Господи, спаси и помилуй! – вскрикнул он, и невесть к чему сам себе укоризну высказал: – Выть тебе, Данила, серым волком за свою овечью простоту...

Самозванец – а может, и не самозванец, Данила мыслями об этом был словно странник на распутье – услышал сетования купца, весело рассмеялся.

Чужие грубые пальцы облапали его одежду – нет ли тайно укрытого оружия, не подосланы ли убить государя-батюшку?

– Из Самары я, государь мой. Рукавкиным прозываюсь, – поспешил пояснить о себе Данила, обращаясь к казачьему предводителю весьма условным среди господ обращением. – В Яицком городке многие годы по осени торги веду, рыбицу у тамошних казаков скупаю. А здесь объявился по причине самовольного побега в твое, государь, воинство внука Тимоши.

– Ты что же это, голова неразумная, от государевой службы удумал воротить его к дому? – Кустистые брови сдвинулись козырьком над карими глазами, обозначив неминуемый государев гнев.

– Да не годен он к службе тебе, государь! – загорячился Данила, забыв о недавних своих страхах. – Какой из него воитель? Вот уж о ком молва молвит: дай боже нашему теляти волка поймать! Окромя кухонного ножа, в руках отродясь ничем не владеет.

– Аль немощен таков? – удивился казачий предводитель. – Тогда бери его – кашу из котла у меня и без него есть кому ложкой черпать!

Данила оскорбился за внука.

– Куда там немощен! На моего Тимошу по темному времени два бурлака единожды в переулке натолкнулись. Думали – вот, бредет куль с калачами, ан оказалось – молодец с кулаками! И поныне свистят по Волге через выбитые зубы!

Государь искренне, откинувшись в седле, расхохотался, и Данила увидел, что и у него передний верхний зуб вышиблен напрочь.

«Прости, господи, неужто обидное что ляпнул!» – вновь испугался Данила и, зыркнув глазами на церковные купола, торопливо перекрестился.

Кто-то из казаков подал звонкий голос, подсказал так вовремя:

– Батюшка-государь, а не тот ли это малый, что с братьями Опоркиными к нам под Яицким городком прилепился?

– Вона што-о! – Предводитель перестал смеяться, теперь темно-карие глаза его глядели на Данилу тепло и не грозно. И вновь обнажил щербинку верхнего ряда зубов. – Как же, как же, купчина! Помню я того письменного отрока. Определил я его Ванюшке Почиталину в добрые помощники указы мои самодержавные множить, – и к одному из своих соратников повернулся: – Андрей Афанасьевич, вели покликать того Тимошку не мешкая пред мои очи.

Через несколько минут, пока государь – а может, и самозванец, бог ему судья! – выпрашивал у Данилы о Самаре: много ли там служилых людей и каковы числом там пушки, в сопровождении Маркела Опоркина прибыл на площадь крайне встревоженный зовом Тимошка. Был он в седле на вороном коне, в ладно подогнанном казацком кафтане. А на поясе – добрая сабля, за поясом – пистоль, у седла торчком дыбилась пика с конским хвостом под наконечником.

Увидев Тимошу, Данила искренне ахнул, руками всплеснул и не успел по-стариковски запричитать на раннюю ратную службу внука, как Тимошка ловко слетел с седла и очутился рядом с дедом, подхватил под руку, помог встать с уставших колен.

– Дедушка, ты как здесь очутился? – И к предводителю: – Батюшка-государь, не вели казнить его, ежели в чем и обмишулился по старости лет! Добр он к людям всю жизнь и справедлив бескорыстно, о чем многие сказать тако же могут, душой не покривив.

– Так ли? – усомнился предводитель и снова суровым взглядом уставился на Данилу, левой рукой подбоченясь, а правой держа повод у луки киргизского седла. – Не знавал я среди купеческого племени справедливых да бессребреников! Одни лихоимцы да воры!

Рядом с Данилой, коленями в дорожную пыль, опустилсЯ Маркел Опоркин. Страшась, что государю недосуг выслушать его, сбивчиво рассказал, как двадцать лет назад, приехав в погорелый Яицкий городок, Данила Рукавкин выкупил его от долговых публичных побоев и тем спас от позорища и полного закабаления. Упомянул и о его беспримерном по отваге хождении в Хиву и о том, что Данила в доклад к войсковой казне, без возврата, дал сто рублей на выкуп из хорезмского плена старого яицкого казака Демьяна Погорского.

– Государь-батюшка! Введом нам Данила по изрядному многолетию! – Еще кто-то из казачьей толпы подал голос в защиту Рукавкина. – По Тимошкину душу он здесь, а не симоновским подлащиком и соглядатаем.

– Гляди-ка што получается! – Предводитель левой рукой махнул по усам. – Едва ль не все яицкое войско поручается за тебя, купец! Ну ин так и быть! Вижу я, Данила, что человек ты до дна масляный, всем хорош. Качнулась пред твоими очами пеньковая петля, да, к счастью твоему, мимо. Целуй государю своему руку. А Тимошку я тебе, старина, не верну. Самому дюже надобен грамотей.

– Дитя ведь, государь-батюшка, – начал было жалобить предводителя Данила, поцеловав протянутую ему широкую руку. – Малолеток, девками еще не целован...

Тимошка вспыхнул, дернул деда за рукав кафтана.

Предводитель снова заразительно захохотал, откинувшись крепким телом и раскачиваясь в седле. Конь, не понимая происходящего, всхрапнул, ударил копытом о землю.

– Ух ты, старый хрыч! Не иначе, уморить меня нынче удумал! Ах, братцы, какая у купца печаль: утаи, боже, чтоб и черт не узнал, а то беды не миновать! Что же это получается, детушки? Ваш собрат девками ишшо не целован, а вам и горя мало? Слышь, Тимошка, а есть ли невеста на примете? Говори, как на исповеди! Я тебе таперича и государь и патриарх заедино.

– Есть, батюшка-государь! – Тимошка полыхнул алыми щеками: вспомнилась несравненная Устиньюшка. – В Яицком городке казацкая дочь Устинья Кузнецова!

Из толпы тут же не менее удивленный голос раздался:

– Гляди-ка! Эт когда ты с моей сестрицей-то сговорился? Вот так хабарновость нашему дому! – К предводителю протиснулся верховой казак, лет под тридцать, может, чуть меньше, снял шапку, назвалсЯ с поклоном: – Брат я той казачке, государь, Егор Кузнецов.

– Вот и славно! – Государь повеселел. – Видишь, Тимошка, есть и сродственник тебе в моем воинстве. Офрунтим днями Оренбург, повесим тамошнего губернатора-собаку на семи ветрах качаться меж столбов скрипучих. Опосля этого пошлю войско побить полковника Симонова. Тогда и свадьбу сыграем. Поп в колокол, а мы в ковши ударим! Самолично за посаженного отца тебе буду, Тимошка! – Предводитель повернулся вновь к одному из высоких ростом атаману: – Андрей Афанасьевич, выдай купцу Даниле проездную бумагу, чтоб нигде да не приключилось с ним какой задержки, когда надумает отбыть в свою Самару. Слышь, Данила, передай самарцам, чтобы ждали меня в самом скором времени. Погодя трошки от Оренбурга я прямиком на Москву двинусь! Стану силой добывать коварством похищенный у меня самодержавный, родителем завещанный трон и Москву белокаменную! А покедова прощевай, купец!

Предводитель махнул рукой, давая знак свите ехать далее после столь непредвиденной задержки. Войско, поднимая пыль, потянулось из Илецкого городка в сторону Россыпной крепости: поход на Оренбург продолжалсЯ без малейшей задержки.

Маркел Опоркин поспешил сесть в седло.

– Тимоша, догоняй нас! А ты, Данила, будь здоров! Даст бог, свидимся еще, караванный старшина. Готовь самовар, глядишь, через месячишко, а то и на покрова, подступим к твоей

Самаре. Так ты даже не супротивничай нам, – добавил Маркел с улыбкой и помахал на прощание рукой.

– Рад буду всех вас видеть! – прокричал Данила вслед отъехавшему давнему товарищу. Потом пытливо глянул Тимошке в глаза: – Взаправду ли это был государь, Тимоша? Не лиходей ли самозваный?

Тимошка ничего не ответил, помог деду сесть в седло. Пропуская обоз и пушки, прижались к плетню богатого, под тесовой крышей шатрового дома казацкого атамана Ивана Творогова. Это он повел за собой полк илецких казаков, сдав перед этим крепость без боя мятежному воинству и вновь объявившемуся государю Петру Федоровичу.

– Должно, взаправду государь он, – ответил Тимошка, когда поблизости не осталось чужих людей. И добавил, чтобы рассеять последние сомнения: – Я самолично, вкупе с Ванюшей Почиталиным, слышал, как государь о том же говорил примкнувшим к нему илецким казакам.

– О чем, говори, Тимоша, речь была? На душе у меня так муторно и тревожно, инда страх берет – не вор ли злодейский взбунтовал народ, примеряет шапку покойного государя? Знамо дело, казаки давно случая ждали. А ну как по старицкой шутке все вышло: мужик лишь пиво заварил, а уж черт с ведром! Нахлебавшись все вдоволь, не одна головешка с плеч слетит!

Тимошка наклонился в седле, успокаивая деда, положил ему руку на локоть.

– Так вот, спросили атаманы, как, дескать, тебе, батюшка-государь, уберечь себя от смерти удалось? А он отвечает, что прознал он от верного человека об умысле царедворцев погубить его да и скрылся в монастыре под одеждой черноризца. А те злоехидные ракалии, потеряв его, вымыслили обмануть народ, будто он умер, и так, подделав весьма похожую на государя из воску богато украшенную чучалу, похоронили под именем государя Петра Федоровича.

– Свят-свят! – Данила трижды перекрестился. Обнял Тимошу за плечи. – Вижу, не отстанешь ты от... этого государя. Возьми хоть малое число серебряных рублей. Сгодится на пропитание да на одежку. Будет оказия – извещай меня и бабу Дарью. Слезами теперь изойдет старуха... А себя береги, сказную, ежели с тобой горе какое приключится...

Тимошка, беззаботно улыбаясь, сказал на прощание:

– Оженит меня государь на Устиньшке, и всенепременно вдвоем нагрянем к вам в гости. Прощай, дедушка. Войско ушло, пора и мне в угон поспешать. Земной поклон бабуле Дарье. И не поминайте лихом, ежели что... – прокричал Тимошка уже издали, чуть задержав коня. – А мне, должно, Господь сей путь начертал...

Ударил норовистого скакуна плетью, пригнулся к крутой шее коня и, не оглядываясь более, поскакал. Высокое копьё с конским хвостом раскачивалось и поблескивало в лучах предвечернего солнца. За поворотом дороги, где еще не осела пыль от ушедшего войска, Тимошка пропал из виду.

Данила утер лицо скомканным платком, выжал из-под век горькие слезы, посморкался, потом повернул коня вслед уходящему к далекой Волге солнцу. Теперь, повидавшись с Тимошей, надобно было и ему торопиться на Иргизский умет, где ждал верный Герасим, чтобы уберечься от возможного лиха на беспокойных трактах и счастливо убежать в родную Самару.

## 5

Самара, на беглый взгляд остававшаяся такой же неспешной в своей размеренной жизни, как и река Волга в своем почти неприметном глазу течении, однако ж внутри вся насторожилась, встревоженная привезенными с Яика неожиданными вестями. Всяк прикидывал, чем грозит это лично ему, а у коменданта капитана Балахонцева голова болела за всех, а более всего – как уберечь город от возможного воровского набега.

Выпроводив из кабинета любопытствующего сверх меры денщика Ваську из недавних рекрутов, Иван Кондратьевич тяжелыми шагами мерял пол вдоль лавки – восемь шагов туда и столько же обратно, от двери к столу, где стояла приплюснутая, литая из темного стекла чернильница, заточенные перья в стакане, стопкой лежали служебные бумаги – рапорты командиров о больных, о командированных в другие города солдатах, о снаряжении очередного караула на соляную пристань и к арестантской избе да к винному складу...

Почему-то вспомнилась – уж не перед представлением ли к очередному, премьер-майорскому чину? – вся его более чем тридцатилетняя воинская служба. С 1741 года, более семнадцати лет, служил солдатом лейб-гвардии Измайловского полка, затем год состоял в капралах. С середины 1762 года – подпрапорщик, затем недолго каптенармусом и сержантом. В августе 1762 года выпущен из гвардейского полка капитаном. С 1770 года служил обер-комиссаром на Самарской пристани. В обязанность ему было вменено следить за соляными барками речного соляного правления – за эту службу получал ежегодно 60 рублей ассигнациями. А по недавнем отбытии из Самары прежнего коменданта, майора Михаила Кускова, на эту должность был определен он, капитан Балахонцев, а стало быть, и в самом деле очередное звание не за горами...

По улице мимо раскрытых окон комендантской канцелярии проскрипел несмазанными колесами какой-то самарец. Иван Кондратьевич тяжело шагнул к окну, отдернул занавеску. На дворе первое октября, вторник. Пришел покров, а снега что-то не спешат покрыть слякотные, истоптанные конями и скотом улицы города.

«И до чего же надоела эта грязь, дожди эти нудные», – проворчал без слов Иван Кондратьевич. Приметил, как из переулка со стороны земляной крепости на Большую улицу проехали двое верховых, то и дело пропадая за крышами изб, высоких амбаров, а в промежутках между строениями их можно было видеть выше заборов и плетней – ехали, словно обрубки, плечи да головы в треуголках!

Одного признал без труда – подпоручик Илья Кутузов. Второй не был ему знаком. Илья Кутузов что-то рассказывал спутнику и правой рукой размахивал, словно на уроке фехтования.

«Ишь – унеси тебя буйным ветром! – женишок-то Анфискин в новый камзол принарядился! Никак по случаю церковного праздника... Надо будет пригласить его к обеду, пушай дочка порадуется». Второго всадника, даже когда въехали во двор канцелярии, так и не признал.

Илья Кутузов ввел гостя, и тот, вскинув руку к исхлестанной дождями треуголке, представился:

– Курьер оренбургского губернатора и кавалера генерал-поручика господина Рейндорпа в Военную коллегия с донесениями. Прошу, господин капитан, прогонных коней до Симбирска.

Рослый, забрызганный грязью капрал в ответ на приветствие и приглашение капитана Балахонцева пройти к столу в смущении глянул сперва на свои жутко испачканные сапоги с соломой, у порога приставшей к подошве, когда обшаркивал обувь, на следы, оставленные от порога... После вторичного приглашения прошел к столу. Капитан Балахонцев крикнул денщика Ваську и, когда тот высунул в приоткрытую дверь плутовски улыбающуюся мордочку, распорядился:

– Щи, кашу, хлеб из караульного дома сюда! Живо! Чай и сахар от меня. Да забеги к господину поручику Счепачеву, покличь ко мне. Да живо! – повторил капитан Балахонцев и тут же добавил: – Прознаю, что ежели своруешь из шей мясо – велю шпицрутенами высечь и бессменно на неделю поставлю в караул у арестантской избы. Ступай!

Денщик покривился, опустил глаза: напраслину, дескать, господин капитан возводит на него, однако служба есть служба.

– Слушаюсь, ваше благородие! – Васька громыхнул сверх всякой меры тяжелой, разбухшей от влажного воздуха дверью и пропал.

Пока курьер насыщал изголодавшееся чрево, капитан Балахонцев с трудом удерживал себя от желания приступить с немедленными расспросами. Вошел в кабинет командир второй роты Ставропольского батальона поручик Илья Счепачев, длинноносый, с острым, гладко выбритым подбородком, приветствовал коменданта, прошел к лавке у окна, сел, оперев руки на эфес шпаги, опущенной в небогатые деревянные ножны, молча следил за ложкой в рыже-волосой руке капрала.

Денщик Васька одним разом убрал посуду со стола, замешкался у двери в надежде услышать какие-нибудь важные вести из-под Оренбурга, чтобы потом похвалиться среди гарнизонных солдат, но капитан бросил резко:

– Ступай на место!

Капрал скосил светло-карие глаза на икону, перекрестился, огладил ладонью жесткие, торчащие в стороны усы, некстати громко шмыгнул отсыревшим после горячего чая приплюснутым, с широкими ноздрями носом, виновато улыбнулся и сказал:

– Спаси бог за угощение, господин капитан. Теперь спрашивайте, – и перевел взгляд с озабоченного коменданта на поручика Счепачева. Подпоручик Илья Кутузов пристроился спиной к теплому боку печки, которая топилась из прихожей.

– Один спрос у нас, капрал: что стряслось под Яицким городком? И где теперь вновь якобы объявившийся государь Петр Федорович? – Капитан Балахонцев, не имея твердой уверенности, – подлинно ли Петр III объявился или самозванец, какие приходили на Русь в горькославные времена лже-Дмитриев, решил в речах своих быть возможно сдержаннее.

Капрал неторопливо пояснил:

– Еще в конце августа господин губернатор получил указ из Военной коллегии о поимке беглого донского казака Емельяна Иванова сына Пугачева, который якобы имел намерение увести яицких казаков за рубеж, в Турецкую землю, где и поныне живут казаки-нечаевцы. Копию с того указа Военной коллегии я самолично отвозил полковнику Симонову в Яицкий городок для принятия мер предосторожности и поимки беглого казака...

Балахонцев и Счепачев переглянулись – и они получали такое уведомление с описанием примет Емельяна Пугачева. Так неужто этот простой казак осмелился выдать себя за покойного государя Петра Федоровича? Уму непостижимая дерзость! Хвалился черт всем светом овладеть, а Бог ему и над свиньей не дал воли!

Балахонцев подумал вслух:

– У нас в пригороде Алексеевске живут некоторые отставные солдаты гвардейских полков. Из них, доподлинно знаю, Алексей Горбунов – да есть и другие! – стоял в карауле при похоронах государя в Невском монастыре. Он мог бы опознать – истинно государь альбо самозванец гуляет по Яику.

– Допрежь опознания его надобно изловить да связать накрепко, – проговорил капрал, усмехнувшись одними глазами. – Покудова же никто беса не видит, а всяк его ругает...

– Твоя правда, братец, – восторженно воскликнул капитан Балахонцев. – И что же, полковник Симонов побил ту воровскую шайку?

– Хотя и имеет полковник Симонов до тысячи регулярных солдат в крепости, к великому неудовольствию господина губернатора, однако же не сумел побить новоявленного царя, – ответил капрал.

– Отчего же? – Илья Кутузов завозился у печки, насупил русые брови. Зеленые глаза загорелись задорным блеском. – Неужто столь велика сила его? Кабы отважился тот самозванец приступить к Самаре, мы бы живо разделали его в пух и прах.

Капитан Балахонцев и поручик Счепачев переглянулись между собой, постарались скрыть усмешки: молодо-зелено! Батального пороха не нюхавши, ядрам да пулям не кланявшись, воображает, что война едиными шпажными выпадами вершится...



Капрал приметил усмешку в глазах коменданта, должно быть, поэтому не по чину нравоучительно ответил Кутузову:

– Можно вести сражение с неприятелем, господин подпоручик, ежели вера крепкая в душе у командира, что солдат умрет, а на измену не поддастся. Тому пример – недавняя война с пруссами и их царем Фридрихом. В той войне и мне довелось штыком изрядно пруссаков потыкать, – неожиданно добавил о себе капрал. – Яицкие казаки, а их в городе боле тысячи, изменили матушке-государыне и сотнями перебежали от полковника Симонова в противную сторону...

Слушая капрала, капитан Балахонцев отметил мысленно, что курьер не бранил самозванца вором и разбойником, как надобно было бранить верноподданному своей государыни.

– В иных гарнизонах казаки и солдаты сдают крепости беспротивно, офицеров и комендантов вешают на воротах, ежели по взятии крепости не присягают на верную службу. Тако было в форпостах от Яицкого городка и до Илецкой крепости. Была у господина губернатора надежда, что Илецкая крепость устоит, отобьет мятежников, но и она двадцать первого сентября сдалась без сражения, гарнизон перешел к объявившему себя Петром Федоровичем. – Капрал неожиданно примолк, покосился испуганным взглядом на коменданта – не лишнего ли он брякнул? Ну как схватит за ворот да поволокет под караул за то, что не именует самозванца вором?!

– И где же он теперь, тот самозванец? – допытывался капитан Балахонцев. – Куда намеревается идти?

– Двадцать шестого числа оставил я Оренбург, – ответил, немного успокоившись, капрал. – А в город в самый мой отъезд пришла горькая весть с линии крепостей – мятежники взяли Россыпную крепость и движутся к Нижнеозерной.

– Стало быть, не на нас! – разочарованно высказался Илья Кутузов и в досаде ткнул кулаком в левую ладонь. – Не доведется переминуться отвагой с воровскими казаками!

– Так радуйтесь тому, подпоручик, – тихо проговорил Илья Счепачев, не меняя своего положения, словно происходящее мало его касалось. – С казаками воевать – не на уток охотиться в камышах...

Илья Кутузов фыркнул, презрительно поджал губы, но ответить старшему колкостью не посмел.

– Господин губернатор, думаю я, вышлет достаточного сикурсу для остановки самозванца под сильной крепостью Татишевой, офрунтит и побьет злодеев, – уверив сам себя в таком исходе бунта на Яике, капитан Балахонцев повернулся к Кутузову: – Сопроводи, подпоручик, капрала до станции, выдай прогонных коней. Пушай поспешает по службе дале, путь не близок до столицы.

Илья Кутузов увел капрала. В комнате воцарилась тишина. Поручик Счепачев молча смотрел на коменданта красивыми карими глазами, намеренно не начиная первым разговор о столь щекотливом «воскресении» покойного государя Петра Федоровича, которому оба в свое время давали присягу на вечную службу. Он сидел, почесывал ногтем мизинца чрезмерно вытянутый подбородок, ждал.

– Ах, каналья, унеси тебя буйным ветром! – неожиданно взорвался гневом капитан Балахонцев и нервно заходил по канцелярии. – Нет, каково это вам, господин поручик? Беглый казак объявляет себя царем, берет крепости, вешает офицеров на воротах, как последних воров и душегубов!

– А у нас в Самаре и ворот-то нету, – уронил с кривой усмешкой поручик. – Земляная крепость никудышная, фортеции завалились. У рогаток беспробудно спят по ночам наряженные в караул здешние казаки. И людей всякого воинского звания вчетверо меньше, нежели у полковника Симонова в Яицком городке... А самозванец с той поры куда как усилился многолюдством и артиллерией. – И добавил не без ехидства: – Только на господина подпоручика

Кутузова надежда: выйдет на поединок с тем «царем» и сражение-единиборство с ним учинит, как богатырь Пересвет на поле Куликовом...

Капитан Балахонцев неодобрительно хмыкнул: язвит поручик про Кутузова из-за его дочки Анфисы, сам делал ей знаки внимания, да получил полный отворот... Но сие к службе не касаемо. Соглашаясь с поручиком, капитан Балахонцев поддакнул:

– У Симонова, самолично видел в крепости, пушки в полной исправности. У нас шестнадцать пушек, а стрелять из них возможности нет, потому как лафеты прогнили напрочь. Надобно чинить и сами пушки, да умельцев нет. Твои солдаты и с ружьями, думаю, разучились воевать в нашей гарнизонной жизни... Кого это господь несет в столь неурочный час? – Капитан Балахонцев подошел к окну, взгляделся. Шли отставной казачий ротмистр Петр Хопренин и купеческий старшина депутат Данила Рукавкин.

Обшмыгали о солому грязь с сапог, торкнулись в дверь.

– Входите! – крикнул капитан Балахонцев. Успел только подумать: «Спрос начнут – что да как? А тут и сам сидишь в тьме, подобно серой мышке, загнанной в норку. Им-то что? Муха не боится обуха... Пришла к ним беда – хватъ денежную казну под мышку и беги, спасайся. А на мне город тяжелой гирей висит, не побежишь, бездумно глаза выпучив...»

Гости вошли, потолклись у порога и с разрешения коменданта уселись на лавку, молча переглянулись между собой, словно совещааясь, кому первому спрашивать.

– Какую весть с-под Оренбурга принес курьер? – не выдержал и нарушил молчание Хопренин, потеревил себя за седые, отвислые усы. Левый глаз, полуприкрытый надорванной бровью, слезился – память о давней стычке с набеглыми киргиз-кайсацкими ватажниками под Оренбургом.

Капитан Балахонцев, озлясь невесть на кого, довольно грубо ответил:

– Самозванный Петр Федорович – унеси его буйным ветром! – берет крепости по Яику. Уже под Оренбургом недалече, должно, под Татищевой теперь. На днях на чай к господину губернатору пожалует!

– Вот те на-а-а, – протяжно выдохнул Данила Рукавкин. – А я-то надеялся... – Продолговатое лицо, покрытое сеткой мелких морщин под глазами и у рта, вытянулось еще больше. Седая борода дернулась раз-другой, и Данила тут же погладил ее: нервы начали сдавать. – Выходит так, что черный вестник это был. А мы с Петром, сюда идучи, радовались, что усмирение на Яике началось... Стало быть, набравшись храбрости великой, топили мыши kota в помойной яме, да сорока, мимо летя, стрекотнула: «мертвого тащите, глупые!»

– Наш-то самозванец невесть когда издохнет, чтобы топить его в помойной яме! – огрызнулся капитан Балахонцев на многословие купеческого депутата. – Тамошние крепости против Самары куда сильнее... Одного в ум не возьму – отчего губернатор столь непростительно мешкает? Чего ожидает?

Поручик Счепачев высказал мысль, которая все настойчивей возникала и у него, перерастая из догадки в уверенность:

– Господин губернатор не мешкает, да казаки предаются к тому самозванцу, вымещая злость за недавнее кровопролитие... Вспомните, каково вел себя в Яицком городке генерал Траубенберг. Не зря говорят в народе: кто поросенка украл, у того в ушах долго верещит...

– Воистину так, что злая совесть стоит палача, – поддакнул Петр Хопренин. – Не смогли миром удержать казаков в спокойствии, не уgomонили ненасытного атамана и его старшину, теперь великим бунтом все обернулось.

– Не кинулся бы тот самозванный царь на Самару, – перекрестился на иконостас Данила Рукавкин. – Тогда и нам лиха не миновать!

– А нам не миновать на перекладинах качаться, – сквозь зубы добавил капитан Балахонцев. – Солдат в гарнизоне две роты, но из них весьма мало годных к походной службе, все больше старые, увечные после прусской кампании да малолетки, не обученные толком. На валу

земляной крепости – срам сказать! – коровы пасутся! В общем, сплошной разор и запустение, а не военная крепость у нас.

Данила Рукавкин хлопнул ладонью о колено, твердо сказал:

– Стало быть, надобно весьма спешно крепость чинить! А округ всего жилого города рогатками обнести, чтоб мятежники нечаянно не въехали к нам. Случится городу в осаду сесть – из Симбирска да из Казани сикурс непременно пришлют. В стародавние времена, сказывали, не раз и не два садилась Самара в осаду от ногайцев да калмыков. И ни единожды не была ими взята и порушена.

Капитан Балахонцев в сомнении покачал головой, задумавшись над предложением купеческого депутата, аккуратно поскреб чисто подстриженным ногтем горбинку носа, потом безнадежно махнул рукой.

– Денежной казны на такие работы у меня вовсе нет. Город в полторы версты длиной протянулся вдоль Волги, а вместе с земляной крепостью и откосами вдоль реки Самары надобно укрепить верст до пяти... Мыслимо ли моими инвалидами сделать такое?

– Денег местное купечество, да отставные офицеры, да церкви могли бы собрать купно, – настаивал на своем предложении Данила Рукавкин. – На те деньги и людей наняли бы из соседних деревень на земляные работы. Поселенцев, что в Самаре теперь ждут высылки, взять в работу...

– А от Оренбурга до Самары походным маршем десять дней ильбо чуток больше, – высказал свои резоны поручик Счепачев. – По сорок верст в день на телегах да верхом. Что сделаешь за эти десять дней?

Данила Рукавкин с удивлением вскинул на поручика глубоко запавшие глаза, молча пожал плечами, как бы говоря: мое дело предложить, а вам, государыней поставленным к службе, решать. Вам и ответ держать суровый, ежели какой конфуз произойдет.

Помолчали. Петр Хопренин завожился на лавке, собираясь встать, потом все же спросил:

– Провинциальную канцелярию уведомили?

Капитан Балахонцев медленным кивком подтвердил, добавив:

– И симбирского коменданта господина полковника Петра Матвеевича Чернышева рапортом от себя уведомил. Да и курьер к нему помчался от нас только что... Думается мне, всенепременно последует указ Правительствующего сената к казанскому губернатору без мешкотни снаряжать крепкий воинский сикурс и по Самарской линии крепостей спешно идти под Оренбург. Тогда и нам не миновать военного похода со своими способными солдатами, и казаков наших могут в поход взять. – И неожиданно к Даниле Рукавкину с вопросом: – Есть ли какие вести от внука из Яицкого городка?

Хитро спросил комендант, не сказав «от больного внука», и Данила Рукавкин весь поджался, чтобы не выдать душевной скорби.

– Не было покудова из того городка никакой оказии. Лекарь надежный, его и Тимофей Чабаев отменно знает, года два тому назад он ему кровь пускал, как дурно сделалось от тамошней жары. – А про себя Данила подумал: «Надобно мне быть весьма осторожным с этой бесетией – Балахонцевым. Вона как глаза щурит – не иначе кот умыслил мышь закогтить». – Ну, нам пора и к домам своим.

Данила Рукавкин поднялся, за ним нехотя встал и Хопренин, простились с комендантом и пошли, не успокоенные, а еще более растревоженные вестями из-под Оренбурга.

– Будем жить, Данила, – глубокомысленно изрек Петр Хопренин. – Жить, что бы там Господь ни сотворил на земле... Распутья бояться – так и в путь не ходить, не так ли, караванный старшина?

– Воистину так, Петр. А тем боле нами с тобой и похожено и поезжено по земле уже предостаточно... А все же зря комендант вот тако сидит сложа руки, дел никаких не делая. Себе же во вред, потому как ждать нам днями из-под Оренбурга всенепременно пакостных изве-

ствий, – добавил Данила Рукавкин, поглядывая на темную, будто спать улегшуюся под густым туманным покрывалом, остывающую после жаркого лета Волгу.

И как в воду глядел старый купец – через неделю пришла весть: самозванный царь окружил несметным войском Оренбург, закрыл в нем губернатора Рейнсдорпа, а на юге от Самары запылали помещичьи усадьбы – первые искры невиданной прежде на Руси крестьянской войны.

## Глава 2. Государю служить готовы...

### 1

Взбешенный небывалой дерзостью смело стоящего перед ним конюха, Матвей Арапов вызверился на него кровью налитыми глазами, рванулся из кресла и так сильно хлопнул ладонями, что их ожгло болью, словно кипятком ошпаренные. В господскую горницу тут же вскочили четыре дюжих дворовых во главе с приказчиком Савелием Паршиным и замерли в недоумении: чужих никого, а барин бранит своего названного сродственника Илью Арапова.

– Савелий, вязать холопа! Пятьдесят батогов ему! Да в амбар под замок. Проголодается за недельку – живо в разум войдет! Хватайте, чего истуканами встали? Воли захотел? Я те покажу волю! Будешь помнить, мужик, вековую истину: где волк прошел, там весь год овцы блеют! В батоги!

Дворовые кинулись на Илью. Савелий поспешно снял с себя гашник и сунулся в свалку – вязать руки, но, получив крепкий удар в черное, будто обмороженное лицо, отлетел к стене, повалив при этом подставку с цветочными горшками. На полу захрустели коричневые, облитые глазурью черепки.

– Псы смердячие! Меня, вольного человека, вя-за-ать! – хрипел Илья, вырываясь из цепких рук дворни. Трещал кафтан, хрустели заломленные за спину руки, дворовые сопели от натуги и усердия – знали: если Илья вновь вырвется, не один Савелий будет хлупать. Вона вскочил приказчик на ноги, одной рукой зажал разбитый в кровь нос, а другой схватил поваленного Илью за голенище сапога и остервенело бил пинками, норовя попасть в живот.

Клубком выкатились на крыльцо барской усадьбы и под визг дворовых девок и стряпух продолжали бить кулаками, пока волокли до конюшни. Там повалили через опрокинутую колоду. Кто бы мог подумать, что недавний любимец барина вдруг так проштрафится – до батогов!

– Секите! – Срывая голос едва ли не на поросячий визг, Матвей Арапов топал сапогами, разбрызгивая черный навоз у порога. Он не обращал внимания на редкие холодные капли, которые с соломенной крыши скатывались на камзол: только что прошел проливной дождь.

Илья, закусив губы, еле сдерживал рвущийся из-под сердца стон: хозяйские холопы секли с усердием, кнут вспарывал обнаженную спину, оставляя кровавые рубцы. Когда потерял счет ударам, почти в беспамятстве закричал:

– Сволочи... Гады ползучие! Придет мой час! Всех дреколем... Без пощады перебью, собаки бешеные! Бейте, бейте! Я вас еще не так... не так бить буду... А тебе, Матвейка, не жить боле на земле, запомни это – не жить боле... А-а-а! – захлебнулся хриплым криком. Сознание померкло, и он бессильно уронил голову, ткнувшись лицом в грубо вытесанную колоду...

Били его, беспамятного, нет ли – того Илья не знал. Очнулся во тьме, весь мокрый, на мокрой же соломе. Лежал на животе, не чувствуя собственного тела – будто невесомая душа отделилась уже от тяжелой плоти и витала невесть где: может, над грешной землей, неприкаянная, а может, и в чистилище, где белокрылые ангелы бранятся до хрипоты со смрадными чертями, все спорят, куда же определить его, Илью. В ад ли на новые муки, а может, в рай, памятуя его горемычную судьбину там, на кинутой земле...

Напряг ускользящее сознание, сквозь боль и звон в голове прислушался: никаких споров над ним, лишь за дощатой перегородкой фыркали араповские кони. Это за ними десять лет ходил он, ходил сердобольней матушки-кормилицы. Вот и доходился...

Сделал попытку подтянуть к лицу в стороны разведенные руки, чтобы подсунуть ладони под щеку – кололась жесткая солома, – но от боли в исполосованной спине едва вновь не потерял сознание...

\* \* \*

В тяжком ли бреду, а может, в затуманенном болью сне Илья вновь увидел себя бредущим по каменистому нагорью далекого южного склона Алтайского Камня, к манящему у горизонта голубому озеру. Бредет, спотыкается, потом спит на холодных камнях, прижимаясь к голодному четырехногому другу Иргизу. Пес среди ночи вдруг вскакивает и молча, прыжками, исчезает из виду, потом поодаль слышится чей-то придавленный писк: пес нашел себе добычу, а Илейка поутру пьет пустой кипяток, сухарь ломает надвое, чтобы оставить и на ужин, а днем распаривает в кипятке последние уцелевшие горсти овса. Спроси у него кто-нибудь, сколько же дней бредет он к озеру, которое увидели они с покойным теперь отцом Киприаном, перейдя Алтайский Камень, он так и не смог бы ответить наверняка...

Подобрала его ватага лихих и отчаянных по смелости бугровщиков<sup>2</sup>. Он наткнулся на них совсем неожиданно, когда те бежали вдоль речки, спасаясь от преследования кочевников-ойротов. Восемь человек, изодранные, плохо вооруженные, они залегли в каменных россыпях, готовые либо смерть принять, как случилось не раз с другими партиями бугровщиков, которых настигали ойроты, либо счастливо отбиться, уйти в Алтайские Камни и воротиться домой.

Илейка, задремав на берегу речушки, проснулся от криков, вскочил на ноги и приметил бугровщиков, когда до них оставалось всего саженой пятьдесят. Потом увидел визжавших темнотлицх степняков. Остановив поодаль коней, чтобы не ломать им ноги по битым камням россыпи, ойроты бежали к бугровщикам, пускали вперед стрелы, размахивали саблями и копьями. Бугровщики почему-то не отстреливались: или огневой припас кончился, или берегли последние заряды для стрельбы наверняка, в упор...

– Ложись, Иргиз, тихо! – Илейка испугался не на шутку: степнякам пробежать шагов сорок, и они наткнутся на него! Спешно упал за камень, притянул Иргиза за ошейник к себе: кочевники, заглушая рычание пса воинственными криками, прыгали по камням в каких-нибудь двадцати шагах. Вот крайний из них пробежал совсем рядом – встань он на камень, мог бы своим зачерненным в огне тяжелым посохом хватить кочевника по загривку.

Проворно достал оба пистоля, патроны и, когда кочевники показали ему спину, не задумываясь, чем это может кончиться для него самого, выстрелил в широкую спину. С пятнадцати шагов не промахнулся – уронив копьё, кочевник завалился между камнями. Другой, подраженный вторым выстрелом, завертелся на месте, хватаясь за ногу выше колена.

Тут и со стороны осажденных бугровщиков из-за камней ударило несколько ружейных выстрелов, остальные встретили набегавших ойротов тяжелыми камнями.

– Так их, братья, так! – завопил Илейка, не уверенный, что за криками кочевников его услышат россияне.

Успел перезарядить пистолы и еще выстрелить в замешкавшихся степняков. Попал ли – трудно сказать: кочевники отхлынули от ватажников и бежали теперь к Илейке. Бежали, падали, вскакивали и, разъяренные засадой, визжали, с каждым шагом сокращая расстояние до него.

В угон за кочевниками кинулись бугровщики, размахивая над головами копьями, а трое торопливо заряжали ружья. Теперь ватажники спешили на помощь тому, кто только что выручил их.

---

<sup>2</sup> Бугровщики – промышлявшие на раскопках древних захоронений (бугров) кочевых народов Алтая.

«Не успеют! – пронеслась в сознании Илейки страшная мысль. – Взденут на пику мимоходом, и лежать мне под камнями, как лежит теперь отец Киприан...»

– Братцы, выручайте! – завопил Илейка во всю мочь. В упор сразил ближнего, так же невесть что орущего кочевника: тот уже вспрыгнул на плоский камень, за которым укрывался Илейка, и замахнулся копьем... Другой степняк споткнулся об упавшего и завыл, разбив колено об острый камень. Третий выхватил сверкающую на солнце саблю и занес над Илейкиной незащитной головой. Мимо отшатнувшегося Илейки рычащим комком метнулся Иргиз. Кочевник вскрикнул, острая сабля сверкнула перед илейкиными глазами, ударила в левое плечо, и он опрокинулся навзничь, стукнувшись головой о камень. Но сознание не потерял – спасла мурmolка. Видел, как мимо плоского камня пробежали последние степняки, вослед им трижды прогремели ружья, а над Илейкой склонилось бородастое загорелое лицо, попорченное глубокими отметинами оспы.

– Жив, браток? – спросил бугровщик, поднимая Илейкину голову на своей широкой ладони.

– Отбились, атаман! Слава господу, кочевники повскакивали в седла и уходят в пески! – прокричал один из стрелявших, высокий, кривоплечий мужик в старых, избитых о камни сапогах, склонив к Илье редковолосую голову в суконной мурmolке.

– Господу слава, – откликнулся атаман. – Но трижды слава и этому молодцу, упавшему на наше счастье словно бы с неба. Иначе перекололи бы нас ойроты. – И распорядился: – Перевяжи его, Фрол, видишь – плечо ему взрезали!

– Диво дивное! – удивился кривоплечий Фрол, наклоняясь над Илейкой худущим лицом с рыжей бородашкой. Светлые глаза воспалены так, что белые яблоки превратились в светло-розовые.

«Должно, от постоянной пыли у него это», – подумал Илейка. Стиснул зубы, чтобы не застонать, когда Фрол делал ему тугую перевязь, чем-то присыпав рану.

Потом погребли под камнями мертвого Иргиза – ойротское копье пробило ему грудь. Спас Илейку, а сам погиб...

С теми бугровщиками Ильа два года бродил по Алтайскому Камню, потом пристал к купцам, добрался до Барнаула и с немалыми трудностями, через четыре года по смерти отца Киприана, вернулся в Оренбург. На Гостином дворе неделю искал купцов из Самары. С этими-то расспросами и натолкнулся случайно на Губернаторова переводчика Матвея Арапова, нынешнего своего барина.

– А тебе зачем тот самарец Данила Рукавкин? – Переводчик хитро прищурил узкие глаза, подкрутил темно-русые усы, пытаясь придать себе молодежавый вид. Но жесткие усы топорщились, каждый волосок сам по себе. – Кто ты моему родственнику Даниле, а?

Ильа кратко пояснил, что жил у Рукавкина тому более пяти лет назад, но помнит приглашение при нужде отыскать купца и возвратиться к нему, где всегда найдет кров и пропитание.

– Вона-а что-о! Узнаю хлебосольного Данилу, – протяжно, в задумчивости уронил Матвей Арапов. И вдруг заговорил о другом: – Голоден? Идем в трактир, там меня ждут к обеду.

В трактире, скорбно печалась широкоскулым лицом, полуприкрыв и без того узкие глаза, Матвей Арапов рассказал о том, что его родственник по жене Данила Рукавкин ходил с караваном в далекую Хорезмскую землю, возвратился из того хождения через год, да по несчастью заболел там какой-то азиатской болезнью. Дома и преставился тем же годом.

– А весть ту печальную прознал я от Родиона Михайлова, что был дружен с Данилой. Они вместе в ту Хиву с караваном хаживали. А прошлым летом и Родион помер от болезни живота. Моя супружница Дарьюшке Рукавкиной двоюродной сестрой доводится, – пояснил Матвей Арапов, – оттого я и сведом о тамошних делах.

Илейка поник головой. Родиона Михайлова он тоже помнил хорошо, потому и поверил переводчику. С грустью вырвались из груди горестные слова:

– Что ж теперь делать мне? С Алтайского Камня добирался в надежде прижиться в помощниках у доброго самарца Рукавкина. А теперь где голову приклонить? Был у меня еще один знакомец в Оренбурге – отставной солдат Сидор Дмитриев, сосланный на жительство за участие в ромодановском бунте, так и он помер, меня не дождался. Здесь, на солдатском кладбище, и схоронен...

Матвей Арапов который раз цепким взглядом ошупал крепкую фигуру Ильи, его сильные руки и жилистую шею – добрый работник был бы! А ему тем более надобен – пожалован он минувшими годами от матушки-государыни Екатерины Алексеевны деревенькой с крепостными крестьянами. Да невелико число работных мужиков, каждая пара рук на счету. Прикупить бы еще дворов двадцать-тридцать, да тяжелой мошны на службе переводчиком не накопилось. Платили всего шестьдесят рублей годового жалования. И с крестьян много не возьмешь – этим летом закончил строить двухэтажный барский дом, конюшни, амбары... Все, что получает с продажи хлеба, скота и птицы, идет на обустройство имения да на прокорм дворовых.

– А идем ко мне? – Матвей Арапов решил не упускать счастливого случая. Вдруг явится возможность заполучить такого работника да еще и безденежно? – Составим бумагу, будто я откупил тебя у киргиз-кайсаков...

Илья криво усмехнулся, отрицательно мотнул головой.

– В кабалу писаться желания нет никакого, холопское ярмо всегда надеть не поздно. Лучше за кого ни то в рекруты подамся, хоть с деньгами на первый случай буду.

Матвей Арапов сделал вид, что искренне обиделся.

– Да неужто я тебя в кабальные хочу вписать? Это для того, чтоб бумаги тебе выправить.

– Бумаги у меня и без того хорошие, – ответил Илья. – В Барнауле писанные. По тем бумагам я вольный человек, отпущенный тамошним начальством по смерти отца-солдата на прежнее место жительства, в Ромодановскую волость.

– Ну тогда сделаем по-иному. Едем в мою деревню. Будешь работать у меня во вольному найму, за жалование. Из ремесла что умеешь делать?

– За конями имею пристрастие ходить, – подумав, согласился Илья. Надо же где-то кров над головой себе искать, пока и в самом деле не изловили да не сдали в солдаты. – Годится этак?

– Еще как годится! Мои харчи, одежда и годовое жалование в пять рублей серебром. Это половина денежного жалования казачьему хорунжему. Худо ли?

– Жалование доброе, – подтвердил Илья. – Согласен, едем в твое, барин, имение.

Через неделю, приехав в деревню Арапово на берегу речки Боровки, в пятидесяти верстах к востоку от Бузулукской крепости на реке Самаре, Илья носом к носу столкнулся у барского, свежеченого крыльца с молоденькой светловолосой девицей в чистеньком вышитом сарафане, в новых лапотках. Приметив барина, девица отбила ему земной поклон, уронив толстую косу со спины, а сама серыми глазами глянула на новенького, перехватила его изумленный взгляд, тут же потупилась, вспыхнула свежим румянцем полных щек и проворно шмыгнула в амбар, откуда с громким кудахтаньем вылетели перепуганные, захваченные у зерна куры.

От Матвея Арапова перегляд молодых людей не укрылся. И это решило дальнейшую судьбу Ильи.

– Хороша-а, – протянул Матвей и языком, на татарский манер, прицокнул, покрутил непокорный ус. – За богатого барина думаю отдать ее. Дворянину и то не зазорно иметь в женках такую красавицу. А мне, брат, случилась теперь в деньгах крайняя нужда.

– Твоя холопка? – У Ильи сердце зашло от обиды за девицу – вспомнилась горемычная сестрица Акулина, которая не снесла барского надругательства и бросилась в прорубь Оки... Тако же и с этой светловолосой красавицей могут поступить: ежели кто пообещает из местных вдовцов-помещиков изрядный куш, продаст ее Арапов в надежде подправить денежные дела. А то и на пару-тройку кобылиц обменяет, чтоб табуном разжиться...



– Здесь все мое, – не без гордости ответил Матвей. – Идем-ка в горницу, составим договорную бумагу, а поутру и за работу. Время мне дорого, за конями полуслепой старик ходит. Долго ли до беды? Того и гляди волки коней порежут.

Арапов прошел к высокой конторке под образами в правом углу просторной горницы с четырьмя окнами на две стороны, достал лист гербовой бумаги, перо.

– Иди сюда, ближе. Грамоту знаешь?

– Знаю, – ответил Илья. – Но читать боле резво могу по печатному книжному слову. Вечная благодать за то покойному монаху Киприану, обучил.

– Ну и славно. Так я пишу, что ты, Илья, Федоров сын, а прозвища никакого не имеешь, по доброй воле вступаешь в работу конюхом к помещику Матвею Михайловичу Арапову при его харчах, одежде и денежном жаловании...

– погоди, барин. О жаловании давай так уговоримся: ты отдаешь мне в жены девицу, которую мы встретили только что, а я, чтобы выкупить ее из холопства, работаю за нее десять лет без денежного жалования, – сказал и затаился: а ну как прижимистый, по всему видно, помещик пожадничает? Понимал, что за такую девицу богатые помещики, раззадорясь, могут дать и более пятидесяти рублей...

Матвей Арапов будто прочитал его мысли, засмеялся:

– Молод, а хитер! Да такая девка иного барина введет в крайнюю страсть! Он и половину имения за нее готов будет отдать. А ты – пятьдесят рублей, которые еще заработать надо. – Помолчал, внимательно вглядываясь узкими хитрыми глазами в удрученное лицо будущего конюха. Сказал примирительно: – Ну да бог с ней, с девкой. Бабы еще нарожают. Тогда пишу я, что ты вступаешь в работу конюхом и к тому же зимой на тебе чистка двора от снега и подъездной дороги, при моем харче и одежке на пятнадцать лет. А вместо денежного жалования получаешь в жены холопскую девицу Аграфену, Макарову дочь. По истечении пятнадцати лет иметь вам вольный выход или остаться на прежнем месте жительства и работать по вольному найму. К сему подписуюсь... – Матвей Арапов подал перо Илье, и тот, неуверенно, опасаясь сломать гушиное хрупкое перышко, вывел печатными буквами: «Илья, Федоров сын». Хотел добавить, что прозвища не имеет, да барин вдруг подсказал:

– Пиши так: «а прозвищем Арапов».

– К чему? – Илья удивился до крайности. – Это ж твое, барин, прозвище!

– Вот и славно, что мое. А к тому так пиши, что случится скорая перепись, и станут допытываться – кто да откуда, не от какого ли помещика беглый. Уволокут в солдаты, либо другому помещику, который согласится платить за тебя подушные сборы, продадут в холопы, а деньги за продажу отпишут казне. А так я скажу – мой, дескать, дальний родственник, живет у меня по смерти родителя, а стало быть – вольный от роду.

Илья вынужден был признать такое рассуждение за здоровое и без колебаний и сомнений дописал, что прозвищем он «Арапов».

– Вот и сладились! – Матвей Михайлович, довольный, потер ладони. – Теперь у нас начало лета, так? До осени пасти тебе коней, выхаживать жеребят, а по осени, на Покрова, сыграем свадьбу. Сам буду за посаженного отца, – пообещал повеселевший барин. – За лето и Аграфена к тебе приглядится. Ежели не будет сильно супротивничать барской воле, то и ладно заживете. Ну а не мил ей будешь, выберешь другую девку, а эту продадим на сторону.

На том и ударили по рукам, целовали клятвенно перед иконостасом тельные кресты.

Все лето Илья старательно – в три глаза – берег хозяйский табун, гонял верхового коня без устали, доглядывая, чтобы серые зубастые кафтаны не выскочили из кустов приречного овражья да не рванули за горло, упаси бог, какую кобылицу или жеребенка! На ночь поил и загонял табун в загон, привязывал по углам матерых псов и бежал с полевыми цветами к Аграфене на холопскую половину хозяйского дома. Под шутливые насмешки стряпух и нянек

вручал будущей невесте цветы, заглядывал в смущенные сияющие глаза и сам робел, как мог, отшучивался от колких намеков баб.

Накануне великого праздника Ивана Купалы, воротясь с пастбища, Илья вызвал Аграфену на черное крыльцо и, наконец-то осмелившись, прямо глянул девице в лучистые серые глаза, срывая голос от волнения, прошептал:

– Хозяин обещал отдать тебя мне в жены... Коль спросит твоего согласия... дашь ли слово... Пойдешь ли за меня?

Аграфена вмиг залилась стыдливым румянцем и в неменьшем смятии, общипывая ромашки, ответила, не глядя в глаза Илье:

– Про твой сговор с хозяином вся деревня знает... По сердцу и ты мне, Илюша... – Охнула, прикрыла рот ладошкой и юркнула ласточкой, пропала в темных сенцах.

Охватив пальцами столбик крыльца, выходящего во внутренний двор, Илья готов был петь от счастья. Душа ликовала, и над ним так же, во всю неоглядную ширь груди своей, смеялось и сияло утыканное тысячами ярких звезд светло-багряное вечернее небо, а по просторному двору лениво бродил разомлевший от дневной жары ветер, нехотя поднимая с теплой муравы легкие куриные перышки и пух.

На Покрова, обвенчавшись, Илья свел сгорающую от смущения Аграфену в тесноватую, но своими руками построенную за лето избенку на берегу речки Боровки, и они зажили счастливо.

Зиму Илья холил хозяйских коней, чистил коровник, ездил в лес за дровами, широченой деревянной лопатой убирал снежные заносы с просторного подворья, чинил при надобности поваленные бурей плетни или поскотину вокруг Араповки. В иной день уработывался так, что еле приносил домой на себе шапку да валенки...

А в лето вновь до осени в поле, с табуном... Так и шли год за годом, и радоваться бы ему, да Господь детишек долго не давал. Первый ребеночек помер при родах, бабка-повитуха едва Аграфенушку отходила, а после этого нечистый наворожил: четыре года детишек нет и нет. Зато с какой радостью держал на руках сияющий Илья долгожданного первенца Федюшу, названного в память погибшего в демидовских потайных застенках родителя. И целовал заплаканные глаза обессиленной Аграфены, пока бабка-повитуха костлявой синюшной рукой не вытолкала его в спину из комнаты:

– Иди, иди, голубок сизокрылый. Не тревожь бабу зряшными словами. Ей в себя прийти надобно да дитятко покормить...

Так минуло пятнадцать долгих лет. В июле Илья пришел к барину, поклонился, напомнил о прежде писанном договоре, просил дать отпускную бумагу Аграфене.

Поседевший, покрывшийся глубокими морщинами Матвей Арапов нехотя поднялся из-за стола, спросил, упершись в столешницу:

– Уехать куда надумали?

– Да нет, барин, куда нам ехать? – пожал плечами Илья. – Обжились уж здесь, родней и соседями добрыми обзавелись. А без этого на новом месте трудно приживается.

– Ну так и работай на уговоренное прежде жалование.

– А как же Аграфена?

– От дворовой работы она теперь может отойти. Пушай в поле работает, тако же за жалование в два с полтиной. А не захочет, пушай дома сидит, теперь она вольная. Ну а коли захочешь съехать куда – бумагу справлю, – пообещал Матвей Арапов.

На том Илья и успокоился. Успокоился до тех пор, пока, будучи с барином по делам в Бузулукской крепости вчерашним днем, 25 сентября 1773 года, не прослышал о том, что под Яицким городком объявился живой государь Петр Федорович, объявился черному люду и поднимает казаков и бедноту супротив помещиков, заводчиков, супротив ненавистного сената во главе с царицей.

И всколыхнулось в душе Ильи давно, казалось бы, уснувшее, отболевшее. Вспыхнул притихший под тяжким грузом прожитых лет огонь, вспомнились и предсмертные слова деда Капитона о кровной мести Демидовым, царским драгунам...

Нынче поутру пришел он к барину и затребовал отпускных бумаг на Аграфену. Матвей Арапов, растревоженный слухами о казацком мятеже на Яике и первых пожарищах в помещичьих усадьбах, и без того не находил себе места. Надо же, войско самозванца днями взяло Илецкую крепость, того и гляди кинется на север, к Бузулуку! Гореть тогда помещичьим хоромам по просторному Заволжью.

– И куда ж ехать умыслил? – набычив седую голову, зло спросил Матвей Арапов. Закипал гневом не зря: в уме перебирал только что, на кого можно положиться из мужиков. Кому доверить оружие и оборону имения? Крепко рассчитывал на Илью, а в нем, поди ж ты, старый ромодановский бунтарь проснулся, в войско самозванного царя, не иначе, умыслил бежать. Так не бывать этому!

«Отведает батогов на конюшне – ласковым да смирным враз станешь!»

– О каких отпускных бумагах хлопчешь ты, холоп? – не сдержался-таки и со злостью выкрикнул он. И ногой притопнул, благо верные дворовые упреждены и стоят за дверью, готовые прийти по зову хозяина.

От неожиданности Илья даже сел на край лавки у самой двери.

– Как – холоп? Это я – твой холоп? В уме ли ты, барин? Должно, запаматовал нами писанный уговор и крестное целование перед этими вот образами? Побойся Бога, не гневи Его в такое смутное время...

– А вот так – холоп ты! Потому как писана на тебя купчая мною да помещиком Хариным из Черкасской слободы, что куплен ты мною, его, Харина, холоп, на вечные времена. И стало быть, ты в полной моей воле! Вот она, купчая-то, с печатями! – И Матвей Арапов вынул из конторки незнакомую обсургученную бумагу, потряс ею у себя перед лицом. – Уразумел, холоп? А теперь ступай в коровник, потому как от табуна я тебя отстраняю, чтоб не умыслил бежать. Сбежишь – повелю женку высечь и башкирцам продам, а сына плетью сечь прикажу каждодневно, покудова, знаючи про то, к дому не воротиться в покорности. Ступай с глаз долой!

Илья, шатаясь будто пьяный, привстал с лавки, стиснутыми зубами скрипнул, глаза вдруг заволокло приторным до тошноты туманом. Не помня себя, шагнул к помещику, чтобы одним ударом кончить дурной сон. Только – сон ли? Но неужто в яви возможно такое?

– Так-то ты святую клятву перед Богом держишь, иуда?... – прохрипел Илья, хватая за витую ножку тяжелый стул. Но поднять не успел – барин взвился с кресла.

– Бунтарь! Ты на хозяина руку поднял? В цепи, в кандалы холопа! Эй, люди! Ко мне! – И Матвей Арапов, торопясь, до звона в ушах ударил в ладоши.

\* \* \*

Илья тяжело, словно всплывая из холодной речной глубины к свету, очнулся от больного, терзающего душу и тело забытья. В узкое оконце-отдушину под потолком заглянула бледно-желтая ночная утешительница-луна, высветила клоч соломы, голову и подогнутую под щеку руку. Сплошным рваным ожогом саднила исполосованная спина. За тонкой дощатой перегородкой фыркали и переступали копытами кони. Во дворе невесть на кого надсадно тявкала старая осипшая собака. У конюшни кто-то размеренно похаживал, изредка кашля в рукав одежки.

Утром в конюший пристрой впустили привезенного из соседней усадьбы села Ляховки светлоглазого и ко всему русскому, казалось, равнодушного лекаря немца Карла, коротконо-го и толстенького, в клетчатых штанах, в клетчатом камзоле и при шляпе. Карл кряхтел,

осматривая спину Ильи, потом раскрыл дурно пахнущую стеклянную банку и мягкой кистью, вызывая успокоительную прохладу, смазал кровавые рубцы. И при этом качал лобастой головой, на ломаном русском языке бормотал в прокуренные усы:

– Русский барин есть дикий зверь. Весьма.

С кряхтением поднялся с колен, старательно отряхнул со штанов мякину и кому-то строго наказал:

– Кушать давать шнель-шнель!<sup>3</sup> Не чесать себя в голова, бегай быстро!

Через несколько минут дворовая баба склонилась к изголовью Ильи, с трудом напоила парным молоком – хлеб жевать, лежа на спине, он не смог. Шепнула сердобольная под большим, должно, секретом, опасаясь хозяйских подслухов:

– Не кручинься, голубок. Дома у ты все тихо. Аграфена, сердешная, убивалась всю ночь – жив ли? К хозяину под утро бегала, а наш-то полутатарин лютым зверем мечется у себя в горнице! Аграфене наказывал строго-настрого, что ежели, дескать, сбежит ее мужик, то и ей с Федюшей таких-то нещадных батогов не миновать! Лежи, лежи, голубок, все образуется: Бог не как свой барин, скорее поможет, так-то. Жаль, не по грехам тяжким к иным Господь наш милостив...

Поправлялся Илья трудно, жадно ловил обрывки слухов, то у двери кем-то сказанные, то за дощатой перегородкой, то барской стряпухой, которая приходила два раза в день подкармливать бывшего хозяйского конюха, принесенные.

– Три дни назад, пятого октября, слышь, голубок, государь-то Петр Федорович присунулся-таки, сказывают, под Оренбург-то...

– Ну, брат Илья, – шептал в выбитый сучок перегородки новый конюх Сидор, давний приятель Ильи и сводный брат Аграфены, – батюшка-государь держит губернатора в постоянных атаках, тот и носу высунуть из города не смеет.

А через малое время пришел достоверный слух, что ближние крепости Сорочинская и за нею Токкая, где комендантом был есаул Чулошников, без сражения сдались объявившемуся государю Петру Федоровичу.

К тому времени Илья мог уже с превеликим трудом ходить, сутуля затвердевшую от болячек спину. Сделав перед Матвеем Араповым покорный вид, Илья старательно работал по хозяйству, видя за собой постоянный догляд приставленного дворового холопа.

А однажды, придя домой, тихо сказал Аграфене, стараясь не смотреть ей в глаза – знал, что лютый Матвей Арапов и в самом деле мог исполнить свою угрозу:

– Нынче в ночь... уйдем мы с Сидором да еще три мужика к государю Петру Федоровичу. А Матвейке скажешь: пальцем тронет – по ветру с дымом пушу имение и всех домочадцев его!

Аграфена округлила враз наполнившиеся страхом и слезами глаза, охнула и, зажав рот ладошкой, опустилась на лавку, где сладко посапывал спящий Федюша.

## 2

Поутру крепко подморозило, неожиданно задул студеный, пронизывающий северян, тяжелой и неподвижной пеленой туч затянуло небо, а к ночи повалил не по-осеннему щедрый, первый в этом году снег.

Копыта коней глухо постукивали о белую землю, пятеро всадников, кутаясь в поднятые воротники полушубков, с тревогой вглядывались в запорошенную вьюгой даль: скоро ли высветятся призывные огни деревеньки отставного майора Гасвицкого?

– Точно ли казаки Петра Федоровича в ту деревеньку вошли? – подскакивая в седле, прокричал Илья, оборотясь к Сидору: товарищ днями прознал, что поблизости от них объявился

---

<sup>3</sup> Шнель – быстро (нем.).

конный отряд яицких казаков, которые читают мужикам окрестных сел государевы указы о вольности да охотников в его воинство верстают. Но тот не успел ответить, как Илья натянул повод, придерживая коня:

– Чу, братцы, кажись, дымом запахло!

– Слава богу, добрались! – оживился Сидор, плетью указывая, в какую сторону править от большака.

Из-за леса с оголенными кустами и деревьями явственно наносило кизячным дымом. Дорога свернула к северу, и впереди сквозь плотную, ветрами закрученную пелену снега замелькали тусклые огоньки. Вместе с дымом доносился и злобный лай: чужие в деревне, оттого и собакам неймется.

Ночных всадников заметили на белой дороге еще на выгоне, за поскотиной. Бухнул сплошной выстрел невидимого за снегом караульного, с попутным ветром прилетел суровый окрик:

– Кто такие? Куда несет вас на ночь глядя?

Илья с товарищами попридержали коней и неспешным шагом приблизились к крайнему у деревни амбару, готовые в любой миг повернуть и гнать во тьму, если вдруг навстречу выскочат поднятые сплошным выстрелом драгуны.

– Крестьяне мы! – с немалой долей риска громко прокричал в ответ Илья, жмуря глаза от встречного снега и ветра. – Соседнего помещика Матвея Арапова бывшие холопы! А едем к батюшке Петру Федоровичу на службу! – И затаился, выжидая ответа. Рядом замерли его товарищи. Кони, отфыркиваясь, тяжело переступали ногами.

– Езжайте к барскому дому! Тамо спросите есаула Маркела Опоркина! – Из-за низенького амбара вышли караульные казаки. Один, прикрывая лицо рукавицей, локтем указал в сторону небольшого шатрового дома под железной крышей.

В просторной горнице пахло мокрой овчиной, сохнувшими валенками и копотью. Вокруг длинного стола собрались человек с двадцать яицких казаков, а с ними, под иконостасом, сидел сутулый, с седыми усами и бакенбардами отставной майор Гасвицкий. Он поглядывал на непрошенных гостей перепуганными, словно застывшими в одном выражении глазами. Бледное лицо будто из дешевого воска вылеплено, губы растянуты в вымученной улыбке. Гасвицкий что-то негромко говорил и рукой перед гостями взмахивал, приглашая к богато выставленным яствам.

Дворовая баба едва успевала кипятить самовар, дворецкий то и дело услужливо нырял в хозяйский погребок, опустошая небогатые запасы бывшего служак российских государей. А хозяин с тревогой косился на незашторенное, снегом запорошенное окно и мучительно думал: увидит он божий свет хотя бы еще разок, или порешат его тут же, если кто из малочисленных мужиков, дарованных по выходе в отставку, скажет о нем худое слово...

Илья с порога, отряхнув с шапки снег, отбил поклон, громко и не робея, спросил:

– Нам бы старшего среди вас, братья-казаки. Решили мы послужить государю Петру Федоровичу.

Из-за стола, близ майора Гасвицкого, которого Илья не один раз видел в гостях у Матвея Арапова и знал как лихого кутилу и гуляку, встал длинноногий, лет пятидесяти, изрядно уже седой казак, на ходу сглотнул кусок, который не успел толком дожевать. С дружеской улыбкой, обнажив редкие зубы, спросил, прищурился от света близко стоящей свечи зоркие глаза:

– Чьи же вы таперича будете, добры молодцы? Откудова бежали?

Илья вновь поклонился, пояснил:

– От помещика Арапова, бывшего губернатора Неплюева переводчика. Ныне в ночь, батоков не вытерпев, уткнулись от барина, осиновый кол ему в могилу!

Майор Гасвицкий при этих словах ужаснулся в плечах, осел на лавке так низко, словно и на нем запечатлелось это же суровое мужицкое проклятие<sup>4</sup>.

– Лют ваш помещик? – Маркел Опаркин враз посуровел лицом, над темно-кариими глазами сдвинулись колючие брови.

– Терпелив, ежели спины не разгибаешь, а чуть о себе озаботился – велит холопам на конюшню волочить под батоги, – за всех ответил конюх Сидор. – А товарища нашего, – и глазами указал на Илью, – так и вовсе обманом обвел вокруг пальца, из вольных в холопы записал за собой. А за нежелание покориться батогами похлеще, чем бабы лен на речке, измолотил...

– Вона-а что-о! – с угрозой выдохнул есаул Опаркин. – Не нужен барам праведник, нужен угодник! Ништо, братцы, лиса придет – и курица раскудахнется! – И кулаком пристукнул о столешницу. – Садитесь, братья, покудова чаевать заедино с нами, а поутру мы того переводчика переведем поближе к Господу ответ дать за свое лихоимство! Между воротных столбов без ветру качаться заставим! Горящей головешкой прокатимся по змеиному гнезду!

Утром, отъезжая в деревню Пополутовку поднимать мужиков в войско государя Петра Федоровича, есаул Опаркин отрядил с Ильей пятерых казаков, а конюха Сидора с иными товарищами забрал с собой, наказав перед отъездом:

– Пояжите накрепко помещика да его холопей услужливых, поκληчьте мужиков и приезжайте в Пополутовку. Тамо будет читан указ государя-батюшки о даровании мужикам вечной воли!

Маркел Опаркин вскочил в седло, двадцать казаков, раскачивая торчащими у седел пиками, последовали за есаулом. До полусотни крестьян, вчера обстриженных на казацкий манер, с вилами, косами, а иные с дубьем, повалились в розвальни и с гиканьем понеслись за верховыми. Легкий боковой ветер сносил из-под копыт сухую снежную порошу.

– Укажуй дорогу, братец, чтоб нам не припоздать на утренний чай к твоему барину! – полушутя-полусерьезно приказал старшой из казаков. – Проверим, крепки ли веревки в амбарах твоего барина. Говорил ведь ему поп: стоя на молитве, ног не расставляй – бес проскочит, беды натворит...

Не принуждая коней, давая им разогреться после ночи, стороной миновали деревеньку помещика Дементьева, поскакали далее трактом, стиснутым с обеих сторон молчаливым, настороженным лесом.

– Зайцев бы теперь погонять, братцы! – беспечно прокричал один из казаков, помоложе, в латанном на спине кафтане. – Иной серяга, поди, еще и тулупчик-то на белый поменять замешкался!

– Не до зайцев, Фролка! Настало время медведей из берлог выкуривать да на рогатину сажать! – бросил в ответ старшой. И к Илье с вопросом: – Эта, что ль, усадьба твоего хозяина? Диво, ни души не видно по всей улочке!

Дорога круто повернула вдоль изгиба реки Боровки. За крестьянскими окраинными подворьями объявился на виду двухэтажный особняк Матвея Арапова.

– Это и есть его берло... – Илья не договорил: из-за плетня ближней жилой постройки, совсем почти в упор, в пяти саженьях, ударил ружейный выстрел. Старшой казак вскинул правую руку – Илье на миг показалось, что тот пытался удержать слетевшую с головы шапку, – потом резко повалился, повис, ногами оставшись в стремях. За ивовым плетнем мелькнул дымящийся ствол ружья и белая заячья шапка приказчика Савелия Паршина.

– Засада! – прокричал Илья и тут же вздыбил коня. На балконе верхнего этажа между перильцами на миг показался пестрый халат Матвея Арапова, оттуда почти кряду грохнули

---

<sup>4</sup> Осинный кол в изголовье покойнику вбивали в том случае, если тот подозревался в связях с нечистой силой и мог, выйдя из гроба, вредить людям и после смерти.

два торопливых выстрела, и с головы Ильи слетела простреленная мурмолка. Возьми Арапов самую малость ниже – лежать бы Илье на той зимней дороге...

– Назад! – кричал Илья казакам. – С дороги! За лес уходите, за лес!

Казаки, круто развернув коней, успели покинуть открытое место и умчались за поворот, подгоняемые новыми выстрелами из барской усадьбы. Перепуганный конь следом приволок убитого старшого.

– Эх, Ермил, Ермил, вот где тебя смертушка-то поцеловала! – Казаки бережно вынули ноги убитого из стремени, положили через седло.

– Ах ты, гад ползучий, иудин выродок! Учужал, что не миновать смерти, приказчика за сторожа на околицу выслал! – Илья, простоволосый, дрожа от лютой злости, готов был снова ринуться на усадьбу – отомстить за побитого казака.

– Охолонь, брат, – остановили его товарищи Ермила. – На открытом месте они нас всех как куропаток перестреляют. Едем к Опоркину, всей силой надобно офрунтить усадьбу, чтоб ентому гаду не выскочить живым из волосяного аркана!

Поддерживая погибшего Ермила, так и въехали в заснеженную Пополутовку – деревеньку в десяток, не более, дворов. Но народу в ней с окрестных мест собралось преизрядное число.

Есаул Маркел Опоркин, в скорби и в молчании простившись с Ермилом, повелел местному попу отпеть и похоронить государева верного казака и, не надевая шапки, сказал, обращаясь к крестьянам:

– Едем все, мужики, в деревню помещика капитана Михайлы Карамзина. Тамо назначен сход всех окрестных деревень. Туда ожидают прибытия калмыцкого воинства, кое, сказывают, взбунтовалось тако ж супротив кровожадной царицы и ее лютых собак-помещиков!..

Как искры, разносимые сильным ветром, исчезали за Волгой перепуганные помещики, едва только поблизости от их имений появлялись разезды яицких казаков, разосланные государем Петром Федоровичем из Бердской слободы под осажденным Оренбургом. Мчались казацьи разезды по широкому Заволжью, а следом на десятки верст по трактам сеялись страх скорой расплаты и радость в надежде на столь же скорое освобождение от барской неволи.

Многочисленный санный поезд Маркела Опоркина в близлежащих деревнях и селах встречали все новые и новые мужицкие толпы. На вопрос есаула – а где же ваш барин? – от крестьян следовал почти одинаковый сказ:

– Барин наш, отставной майор Олександр Кудрявцев, бежал в Борскую крепость.

– Барин наш, отставной прапорщик Данила Куроедов, бежал, малость вами не захваченный, с семейством в Бугуруслан.

– Барин наш, отставной капитан Петр Васильевич Ляхов, похватав пожитки, едва утек в Черкасскую крепость к сродственникам!

– И наш барин, отставной капитан Михайла Андреевич Карамзин, бежал в Симбирск с семилетним отроком своим Николкой<sup>5</sup> да с евойными няньками и дядьками!

Маркел Опоркин, оглядев немалое мужицкое сборище, порешил: всем идти в соседнее село Ляховка, к тамошней просторной церкви, там и читать государевы указы.

Распугивая грачей, звонили в колокол, сзывали крестьян Ляховки на литургию.

– Ну, ваши преподобия, ступайте к службе не мешкая! – Маркел Опоркин, подбадривая, слегка подтолкнул сухопарого, оробевшего попа Петра Максимова из деревни Карамзиниха, а потом и Петра Степанова, попа села Ляховка. – Поминайте государя нашего истинного Петра Федоровича с наследником, а преступную царицу храни вас Бог помянуть!

– Не робейте, святые отцы! – Кто-то из толпы весело пошутил над попами. – Бог не барин, зря не обидит: коль бабу отымет, так девку даст!

---

<sup>5</sup> Н. М. Карамзин, будущий писатель и историк.

– Аль что не толково я сказал? – Опоркин глянул на попов – в глазах такая остуда затаилась, что священники тут же согласно подтвердили свою понятливость, осеняя крестными знамениями набившуюся в церковь мужицкую толпу, а по окончании литургии поминали о здравии его императорского величества громогласно и старательно:

– Да хранит Господь благочестивейшего, самодержавнейшего великого государя императора Петра Федоровича, и наследника его, благоверного государя, цесаревича и великого князя Павла Петровича, и супругу его благоверную государыню, великую княгиню Наталию Алексеевну многая лета-а!

Отслужив литургию, попы потянули было с себя епитрахили, но Маркел Опоркин остановил их:

– Не все еще, святые отцы. Таперича надобно громогласно объявить указ государя Петра Федоровича к народу, что дарует он мужикам вольность на веки вечные! Тута, в церкви, все не уместились, а потому надобно вам выйти на паперть.

Послушно, из алтаря через северные двери, попы вышли с крестами на паперть. И будто по чьему-то знаку не менее пяти сот мужиков повалились на колени и обнажили головы. Петр Моисеев, так и не совладав с волнением, с дрожью в руках принял от Маркела Опоркина государев указ с печатью на шнуре, развернул. Сгоняя спазму, прокашлялся, вскинул указ на вытянутых перед собой руках.

Маркел на время остановил попу:

– Погоди малость, ваше преподобие, – и к мужикам возвысил густой голос: – О том, что указ сей получен из рук государя Петра Федоровича, пред святыми иконами готов вам, мужики, принести страшную клятву односелец из деревни капитана Михайлы Карамзина бывший крестьянин, а ныне государев вольный казак Левонтий Травкин. Он самолично был у государя-батюшки, ему и писан указ этот!

– Знаем Левонтия! – отозвались голоса из толпы. – Нами же и посылаем был вкупе с нашими односельцами государя лицезреть!

– Прикажи, атаманушка, читать тот указ государев!

Маркел Опоркин повернулся к попу Моисееву, улыбнулся, за локоть тронул.

– Читай, святой отец, без робости. Народу послужите, и народ вас не забудет. Чтобы громогласно было, да слышат все и от себя потом передадут тем, кто здесь не случился быть.

Петр Моисеев снова кашлянул, утер губы, чуть пригнул голову к правому плечу и возвысил бас:

– *«Самодержавного императора Петра Федоровича Всероссийского и прочая, и прочая, и прочая.*

*Сей мой имянной указ в Михайлову деревню казаку Левонтию Травкину и казакам, и всякого звания людям моим именное мое повеление.*

*Как деды и отцы ваши служили предкам моим, так и вы послужите мне, великому государю, верно и неизменно до капли своей крови. Когда вы исполните мое именное повеление, и за то будете жалованы крестом и бороною, рекою и землею, травами и морями, и денежным жалованием, и хлебным прививантом, и свинцом, и порохом, и вечною вольностью. И повеления моего сполните, то совершенно меня за оное приобрести можете к себе мою монаршескую милость.*

*А ежели вы моему указу противитца будете, то вскорости восчувствовать на себя правидный мой гнев, и власти Всевышнего Создателя нашего избежать не может никто, и никто вас от нашея руки защитит не может.*



*Одна тысяча семьсот семьдесят третий год, октября двадцать  
третьего дня.*

*Великий государь Петр Третий Всероссийский».*

– Аминь! – разом выговорили попы, перекрестились, снова собираясь укрыться как можно скорее в святой обители.

– Все уразумели, мужики? – громко спросил Маркел Опоркин и хотел было забрать указ у попа Петра, но кто-то из толпы выкрикнул свою просьбу:

– Уразумели, батюшка-атаман! Но для пущей памяти повели честь указ государя троекратно!

– К чему это? – не понял Маркел, отыскал взглядом седого высокого старика, который стоял неподалеку от паперти, двумя руками опершись на толстый посох. Рядом с ним боязливо жался конопатый внучек, ручонками вцепившись в дедову домотканую рубаху.

– А тогда подлинно войдет сей указ в голову, да так, что барин и езжалыми кнутами через зад не выбьет! – громко ответил старик, обнял внучка за плечи, прижал к боку, успокаивая.

Кто засмеялся, а кто и согласно закричал, поддерживая:

– Вели, пресветлый атаман, честь еще! Верно промолвил Сидор! Налетят барские слуги, хватать да сечь примутся, а из мужицких голов указу того уже не выбить будет!

Читали указ трижды. Маркел Опоркин отобрал у Моисеева указ, передал пожилому мужику в казацком кафтане, при ружье и при сабле, сказал при этом:

– Возьми, Левонтий. Нам надобно в Берду другими трактами возвращаться, в иных местах мужиков поднимать будем. А вы здесь, собрав какой скот и провиант, шлите к батюшке в Берду на пропитание воинства. Да голую чернь не забудьте, по пяти овец и по телку из барских стад наделите. Себе в помощники возьми вот Илью Арапова, мужик, вижу, толковый, на барина руки здорово чешутся. Такой не подведет. Прощайте, братцы. Будут какие вести о движении царицыных войск – всенепременно извещайте государя! В том особая ваша служба и будет покедова в этих местах, близ Новой Московской дороги. С богом, казаки!

Но не успел отъехать, как был остановлен появившимся странным обозом розвальней в шесть-семь. От того обоза неслись крики и стенания. За стражу верхом ехали несколько мужиков в полушубках, с вилами да оглоблями в руках.

– Что за ватага лихая? – усмехнулся Маркел Опоркин и попридержал своего коня. К церкви подкатили жители деревни капитана Ляхова. – Кого изловили, мужики? Барина?

С передних розвальней соскочил седой кривоглазый старик, стащил с головы шапчонку, поклонился Маркелу Опоркину, как важному человеку, рукой до утопанной земли.

– Нет, атаманушка, барин убег-таки. А изловили приказчика его, Фрола Жердина с семейством, – тако ж удумал из села бежать, лихоимец. На твой справедливый суд и расправу доставлен. Изволь, будь ласков, выслушай его вопли-оправдания и его вины, нами сказанные. И суди тогда.

– Каков был сей приказчик? – спросил Маркел Опоркин и задумчиво покосился на Илью, словно говоря суровым взглядом: легко ли ему, простому казаку, вершить людскими судьбами, хоть и власть дадена от государя немалая!

– Барину был угодлив, мужикам хуже напасти! – ответил кривоглазый старик на вопрос Маркела Опоркина.

– Кабы Бог послушал худого пастуха, так бы весь скот передох! Тако же любил нас и сей Фрол Жердин! – добавил кто-то из ляховских мужиков.

– Добрых, сковавши, не возят, атаманушка! – отозвался еще кто-то. – Не ради его бережения сковали, а ради суда и спроса праведного!

Приказчик, стыдясь выказать робость при супруге и детях, взмолился к мужикам:

– Помилуйте, братцы! За что меня безвинно сковали цепями? В чем я пред вами виноват? Помните, что и я такой же мужик, да барин неволей меня приказчиком поставил, не

сам напросился... Все делал лишь по воле барина, видит бог! – И с надеждой поднял серые мечущиеся глаза: быть может, у седого казака сердце помягче мужицкого?

– Как же ты не виноват? – вновь возмутился кривоглазый старик в длинном сермяжном кафтане. – Не ты ли на господских работах крестьян всех до крайности поизмучил?

– Не от меня те строгости, а единственно по строгому велению барина! – ответил приказчик, пряча от семейства выступившие на глазах слезы.

– Известно дело, теперь говоришь на барина! – возмутился кривоглазый старик. – А прежде барин, бывало, рта не успевал открыть, как ты у него с языка слова слизывал и нас теми словами пакостно поносил!

Вперед к розвальням выступил кряжистый мужик лет тридцати, в драном тулупе и в лаптях, подстеленных для тепла соломой. В руках – деревянные вилы-тройчатки. И, будто вилами этими, уперся приказчику в лицо яростными глазами.

– А не твоя ли вина, приказчик, что ты мирские наши сенные покосы по два года кряду отдавал помещице Авдотье Жердиной, своей сродственнице, и за каждый год, известно то нам стало, брал по шестидесяти рублей в свой карман?

– Не сам я отдавал! Спросите барина! – упорствовал приказчик, а голос садился, перехватывала его хрипота: понял, что пустыми словами ему теперь не отбояриться.

– Изловим ежели, то и барина о том лихоимстве допытаем! – Мужик в драном тулупе пристукнул черенком вил об утоптаный снег.

Приказчик вылез из саней, гремя цепями, встал на колени перед кривоглазым стариком.

– Ну пусть виноват в чем и делал где по воле своей глупой, где по неволе. Простите меня, мои батюшки! – И, стащив скованными руками заячью шапку, сверкнул плечиной, начал отбивать земные поклоны, поворачиваясь на коленях то в одну, то в другую сторону, к мужикам и к Маркелу Опоркину на коне.

– Ну что, мужики, отпустятся ли его вины? – Маркел Опоркин привстал в стременах, оглядел насуспенные мужицкие лица.

– Нет ему от мира прощения! – выкрикнул мужик с вилами и отступил на шаг от упавшего лбом в снег приказчика. – Он нам и малых провинностей не спускал! Цеплялся за наши волосы пальцами похлеще злого репья!

– Тогда заберите женку и детишек, свезите в дом и зла над ними не чините. В своих грехах приказчик сам повинен. Свезем его на суд к государю Петру Федоровичу. А вины его пущай выкажет кто-нибудь из вас. Хоть бы и ты... – Маркел Опоркин облюбовал мужика с деревянными вилами – добрый будет государю казак! – Как величают?

– Величают у нас барина, – отшутился мужик. – А меня кличут немудряще – Ивашкой Кузнецом. – Мужик поклонился односельцам, высадил из саней ревущих домочадцев приказчика, сам повалился в сено, силой за собой втолкав туда и обмякшего, улимого слезами Фрола Жердина.

– Ишь честь какая ему удостоена, клопу кровососному – батюшку Петра Третьего лицезреть его везут! – это подшутил над приказчиком Ивашка Кузнец. – Вона, мужики, погляньте: покаялся, а глаза бирючьи притупить не может!

Приказчик, высвободив лицо от налипшего было сена, крикнул домочадцам:

– Прощай, матушка Евлампия! Прощайте, детушки! Не поминайте...

Ивашка Кузнец наложил огромную ладонь на шапку приказчика, повернул ему голову бородой к оглоблям.

– Будет причитать! – бросил Кузнец коротко, и приказчик умолк на выдохе. – Увидитесь, даст бог, как призовет к трону своему в судный час. Тако ж и с барином своим еще сойдетесь. Помнишь, наверное, как говорила лиса волку: «Увидимся у скорняка на колках». Я готов, атаманушка, ехать с тобой.

– Так помни, Левонтий, мой наказ! – вернулся к нежданно прерванному разговору Маркел Опоркин, тронул коня. За ним последовали казаки, неспешно скользили по мягкому снегу десяток груженных саней, за санями топотали копытами более сотни отобранных в конницу государя добрых под седло жеребцов.

### 3

Под вечер в доме старосты села Карамзиниха Андрея Егорова собрались от окрестных сел капралы, жалованные теми титулами старшиною Леонтием Травкиным от имени государя Петра Федоровича.

Пили пиво. Поп Петр Моисеев пытался было затянуть псалмы, но Илья прервал его, обратился к Травкину:

– Тебе видеть государя довелось, так скажи, каков он? Хоть бы единым глазком глянуть, а там и живота положить не жаль!

Леонтий Травкин медленно поставил полупустую кружку на голый, без скатерти, стол, мазнул пальцами по мокрым усам. Едва заговорил, как скрипнула обитая мешковиной дверь, и вошел, потирая голыми руками толстые, оспой съеденные щеки, поп Петр Степанов, с порога изрек, зябко передернув плечами:

– Студено на дворе. А у вас пивом да грибками пахнет! Налей и мне, атаман Левонтий, – и, потягивая пиво, в три уха вслушивался в казацкие разговоры.

– Так вот, – продолжил Травкин прерванный в самом начале рассказ. – Случилось это еще по первому к нам приезду яицких казаков, в середине октября. Работали мы тогда у церкви, по наказу барина Михайлы Карамзина. И вот грянули те казаки, человек с десять, барина спрашивают. А мы им отвечаем, что-де барин мальчика своего Николку усадил в тарантас, слуг да нянек уместил на телегу, сундучок в туя телегу кинул да и был таков!

– Сундучок-то, поди, с ассигнациями, – не выдержал и обронил Ефрем Карпов, молодой приземистый мужик с желтыми щеками, словно только что переболел тяжелой лихорадкой.

– Да какие там у него ассигнации! – отмахнулся староста Андрей Егоров. – Самолично присутствовал при тех сборах. Немного тех ассигнаций накопил наш барин на царской службе. Книжки он в тот сундучок покидал. Те книжки покойная барыня читать любила, да и малец Николка к ним пристрастился...

– Бог с ними, с книжками, – сказал Травкин. – А как увидели те казаки нас в работе да и спрашивают, по чьему велению работаем? А если по велению господина, то б работу ту бросить, и немедля, потому как прибыли они от государя Петра Федоровича. «А естли-де еще нам не верите, что мы присланы от государя, так пошлите своих доброхотцев на Урань – а туда от нашей Карамзинихи верст семьдесят – осведомиться чтоб доподлинно!» Вот и порешили тогда мужики послать меня, да Ефрема Карпова, да Григория Феклистова. Прибыли мы на Урань, а оттуда нас отправили в Берду, пред очи самого государя. Встретил он нас ласково да и спрашивает: зачем, дескать, вы ко мне пришли? Послужить, что ли? На что я ему и ответил, что к службе покудова не готовы, а посланы от нашего деревенского мира лицезреть его всероссийского самодержца лик и оповестить о его подлинности протчим мужикам.

– А государь? – допытывался Илья. – Поди, осерчал крепко на ваш отказ службу править?

– Нисколько! – ответил с улыбкой Травкин. И к старосте: – Нацеди еще самую малость, выпьем во здравие нашего от барской неволи избавителя Петра Федоровича! Вот так! Чтoб чрез край лилось впредь счастливое мужицкое житье, когда изгоним всех помещиков, овладеем землями и лугами да будем работать без тяжелой барщины. Выслушал нас государь и говорит: «Коль так, то знайте, робята, што у меня нет никого невольников! – Поворотился к своим енералам и повелел: – Дайте сему казаку мой милостивый указ, штоб крестьянам быть свобод-

ным от податей помещичьих и от работ тяжких и подневольных». Через день тот указ мне и даден.

Поп Петр Степанов тут же к Леонтию с просьбицей:

– Слышь-ка, раб божий Левонтий, дай-ка мне тот указ, сниму с него копию.

– К чему тебе та копия? – насторожился Травкин и перестал пить пиво. – Не попам он писан – мужикам. Уразумел?

– Да к тому, что буду оглашать всем, у кого в душе есть какие сомнения, доподлинный ли это государь объявился. А без указа слушать будут маловеры с сомнением, а то и с оскорбительными для государя выкриками и смехотворением.

Травкин нырнул рукой за пазуху, бережно достал скрученный в трубочку указ, глянул – не сильно ли измялся?

– Коль так, сними копию, святой отец. Садись вот тут, с угла под иконостасом, где свет от лампы поярче, и пиши.

Илья опять затеребил Леонтия:

– Ну, а каков он, государь? Обличьем каков? Поди, грозен и величав? Довелось мне зрить портрет государыни Елизаветы Петровны в имении Демидовых, так куда как величава ликом!

Леонтий подумал малость, поскреб подбородок через рыжеватую бороду, потом сгибом сустава вытер постоянно слезящийся трахомный глаз, ответил:

– Поначалу и я мнил увидеть государя телом белого, в шелках да в бархате и со многими орденами... А он обличьем как и протчие казаки при нем. И одет-то по-казацки, и речь казацкая. А все ж не казак! – добавил Травкин уверенно. – Беглая жизнь, сказывают, дюже его облик потерял, а взгляд истинно государев и осанка государева! Да и немочно ему по-иному выражаться. Знамо дело, царицыны енералы непременно зашлют лихого палача, чтоб государя из-за угла подстрелить. Потому-то в большой свите он мало и приметен. А то и два-три двойника, точь-в-точь как и он, рядом на одинаковых конях скачут. Поди разгадай, который из них государь. Умен, ох умен батюшка наш Петр Федорович.

– Умно делает! – одобрил и Илья, потом яростно поскреб затылок. – Ну, старшина, поутру еду я в свою деревню. Надобно нам своего барина повязать и на государев суд непременно препроводить.

– Тогда, господа капралы, – усмехнулся Леонтий Травкин – очень уж непривычно вырвалось у него это «господа», – будет пиво цедить! Мужики разъехались по деревням, а у нас начинается служба государева: провиант собирать да мужиков нищих барским скотом одаривать.

Покинул дом старосты Егорова и поп Петр Степанов, да поспешил не в дом свой, а верхом на подготовленном заранее коне пустился по ночной дороге в сторону Бузулукской крепости к тамошнему коменданту подполковнику Даниле Вульффу с устным доносом и с копией указа, читанного с церковной паперти взбунтовавшимся мужикам ближних к крепости сел и деревень.

#### 4

– Офрунтить усадьбу! – прокричал Илья слышанную от казаков команду. Он первым мчался по пустынной дороге, настигая коня. В голове билась тревожная мысль: «Проскочить бы счастливо крайние постройки, чтоб, как в тот раз, не подставить казаков и себя под пули!»

Луна воровато кралась между редкими желтоватыми облаками, щедро освещая лес, дорогу со следами санных полозьев, десятка полтора всадников, которые, себя подбадривая, со свистом и гиканьем влетели в деревеньку, рассыпались вокруг усадьбы, миглом окружили ее. Из-за наглухо закрытых ставней не пробивался ни единый отблеск горящей свечи...

– Что за черт? – Илья проворно спрыгнул с коня, подбежал к воротам, ударил в толстые доски рукоятью плети. На стук хриплым брехом отозвались сторожевые собаки, потом что-то

несуразное пропищала расхлябанная в петлях дверь сторожки около знакомой Илье конюшни, послышался осипший и перепуганный со сна голос дворника Фрола:

– Кого господь послал в такую темень? Петухи и то спят еще...

– Открывай, Фролка! Не петухи – орлы прилетели! Государь Петр Федорович послал нас по барскую душу! – во всю мочь крикнул в ответ Сидор и с коня постучал древком копыя в обналочку ворот. – Узнал, поди, по голосу, а?

– Иду, иду, – забормотал дворник, шаркая старыми валенками по тонкому снегу на подворье. Громыхнул засов, ворота со скрипом разошлись. – Как не узнать – узнал, родимые, узнал. Вводит коней-то! Ишь, пар-то какой с бедняжек валит! Словно из-под березового веничка вымахали на ночную дороженьку. Откудова, соколики? Мыслью умом стариковским, издавеча прискакали... А ведь здесь, кроме меня, и некому вам «Аминь» сказать, некому...

– Не балабонь попусту, дед! – оборвал словоохотливого Фрола Илья. – Где барин?

– Тю-тю наш барин, Илюша! – Дворник попытался было присвистнуть по-молодецки, да только оконфузился по давнему беззубию. – Как утекли-то казаки, им да Савелием обстрелянные, тем же часом подхватился наш барин в сани с барышней и наследником да... да и был таков, – чуть споткнувшись, вновь затараторил дворник. – Со мной и то, за великой спешкой, не попрощался за ручку-то! Уже в воротах, выезжая, оборотился, плетью погрозил да и крикнул, аки медведь, на цепь посаженный: «Доглядывай тут за домом! Ворочусь с воинской командой, коль что порасташат – головы мужицкие на шесты понадеваю, скворцам вместо гнезд будут торчать!» С той ласковой речью и отъехал наш барин-полутатарин!

– По какой дороге умчал Матвейка? – Илья взошел на крыльцо, торкнул рукой парадную дверь. – Обойди сенцами, Фрол, отопри. Не мерзнуть же нам, ночным звездам подобно, на стылом ветру и под луной. Барина дожидаться долго придется, сосульки с усов повиснут.

– Думается мне, на Борскую крепость помчал наш Матвеюшка, тамо у него знакомый комендант, а может, дальний какой сродственник, бес его упомнит. – Фрол проворно оббежал вокруг пристроя, послышались внутри длинных сенцев его шаги по скрипучим доскам, долго возился впотьмах с внутренним запором. Наконец дверь отворилась.

– Входитя, люди добрые! – Старик потешно кланялся входящим казакам, норовя поклониться каждому и не успевая сделать этого. – Я мигом дровишек внесу. Печь с прошлого утра топлена, да я еще распалю. Отогрейтесь, обсушитесь. Я думаю, хозяин не шибко бранить будет, ежели казаки одного барана обласкают да с собой, по животам разложивши, спать укладут в тепле и рядышком, а?

Казаки рассмеялись шутливой болтовне старого дворника, лохматого, словно желтый кот после очередной ночной гулянки и драки с соседскими котами. Тут же отыскались два охотника выбрать барана и освежевать его. Остальные прошли в просторный зал – со стен сняты бывшие здесь совсем недавно портреты Петра Великого, государыни Елизаветы Петровны и ныне царствующей Екатерины Алексеевны. Их парсуны Матвей Арапов заказывал в Оренбурге, платил в рассрочку с жалования, и с благоговейным трепетом, при всей дворне, при священнике с кадилом развешивал собственноручно в этой горнице.

– Скидай одежку, казаки, рассаживайтесь. Нынче наш барин не грянет с командой, не близок путь до Борской крепости. А там, оглядевшись, наладим надежную караульную службу. Нам надобно спешно числом умножиться да оружие какое получше раздобыть. С одним дрекольем да деревянными вилами, по ромодановскому бунту знаю, супротив воинских команд долго не удержаться.

Оставляя следы на светло-желтом крашеном полу, казаки – вчерашние крестьяне, остриженные под кружок, проходили в передний угол, усаживались, галдя, на лавки, расстегивали полушубки и тулупы, стаскивали шапки и мурmolки, приглаживая волосы, а иные крестились на иконостас, малость робея: не в конюшне и не на мельнице собрались таким скопищем – в барские хоромы непрошено влезли!

Вскоре от большой, обитой черной жестью голландки, круглой и уютной, потянуло теплом. Казаки поснимали верхнюю одежду, дворник Фрол давно уже разбудил ворчливую стряпуху, и она в мисках, с пахучим отваром, подала казакам баранину, нарезала хлеб, начистила злых, как сбежавший хозяин, луковиц, выставила в деревянной плошке толченую соль. Отошла в сторону, встала у косяка, скрестив под высокой грудью руки: ну что за сборище! К барину, бывало, куда какие степенные да вальяжные гости съзжались! Сидят чинно, едят бережно... А эти валенками да обтаявшими лаптями пол извозили, ногами под столом колобродят, чертей качают! С пальцев жир облизывают! Мужичье и есть мужичье, хотя и обозвались казаками.

– Вы тут располагайтесь, вздремните, – распорядился Илья. – А я к дому схожу, своих проведаю. Да и оружие у меня там припрятано на черный день. Когда бежали мы с тобой, Сидор, захватить было некогда... Спаси бог, есаул Маркел Опоркин пулями да порохом снабдил нас на первый случай. – Илья распорядился выставить вокруг усадьбы караулы, за старшего оставил Сидора.

– Ну, пейте барский чай, казаки. Дядя Фрол, ты тут обихаживай моих молодцев, а я к своим схожу.

Дворник Фрол, болтавший до этого о чем-то со стряпухой, запнулся на полуслове, как будто маковое зернышко ему в горло попало, заперхал и замолчал, уставясь на Илью. И от этого молчания у него холодом потянуло по спине.

– Ты что, дядя Фрол?

– Да так... Чтой-то в дыхалке встряло...

– Так я пошел тогда...

– Иди, голубок, иди, – за Фрола ответила стряпуха и глаза отвела, на шумных казаков уставилась.

Илья в недоумении пожал плечами, прикрыл за собой ворота и поспешил улицей к берегу Боровки. Там, в теплой избушке, его ждали Аграфенушка и ласковый Федюша, баловень отца. То-то заверещит от радости, когда в дверях встанет неожиданно родитель!..

На подходе к избе удивился – вся деревня всполошена их приездом, а родная изба встречает темными окнами, незапертой дверью. Голодная кошка спрыгнула с крыши на крыльцо, признав хозяина, мяукая, терлась о запорошенные снегом валенки, мешала идти.

Илья в сенцах достал кремень, кресало, сбивая от волнения кожу на пальцах, высек огонь и, пройдя в комнату, запалил фитилек лампадки...

Тусклый свет еле обозначил самодельный стол, три табуретки, полати, прикрытые рядом, деревянную кадку и два деревянных ведра на лавке у печи. Печь глянула на хозяина пугающе открытым и остывшим черным зевом... Из-под печи торчали отполированные руками Аграфенушки ухваты и кочерга. В углу на кучке сметенного мусора сиротливо стоял обшмыганный веник из полыни...

Чисто. Тихо. Прибрано. И нежиле!

Илья сел на лавку, уронил голову.

«Увез-таки озверевший бирюк Аграфену и Федюшу! – догадался он и зубы стиснул до ломоты в челюстях. – Ну добро, Матвейка! Коль началась меж нами война, твою кровь выпущу до капли, чтоб волю из-под вашего аспидного племени мужикам добыть!»

Встал, подошел к подпечью, откуда торчали черенки ухватов, сунул руку, нащупал невмазанный кирпич, подцепил его твердым ногтем, пошатал, чтоб можно было взять пальцами, вынул. За кирпичом, в тайнике, спрятан пистоль – давний подарок атамана Гурия Чубука. Другой пистоль, покойного отца Киприана, Илья подарил атаману бугровщиков в благодарность за то, что дали приют и вывели из диких заалтайских песков на родную сторонку.

Он размотал лампадным маслом пропитанную тряпицу, обтер пистоль чистой занавеской у печи, тут же зарядил его и сунул – по давнему совету отца Киприана – в потайной карман под левой рукой.

«Вот так-то оно способнее будет, – подумал удовлетворенно Илья. – Теперь надобно к тестю Макару торкнуться, авось про Аграфену и Федюшу узнаю что...»

Макар, разбуженный среди ночи криками у барской усадьбы, на стук в дверь отозвался не сразу, не сразу признал Илью – голос у зятя подсел от волнения и быстрой ходьбы по морозному воздуху.

– Ильюша, ты это? – обрадовался Макар, открыл дверь, а сам торопливо запахнул однорядку, накинутаю прямо на исподнее. – Я поначалу перепугался, пригрезилось – барин это в село с командой воротился, мужиков, мол, хватать для порки, за мной холопов послал на конюшню тащить, под батоги... Входи, Ильюша, входи, сынок.

Илья вошел в горенку, где пахло старой ветошью, квашеной капустой – миска стояла на столе – и сохнувшими на припечке валенками.

– Тятя, скажи, христа ради, где Аграфенушка, где Федюша? – Илье невмочь было ждать, пока хворая и располневшая от водяной болезни теща трясущимися руками засветит жировую копилку от уголька из печи.

– Увез ее аспид с собой, Ильюшенька, – ответил Макар. – Кинул в сани вместе с Федюшей и своим семейством... А мне наказал тебя предостеречь – скажи, дескать, вору и разбойнику своему Илье, что ежели спалит поместье, ворочусь с командой и на том пепелище прикажу врыть столб, привязать к столбу его женку и сына и сжечь, хворостом обложив вокруг! Вот какова, Ильюша, наша холопская доля! Иной раз человека дешевле полена дров ставят... Что удумал аспид, то и сотворить волен. И суда на него нет, ни мирского, ни божьего! И нет таких трав, чтоб укоротить барский нрав. Всяк их брат крестится в церкви, да не всяк Богу молится...

– Та-ак. – Илья рукой нащупал позади себя лавку, сел. – Повязал он меня, иуда, по рукам и ногам, повязал накрепко.

– Бог с ним, с поместьем, Ильюшенька, – махнул рукой Макар, присаживаясь рядом с зятем на лавку. – Пусть себе стоит. Какой от него вред людям? Никакого. Ты скажи, верен ли слух про объявившегося государя? И подлинно ли он за черный народ на бар исполнился войной немилосердной?

– Подлинно, тятя, подлинно. Днями его указ нам казаки в Карамзинихе читали. Дает он бедному мужику волю на вечные времена, а помещиков велит изничтожать под корень! Потому и жгут барские имения, чтоб змеям некуда было воротиться.

Макар рассудительно покачал головой, седой и лобастой, мудро возразил зятю:

– Эх, Ильюшенька! Ежели одолеет их сила, нашими же руками себе другие хоромы повесят срубить, краше прежних. Надобно побить их всенепременно, тогда и ворочаться некому будет... Аль невпопад молвил, что хмуришься, а старику не перечишь? Скажи.

– Все верно, тятя, все ты верно рассудил... Просить хочу, как доброго кузнеца: поутру разожги горн, надобно нам копыя, рогатины отковать – казаки мои с голыми руками бегают. Доведись какой сшибке случиться – зазря полягут, драгунами посеченные. Помнишь, сказывал я тебе, как на Иргизе драгуны беглых секли палашами? А будь у них хоть какое ни то оружие...

– А железа где взять, Ильюша?

– С конюхом Сидором обдерите колесные ободья в усадьбе, соберите все что можно в имении – железные бороны, сохи, ломаные косы – все в плавку! Да не мешкайте, помощников дам тебе крепких. Кто знает, ну как не нынче – завтра придется сесть на конь и воевать.

– Сами, Ильюша, долго не навоюете...

– А мы и думаем, вокруг собрав годных мужиков, к войску государя прилепляться. Без его подмоги ружьями да пушками нам крепостей по реке Самаре не одолеть. Гарнизоны там с огненным боем да с пушками сидят накрепко. – Илья встал, готовый идти к делам в усадьбу.

– Погодь, Ильюша, и я с тобой. А ты, мать, ложись, отдыхай, – обернулся Макар к жене. – Что толку утра ждать, время терять зазря? – Тесть засуетился в полутьме, отыскивая шапку. –

Надобно за дело браться. Я в кузню, а ты Сидору с казаками да с железом прикажи поспешать ко мне.

К полудню под неумолкаемый звон в кузнице на берегу Боровки в Араповку съехались созванные из ближних деревень мужики: посыльные Ильи скликали всех на прочтение указа государя Петра Федоровича, снять копию с которого для Ильи распорядился казачий старшина Леонтий Травкин. Читали тот указ на барском подворье, с парадного крыльца. Мужики, кто стоя на земле, кто сидя в санях, выслушали громко объявленный Ильей указ, загомонили, обрадованные.

– Так, стало быть, братцы, пришла и нам воля вечная!

– Дарует нас государь реками и морями, землей и травами?!

– И за старую веру гонения не будет? Носите, мужики, свои бороды, справляйте обряды, как совесть велит!

Илья сорвал с головы мурмолку, замахал ею, призывая мужиков слушать далее:

– Это все, что вы слушали в указе, дается вам, мужики! Но не забывайте слов, допрежь того сказанных. – Илья вновь, медленно, по слогам прочитал: – *«Как деды и отцы ваши служили предкам моим, тако и вы послужите мне, великому государю, верно и неизменно до капли своей крови... За оное приобрести можете к себе мою монаршескую милость...»* Вот так, мужики! Бежали из поместий наши баре, да ненадолго! Явятся с воинскими командами, супротив батюшки-государя исполчатся всей дворянской ратью... Стало быть, и нам, мужики, надобно прилепляться к нему, силу его множить многолюдством. Попомните, мужики, как было под Калугой, в нашей Ромодановской волости? Из тех краев я беглый. Поднялись мы всей волостью супротив Демидова, а на нас от сената пять полков с пушками пришли... Мы бьемся, а окрестные мужики будто и не видят, будто и не слышат того боя! Так-таки и сломили ромодановцев, по каторгам и рудникам в железах развезли...

– Вестимо дело! – подхватился с саней дед-старообрядец, который только что кричал о даровании ему воли и неистово крестился двоеперстием. – Дворяне завсегда ополчение созидают, когда царям лихо. А ну, сынок, вылазь из саней! Ступай к атаману! Мне все едино помирать скоро, а тебе есть резон вековечную волю добыть и в ней землецей да укусами обзавестись.

С саней поднялся среднего роста, плотный, обутый в валенки и на диво белокурый, так что бровей, если не приглядеться вблизи, то и не видно. Смущаясь от всеобщего внимания, парень прошел к парадному крыльцу, поклонился, сказал просто:

– Коль батюшка велит, то верстай меня, атаман, в казаки. Послужу царю-батюшке.

– Как звать-то тебя, казак? – порадовался Илья, оглядывая ладного парня.

– Гаврилой нарекли, а прозвище у нас деревенское – Белые мы, не в пример черным воронам, – пошутил Гаврила.

– Жалую тебя, Гаврила Белый, казацким государевым званием, казацкой вольностью. Отныне да неподсуден ты никому, окромя батюшки Петра Федоровича. Сидор, где ты? – обернулся Илья, отыскивая своего помощника. – Остриги Гаврилу и выдай ему для начала казацкое копье!

Здесь же, на крыльце имения, лежало с десятков спешно откованных Макаром и его подручными самодельных копий.

Илья поторопил мужиков:

– Молодец наш Гаврила! Да только одному Гавриле дворянского воинства не одолеть. Вызывайтесь еще, мужики. Желанная воля – это вам не червивое яблоко, с дерева само не упадет! А нам надобно барское дерево – да что там дерево, весь барский лес непролазный! – трясти и топором вырубать, пни корчевать и напрочь выволакивать с мужицкой земли! – Поклонился Илья мужицкому сходу, а в душе стыло и тревожно: пойдут ли в войско Петра Федоровича? Не разбредутся ли по домам, как это случилось минувшим днем в Ляховке, когда Леонтий Травкин зачитал указ, а охочих государю служить не кликнул. Мужики окрестных деревень и



разъехались по домам, не дав в войско государя достойного пополнения, – каждый надеялся, что и без него теперь волю у помещиков отвоюют.

«Кажись, еще один меж саней идет! Не один, вона еще зашевелились!» – И потеплело на душе Ильи – пошли верстаться в казаки самые смелые, а за ними пристанут и те, кто не столь отважен вперед идти, но на миру смерть готов принять, не дрогнув.

– Спаси вас бог, мужики! – благодарил Илья, вписал назвавшихся в список, помечая, кто из какого места, возраст, холоп или отставной солдат, оставляет ли семью. – От государя будет вам великая милость, а семье подмога из барского стада живностью.

Вписались в казаки по доброй воле до тридцати человек. Из араповского табуна выбрали лучших коней. Кому страшная рогатина, кому вилы, или коса нашлась, а иной поперек седла перекинул заонкую оглоблю – годится в рукопашной драке, похлеще драгунского палаша будет, ежели только сердце не дрогнет.

– Железа надобно, мужики, железа! – сетовал Илье тесть Макар, в пот вгоняя подмастерьев. – Повели, Ильюша, в имение Дементьева сгонять. Не далеко ведь, а и там, глядишь, что ни то да ржавеет зазря!

Сыскалось и в соседней деревеньке железо. Всю ночь над Араповкой витал приглушенный звон, шипела студеная вода в лохани, когда калил Макар копьа – из горна да в воду! Казаки точильными брусьями правили наконечникам жало, доводя до нужной остроты.

– Вот и славно! – шутили ново набранные казаки. – Сквозь мундир проскочит не хуже, чем тройчатые вилы сквозь снопы.

Илья, выставив окрест деревни спаренные дозоры, через каждый час наведывался в кузню, уносил с собой в имение два-три отточенных копьа и вручал казакам. Они брали в руки оружие, вскидывали, примеряясь – удобно ли? Потом с силой били наконечником в косяк ворот – крепко ли насажен, не погнется ли сверкающее лезвие?

– Молодец, тятка! – похвалил Илья Макара. – Славно закалил, с таким копьем и супротив драгун можно выезжать в поле!

А под утро...

– Илья Федорович! Верховые от Ляховки к нам!

Илья едва вздремнул на лавке, не снимая полушубка. Мигом вскочил, надвинул мурмолку. Перед ним шестеро незнакомых мужиков и Гаврила Белый с Сидором. Гаврила как стоял в дозоре, так и вбежал в горницу с копьем.

Илья махнул ладонью по лицу, сгоняя остатки привидевшегося сна, как он с Аграфенушкой – украшена венком из ромашек, и глаза сияют, умытые утренней росой – ведут маленького Федюшу за обе ручки, спускаясь к речке. Аграфена, через голову Федюши, клонится к плечу Ильи, улыбается и шепчет:

– А ты тревожился, будто пропали мы с Федей, – и тянется с поцелуем к жестким и горячим губам Ильи...

– Сказывайте, мужики, что стряслось?

Старший из приехавших, пожилой уже одноглазый мужик, пояснил, что среди ночи в их деревню и в деревню Михаила Карамзина разом нагрянули конные драгуны, а приехали из Бузулукской крепости под командой своего капитана. С ними же, с теми драгунами, приехал и поп Степанов, треклятый иуда. Драгуны похватили старшину Леонтия Травкина, капралов Карпа Сидорова, Ивана Емельянова и прочих, всего семь человек, избранных в здешние командиры, под конвоем погнали в Кичуйский фельшанец, на север, к Бугульме.

– Капитан тот воротился в Бузулукскую крепость? Иль все еще в вашей Ляховке стоит? – Илья поднялся на ноги, готовый тут же принять срочные меры к встрече драгун за крепкими воротами имения: гнаться за конвоем и освобождать схваченных Травкина с товарищами уже не успеть. Мысленно укорил Леонтия: зачем не озаботился надежными караулами? Похватили капралов, как сонных кур...

– В Ляховке с тем капитаном до полусотни драгун. Думается мне, и сюда грянут скоро, с расспросами и пытками, – ответил одноглазый мужик, выжидательно уставясь на Илью.

«Так! – лихорадочно думал Илья, покусывая костяшку пальца. – Вот и настал час нашей службы Петру Федоровичу, а стало быть, обмишулиться нам никак невозможно: мужики веру в нас потерять могут, ослабнут сердцем... Нужна, ой как надобна удача в первом сражении! Та-ак, что сделает капитан, попав в кучу мятежных деревень и сел? Всех драгун тот капитан в Араповку не пошлет – деревень вокруг вон сколь! Понадеется на свою силу и извечный страх мужиков перед солдатами... А стало быть, отрядит какого ни то капрала с десятком драгун, не боле, иначе ему всюду не успеть расправиться с бунтовщиками. Где их встретить? В поле? Успеют заметить, не лето теперь, из кустов не грянешь неожиданно. Из ружей постреляют нас. Да и сробеют мои казаки в сабельное сражение сойтись, не обучены. А если...» – И обрадовался неожиданно пришедшей, удачной, как показалось, догадке.

– При мне останетесь? – спросил Илья у старшего, который назвался Иваном, Яковлевым сыном, а прозвищем Жилкин, из бывших солдат Бузулукской крепости. Лет ему было под пятьдесят, левый глаз выбит киргизским копьем, на виске остался глубокий шрам: лет пять тому, перед выходом в отставку, довелось Ивану Жилкину за Оренбургом гонять киргиз-кайсацких разбойников. Там и перехлестнулись в драке киргизское копье да Иванов палаш. Не повезло Ивану, окривел. Да и то счастье – друзья еле живого довели до Оренбурга, доктора выходили. Списали Ивана со службы, и поселился на государеву казенную землю в Бузулукской слободе жить, а сына Ивашку забрали в рекруты, в Самаре службу правит теперь, в Ставропольском батальоне. Все это коротко сказал о себе Иван Жилкин в ответ на приглашение Илья остаться при нем.

– Оставайся, Иван Яковлевич, чему-нибудь да успеешь обучить моих новонабранных казаков. Иные в седле сидят, будто старухи поверх опрокинутой бочки, того и гляди кувыркнется головой под копыта. Дюже надобен нам сведующий в ратном деле человек.

– Правда твоя, Илья Федорович, – согласился Иван Жилкин. – Без сноровки и комара не зашибить. Не страшна огню кочерга, коль разгорелся он добре. Готов я послужить государю всей душой. Еще при его царствовании ждал народ вслед за указом о дворянской вольности такого же указа о вольности всему народу, чтоб не было на Руси крепостного права... Да не суждено было тому стать.

– Объявил уже государь указ о вольности мужикам! – прервал Илья Ивана Жилкина и нетерпеливо ухватил за локоть. – А теперь слушай, что умыслил я: не ждать прихода драгун к Арапову – упредить их надобно! Да и встретить гостей непрошенных как следует!

Иван Жилкин выслушал сбивчивый и торопливый сказ Илья, крикнул в кулак, искоса глянул на него.

– Хитро, хотя и рискованно задумал, Илья Федорович! – Потом хлопнул по столу ладонью, решился. – Годится! Как задумал, так давай и сотворим, не колеблясь! Наш старый капрал, бывало, часто любил пошутить про начальство, так говаривал: баба едет, хочет башню сбить; воевода глядит, куда башня полетит! Вот и мы поглядим, куда капитан полетит, ежели сам сунется!

Не мешкая – каждая минута дорога – Илья взял с собой дружка Сидора, Гаврилу Белого и еще двоих помоложе и половчее, оседлали коней, вооружились одними только оглоблями, а Илья деревянными вилами – тройчатками, и неспешно выехали из Араповки по проселочной дороге на Ляховку.

Хрустел под копытами выпавший ночью свежий снег. В отдалении, кланяясь путникам и распуская при этом хвост, рвала горло хриплым карканьем сизобокая ворона.

– Чтоб тебя разорвало на куски да на перышки! – ругнулся суеверный Сидор и плетью погрозил невозмутимой в своем вещании птице. – И не охрипнет, тварь нечистая!

Илья ехал впереди, чутко вслушивался в предзимний лес, просматривал кусты – не присел ли за ними кто? Пень ли то ранним снегом присыпан или вражеский подлазчик затаился? Проедут казаки, а он им в спину из ружья горячую пулю пошлет...

Чуть правее впереди над лесом показались дальние вертикальные дымы – Ляховка просыпалась, топила печи. Еще версты две, а вон из-за того поворота и окраину села можно разглядеть... Конных драгун прежде слышали, а потом только увидели, как они, один за другим, легкой рысью выкатились из-за деревьев.

Илья тут же, распугивая дремавших еще на ветвях ворон, по-разбойному громко свистнул, закричал не своим голосом и поднял на дыбы резвого молодого коня:

– Уходи-и! Уходите все впереди меня!

Товарищи без мешкотни пустили сытых коней по дороге к Араповке, как и драгуны, растянувшись гуськом друг за другом.

– Гонятся! Гонятся за нами! Давай, братва, давай ходу! – Илья беспрестанно оглядывался, стараясь сосчитать, сколько же верховых драгун их преследует? Не завлечь бы весь отряд того капитана, а то будет потом потеха – неизвестно, кто кого перехитрил, чья голова в капкане зажатой окажется?!

– Слава богу! – Илья мысленно перекрестился; драгунов было тринадцать человек. – С этими повоюем! Гони, ребята!

За спиной издали слышались грозные окрики, на которые Илья и Сидор отвечали разбойным посвистом. Минут двадцать расстояние до солдат почти не сокращалось – чуть больше полуверсты, – но чем меньше оставалось скакать до Араповки, тем ближе подпускали к себе драгун Илья и его товарищи.

– Хватай! Хватай лису за хвост! Тащи ее из норы! – кричал Илья, как будто драгуны слышали его насмешки. Вот осталось не более сотни сажень, вот и того меньше...

Распугивая нарочно собранных на пустыре перед усадьбой деревенских баб, Илья наметом влетел на барское подворье, прыгнул с коня – драгуны в десяти саженьях за спиной, – заорал благим голосом:

– В амбар, братья! В амбар! Живьем запалимся, а хриstopродавцам-никонианам в руки не дадимся!

Его товарищи, скорее в естественном желании избежать драгунских рук, чем обдуманно, попадали с коней, спотыкаясь, побежали к большому амбару в глубине двора – дверь амбара призывно и пугающе широко распахнута, темнело черное чрево пустоты.

– Держи-и! Хватайте староверцев! Не давайте им затворить дверь – пожгут себя! Крутите им руки! – Капрал первым влетел на подворье, на коне настиг Илью и коршуном упал на плечи.

«Почему он за палаш не хватается? – пронеслось в голове Ильи. Он перехватил руки капрала, который пытался сдавить ему горло, с усилием отодрал от себя и бросил оземь, вскочил в амбар. – Так и есть, за самосожженцев нас приняли!»

В амбарном проеме Гаврила и Сидор с товарищами кулаками метелились с набегавшими драгунами, а тех все больше и больше против пятерых. Хряск кулачных ударов, вскрики, злобное сипение и отборная ругань, если удар приходился в лицо или ниже пояса.

И не заметили солдаты, увлеченные дракой у амбара, как за спиной закрылись ворота усадьбы, как со всех сторон с ревом навалилась вчетверо большая числом толпа.

– Ах, сучьи дети! Ах, треклятые бунтовщики! – Капрал с расквашенным носом первый опомнился, отпрянул от щедрого на тумаки Ильи и дернул из-за пояса пистоль. – Вона как вы удумали!

Но Гаврила Белый оказался проворнее – длинной оглоблей вытянул капрала по треуголке, тот выронил пистоль, завалился под ноги дерущимся казакам и драгунам.

– Круши-и! – вспомнил Илья боевой клич ромодановских атаманов и с порога амбара прыгнул на рослого солдата, норовя ногами сбить его на спину. Драгун увернулся, взвизгнул

выхваченный из ножен палаш – Илья со всего маху шлепнулся на измятую, припорошенную снегом мураву. Еще бы миг и... Вовремя подоспел Иван Жилкин, древком рогатины ударил драгуна между лопаток. Тот взвыл от боли, выкатил глаза, как подкошенный куст чертополоха, царапая Илью ногтями, повалился ему на грудь.

– Круши-и! Круши! Не давай им хвататься за оружие! – Илья успел вскочить на ноги – саднила побитая правая скула, текла кровь из глубокой царапины на щеке.

И все же три выстрела хлопнули: дважды выстрелили поваленные на землю драгуны, один раз Илья – увидел, как рыжий драгун, обезумев от ярости, со спины замахнулся палашом ударить дружка Сидора.

Недолго барахтались на мерзлой мураве у амбара драгуны – вскоре, повязанные, они лежали на подворье. Перепуганные кони жались за амбаром, фыркали, били копытами в крепкий забор.

– Кто из наших побит? – спросил Илья, видя, как казаки поднимают товарища с земли.

– Нашего односельца Федула пулей в плечо ударило, – отозвался Сидор, разглядывая товарища, который сквозь боль и стон пытался улыбнуться. – Пустяки, Федул, до свадьбы заживет.

– Скорее бы, – со стоном отозвался Федул и покривил распухшими губами – довелось-таки познать прелесть кулачной драки.

– Что – скорее бы? – не понял Илья, склоняясь над Федулом.

– Да свадьба-то, – пошутил парень.

Илья повелел отнести его в теплую горницу, сыскать стряпуху, чтоб обмыла рану и завязала накрепко.

Двое драгунов и капрал были убиты в драке, остальные, измятые и повязанные, стонали, плевались в досаде и косились на казаков, ждали своей участи.

– Введите их в усадьбу, – распорядился Илья, вытирая ладонью кровь с оцарапанной драгуном щеки. – Сидор, покличь сюда мужиков. Пушай вылезают из погребов да схоронят убиенных после отпевания в церкви – христиане ведь, не татары. А этих в разные углы усадить, по одному спрос с них снимем.

Но всех допытывать не пришлось – первый же молодой драгун показал, что они из корпуса симбирского коменданта полковника Чернышева Петра Матвеевича. Числа двадцатого октября по приказу казанского губернатора выступили в поход через города Ставрополь и Самару по Самарской линии крепостей, везде забирая в свой корпус лучших солдат, регулярных казаков и пушки.

– Сказывал нам господин капрал, – и молодой драгун перекрестился, вспомнив убитого командира, – что идем мы на самозванца и беглого казака Емельку Пугачева...

– Ты что брешешь, собака! – Илья сорвался с лавки, подскочил к драгуну и еле сдержался, чтобы не ударить солдата кулаком меж перепуганных глаз.

– Нам на-начальство так о-объявило... – Драгун даже заикаться начал. – А там... Кто знает, может, он и подлинный государь... Всяко теперь говорят.

– Вся-ако говорят, тетеря ушастая, – передразнил драгуна Иван Жилкин. – Попы говорят, что луна из чистого золота, но даже синоду не под силу снять ее с небес и нарезать рублевых монет.

Илья прервал Жилкина нетерпеливым жестом – не до шуток теперь, – заговорил с драгуном:

– Государь объявился самый что ни на есть подлинный. Вот, указ его у меня о даровании черному люду вечной воли! Неужто беглому казаку, как ты сбрыхнул здесь, такое дано совершить? За Петром Федоровичем все казачество поднялось. И здешний народ его ждет с великой радостью... Где теперь твой полковник пребывает?

– В Бузулукской крепости два дня тому был, как нас отрядили воров и бунтовщиков ловить, – опять дал оплошку драгун. Одноглазый Жилкин, будто несмысленному отроку, отпустил ему подзатыльник, добавил поучительно:

– А ты, телок молочный, не лайся чужими словами. Помолчи лучше, коль своего ума не успел нажить. Мы государя верные казаки, а не воры дорожные.

– Куда дале помарширует полковник? – допытывался Илья.

Драгун, косясь на страшного одноглазого Жилкина, поспешил с ответом:

– Говорили, что на Сорочинскую крепость и дале, под Оренбург. Город от осады высвободить будут.

– Много ли воинской силы у полковника? Да сколь пушек при нем?

– Силы тысячи за полторы будет, да еще по крепостям возьмет. Пушек видел с десятков, не боле.

– Добро. Сидор, уведи его. Запереть всех в чулан да стражу из казаков поставить.

Драгуна увели. Илья переглянулся с Иваном Жилкиным – оба подумали, что же теперь делать?

– Ежели государя Петра Федоровича, сохрани господь, солдаты под Оренбургом побьют, то и нам долго по зимнему лесу не прыгать. Медвежьи берлоги не так теплы, как винтерквартиры, – пошутил отставной солдат и хотел было что-то добавить. – А стало быть...

– А стало быть, Иван Яковлевич, спешить нам надобно к нему на подмогу. Не велика с нами сила, да ежели по стольку из других сел набегит – побьем и полковника. Тем боле что у государя уж непременно и енералы башковитые в службе есть, не только есаулы да атаманы казацкие.

Илья вышел на подворье – его казаки, разобрав оружие драгун, любовались кто ружьем, кто пистолем, а иной привязывал у пояса длинный палаш.

– Неплохо разжились для первого раза, – порадовался и Иван Жилкин. И к казакам: – Порешил наш старшой Илья Федорович, что надобно нам не мешкая прилепляться к войску государя-батюшки. Потому – в сани погрузить харчи, поводных коней в пристежку. Баранов повязать и тоже в сани – у государя на нас корму никто не напасся, самим о себе подумать загодя надобно. Муки из барских запасов тащите! Да еще пшена побольше, кулей пять: каша – еда наша!

– Жаль теплые хоромы оставлять, – вздохнул Сидор, перевел глаза с барской усадьбы на зимний лес.

– Оно конечно, брат Сидор, грех за нами не велик, да воевода крут, свил мочальный кнут, – пошутил Иван Яковлевич и добавил. – Аль забыл, что наемдни случилось с волком в лесу?

А что? – наивно удивился Сидор.

– А то, – в тон ему изрек Жилкин. – Поначалу таскал волк, потом потащили и волка!

Казаки рассмеялись.

– А солдат теперь куда? – с крыльца крикнул Гаврила Белый.

– Солдат возьмем к государю, – распорядился Илья. – Пусть он их судьбу решит. Может, на пленных казаков поменяет у енералов.

Перед сумерками, когда на западе зажглась багряная заря, обоз с верховыми впереди проселочной дорогой спешно ушел из Араповки на юг, к Оренбургу, к главному войску Петра Федоровича.

Илья Арапов торопился предупредить государя о том, что с севера от Самары идет на него сильное царицыно войско.

«Береженого Бог бережет, а государя беречь нам надобно», – думал он, понукая коня.

## Глава 3. Сакмарский бой

### 1

Припорошенная в ночь выпавшим снегом, Самара едва ли не вся сбежалась на рыночную площадь поглазеть на воинские сборы – из Симбирска с батальоном солдат майора Естифеева и гренадерской ротой прибыл тамошний комендант полковник Чернышев, спешно посланный под Оренбург на выручку осажденного города.

Закрыв лавку по такому случаю, Данила Рукавкин втиснулся в праздню глазеющую толпу самарцев, прибил к ротмистру Петру Хопренину, своему давнему знакомцу: оба семь лет назад избраны депутатами от Самары в комиссию по сочинению проекта нового Уложения, Данила – от купечества и цеховых, а Петр – от самарского казачества. В память о той депутатской работе оба с немалой гордостью носят по праздникам золотые медали и по указу матушки-государыни пожизненно избавлены от телесного наказания.

– Вона, смотри, Данила, и воинское начальство объявилось, – негромко проговорил Хопренин, потеснился, давая место перед собой Рукавину: купец из-за ротмистра ничего не смог бы разглядеть, на полголовы ниже. – Ишь, приморозили солдатушек. Шуточное ли дело, битый час стоят на ветру.

– Должно, оба коменданта близкие сродственники, давно не виделись, за чаем новостями делятся, – пошутил Тимофей Чабаев, пристроившийся рядом.

– Как же, родня! – усмехнулся Хопренин. – Чернышев нашему капитану тако же близкий родич, как бабушкин внучатый козел тещиной курице!

Данила прыснул в кулак, хохотнул рядом и Тимофей Чабаев. Знали, что у полковника Чернышева знатные родичи в столицах, а Балахонцев выслужился из простолюдинов.

Самарские гарнизонные роты, выстроенные к смотру, стояли продрогшими спинами к торговому ряду, лицом к Николаевской церкви, а по правую руку размещалась комендантская канцелярия.

Полковник Чернышев, бодрый и весьма внушительный видом, придерживая рукой шпагу, быстрым шагом, почти не сгибая колен, прошел вдоль солдатских шеренг. Балахонцев, едва ли головой полковнику по эполеты, с трудом поспевал за ним, вскидывая руку к треуголке, принимая рапорты младших офицеров. По резкому тычку пальца в грудь солдаты делали два шага вперед и, кланув прикладом, замирали перед строем: остальные – престарелые или малолетки, этим годом сданные в рекруты, а потому и не годные еще по необученности к столь опасному походу.

– Остающихся в Самаре увести по казармам! – громко скомандовал Балахонцев, едва полковник взмахнул рукой и дал понять, что осмотр окончен, выбранных солдат, сержантов и офицеров он берет в свой сводный корпус.

– Вот горе нашему порутчику Счепачеву, не взяли на сражение, и медали ему не видать! – уронил Тимофей Чабаев. – Не запил бы с горя! А может, и с радости.

– Как же, велика ему радость! – тут же подхватил Петр Хопренин. – У мертвых зубы не болят, а ему еще ох сколько с ними маяться!

– Тише вы, смехотворцы! – шикнули из толпы на Чабаева и Хопренина. – Указ читать будут.

Роты сомкнули строй, сошлись в каре. Чернышев передал капитану Балахонцеву какую-то обсургученную бумагу.

– Должно, приказ, – строил догадки кто-то из цеховых за спиной Рукавкина. На него шикнул теперь отставной ротмистр:

– Нишкни, неуч! Какой приказ, коль бумага с шелковым шнуром и с сургучной печатью. Должно, будут объявлять солдатам указ матушки-государыни про самозванца Емельку Пугачева.

Так и вышло. Капитан Балахонцев возвысил голос, чтобы его слышали все:

– Солдаты! Известно вам, что на Яике объявился самозванец, взявший на себя имя покойного государя Петра Федоровича! По сему случаю получена нами копия с манифеста Ее Императорского Величества государыни Екатерины Алексеевны от октября пятнадцатого дня сего года. Вот вам сей манифест к оглашению:

*«Объявляется всем, до кого сие надлежит. Из полученных от губернаторов казанского и оренбургского рапортов с сожалением мы усмотрели, что беглый казак Емельян, Иванов сын Пугачев бежал в Польшу в раскольнические скиты и, возвратясь из оной под именем выходца, был в Казани, а оттуда ушел вторично, собрав шайку подобных себе воров и бродяг из яицких селений, дерзнул принять имя покойного императора Петра III, произвел грабежи и разорения в некоторых крепостях по реке Яику к стороне Оренбурга и сим названием малосмысленных людей приводит в разврат и совершенную пагубу... – Капитан Балахонцев прокашлялся, повернулся спиной к ветру, который дул в проем между комендантской канцелярией и темной от ветхости богадельней, мельком глянул на застывшие солдатские шеренги. Лица солдат порозовели от холода, глаза отрешенно уставлены в сумрачного полковника, который, поскрипывая снегом, раскачивался на прямых ногах. – ...Мы, о таковых матерински сожалея, – продолжил читать манифест Балахонцев, – чрез сие их милосердно увещеваем, а непослушным наистрожайшие повелеваем немедленно от сего безумия отстать, ибо мы таковую предерзость по сие время не самим в простоте и в неведении живущим нижнего состояния людям приписываем, но единому их невежеству и коварному упомянутого злодея и вора уловлению. Но ежели кто за сим нашим милостивым увещанием и императорским повелением отважится остаться в его шайке и тотчас не придет в настоящее раскаяние и рабское свое повиновение, тот сам уже от нас за бунтовщика и возмутителя противу воли нашей императорской признан будет и никаким образом, яко сущий нарушитель своей присяги и общего спокойствия, законного нашего гнева и тягчайшего по оному наказания не избежит...»*

Капитан Балахонцев снова, устав горлом, сделал короткую паузу, а Данила невольно загрустил – ведь это и про Тимошку речь в манифесте! Супротив него собирает солдат матушка Екатерина Алексеевна! Его, Тимошу, воров и бунтовщиком объявленного, грозит жестоко покарать.

На миг вспомнилась короткая встреча с назвавшим себя Петром Федоровичем. «Ишь ты, и в мыслях язык не повернется обозвать того предводителя воров иль Емелькой Пугачевым!» – с невольным удивлением отметил про себя Данила. Не схож обличьем тот предводитель на вора, глаз не тот и осанка властная, величавая. Мудрость во взоре видна, а не воровская бесшабашность.

«Оно конечно, – трудно ворочались в голове тяжелые мысли, – упустили орла в свой час, не погубили, а теперь хоть и воров назови... Бывает, что и квашни крышкой не удержать... Весь черный люд за ним поднялся, как всех-то в покорности удержать?.. Господи, просвети и наставь на путь истинный моего Тимошу!» – Данила потянул было руку ко лбу перекреститься, да опомнился – не дома перед иконостасом ведь! Люди узрят, а капитан Балахонцев враз смекнет, что купец крестится, манифест слушая, не зазря! Не иначе, за внука Тимошку молится.

И Данила снова обратился слухом и мыслями к манифесту. Капитан Балахонцев зачитал, что на подавление смуты под Оренбургом от правительства посланы войска, которыми командовать поручено генерал-майору Кару, а всем командирам и должностным лицам в городах предписывалось оказывать ему всяческое содействие.

Капитан Балахонцев почтительно свернул манифест, передал полковнику. Чернышев вскинул руку с бумажной трубочкой и покачивающейся печатью на шнурке, обратился к продрогшим шеренгам:

– Господа офицеры, унтер-офицеры и солдаты! В силу манифеста матушки-государыни и приказа господина генерал-майора Кара велено нам выступить в поход, дабы силой оружия покарать воров и бунтовщиков! А Емельку Пугачева изловить и предостойным образом казнить!

И вдруг из-за сотен спин долетел чей-то предерзостный насмешливый выкрик:

– Ступайте, солдаты, ступайте! А ждет вас там село заселено, где петухи не поют и люди не встают!

Данила чуть не вскрикнул от неожиданности – до того отроческий голос напомнил голос Тимоши!

Солдатские шеренги качнулись, как от общего тычка в спины: знали, о каком селе крикнул озорник – это на кладбище петухи не поют и люди там не встают!

Чернышев понял: ловить озорника в такой толпе – только зевак потешать, тут же распорядился:

– Два часа на сборы – и вон из Самары!

Роты четко помаршировали в казарму внутри земляной крепости.

Данила попридержал Петра Хопренина, сказал, лишь бы не молчать, до того тяжело стало у него на душе в эту минуту:

– Видишь, Петр, с какой силой остался наш комендант? Полета стариков да малолеток. Случись беда...

– Беды над нами не будет, караванный старшина, – успокоил его Петр Хопренин. – Генерал Кар да этот полковник с двух сторон идут на Оренбург. Да и у губернатора солдат не так уж мало... Глядишь, недели через две все и утихнет на Яике.

– Дай бог, – непроизвольно поддакнул Данила, тут же обругал себя мысленно старым дураком, простился с отставным ротмистром и свернул к лавке: солдатам воевать, а купцу торговать. Но мыслями он был там, с попавшим в беду внуком.

«Не привели бы моего Тимошу в кандалах да с рваными ноздрями на позорище перед всеми самарцами... Господи, чего это я, старый сыч, раскаркался над своей кровинушкой! Сыну Алексею до сих пор не отписал, что Тимоша переметнулся к... будто бы беглому казаку... О-хо-хо, метаться тебе, Данила, как бедному пасынку: в лесу медведь, а дома мачеха, и где лучше, сам Господь не знает».

Данила открыл ставни, глянул через крошечное окно: холодный ветер трепал на площади полы кафтанов у расхोдившихся по домам самарских жителей, а стало быть, и торгова ждать нечего.

«Побреду к себе, чтоб не маячить у коменданта Балахонцева перед глазами при сборах воинства, – решил Данила и повесил на дверь лавки тяжелый замок. – Только бы не ткнуться Тимоше в каком сражении с самарским офицерами – враз признают и оповестят о его измене матушке-государыне...»

## 2

Илья Кутузов едва выбрал десять минут забежать в дом коменданта Балахонцева проститься с Анфисой Ивановной и ее матушкой Евдокией Богдановной.

– Уезжаете, батюшка мой? – Комендантша оторвалась от рукоделия: вязала теплый длинный шарф. Поднялась с резного стула навстречу молодому человеку.

– Так точно, матушка Евдокия Богдановна, – четко, будто самому коменданту, отрапортовал подпоручик, а глазами покосил на приоткрытую дверь в девичью комнату. – Господин



полковник Чернышев берет меня и мою полуроту Нижегородского батальона сикурсовать осажденному Оренбургу. – И тяжкий вздох, адресованный той, за приоткрытой дверью. – Как знать, какова судьба нам выпадет?

– Таков ваш удел, батенька мой, за матушку-государыню живота не жалеть, – назидательно проговорила комендантша и громко позвала дочь: – Слышь-ка, Анфиса Ивановна! Господин подпоручик уезжает на войну, проститься пришел. Чать, к тебе его вздохи сердешные, а не ко мне.

– Маменька, я не собрана... – донесся из девичьей нежный, от волнения прерывистый голосок. И легкий шелест платья, переодеваемого на барышне – горничная девка ступала около Анфисы Ивановны тяжелыми башмаками, что-то мычала, набрав, должно быть, в зубы шпилек да булавок.

– Выдь скоро, не на бал звать приехали! – Комендантша посуровела голосом. – У господин подпоручика всякая минута сочтена. Вона, уже, глядь, солдатушки в санях, а казаки да калмыки верхом по улице потянулись. Ну же!

А в ответ опять нежнейшее, с придыхом, воркование:

– Иду, маменька.

Илья Кутузов, не опасаясь вызвать неудовольствие суровой нравом Евдокии Богдановны, опустил перед Анфисой Ивановной на колено, поймал надушенную ручку и страстно припал к ней, щекоча мягкие девичьи пальчики жесткими усами.

– Ах, право, при маменьке! – Анфиса Ивановна залилась румянцем, потянула, но не столь решительно, офицером плененную ручку. Из девичьей, высунувшись, любопытствовала молоденькая чернявая – из калмычек – горничная, во все раскосые шалые глаза пялясь на красивого кавалера.

– При маменьке-то и можно, – вновь назидательно изрекла Евдокия Богдановна. Подошла к молодым. Илья Кутузов проворно встал, отступил от Анфисы Ивановны на шаг. – Ивану Кондратьевичу вязала, а Господь судил ему в Самаре остаться. Возьми, Анфисушка, повяжи господину подпоручику саморучно сей шарфик, ему в стужу теплее от того будет. – И упрятала в морщинках худощавого лица явившуюся было из-под сердца материнскую нежность к возможному суженому единственной дочери.

Илья Кутузов был тронут словами комендантши, принял их как знак материнского благословения.

– Премного благодарен вам, Евдокия Богдановна, за ваше внимание и заботу. А коль жив буду, по возвращении...

Комендантша прервала его:

– Ступай, батюшка мой. Вона уже и пушки в гору потащили. – За окном громко кричали ездые. Сани с пушками ползли юзом по наклонной улице. – А коль жив возвратишься, то и доскажешь недосказанное. Храни вас Господь от воровской пули и сабли... Лихой народ эти яйцкие казаки. – И, перекрестив подпоручика, она поцеловала его в лоб, а потом решительно развернула к двери: – С богом, батюшка мой.

Илья Кутузов вышел на крыльцо, не вдевая ногу в стремя, подскочил и легко очутился в холодном кожаном седле, вдел ноги в стремя и погнал коня проулком догонять полуроту.

У присыпанного снегом рва земляной крепости, прощаясь, Илья Кутузов шпагой отсалютовал капитану Балахонцеву и поручику Счепачеву, а потом пристроился в хвосте конной свиты полковника Чернышева, между волжскими казаками и санями с пушками.

Капитан Иван Ружевский, толстенький и весьма нахальный с провинциальными барышнями, не удержался от насмешки над молодым подпоручиком:

– Задержала, задержала нашего Аполлона местная Афродита. Еле вырвался из ее пламенных объятий. Так на сражение не собираются, господин подпоручик! Когда сердце воина мягче пареной репы от дамских слез, не ждать твердости руки и верного выпада шпагой...

Илья Кутузов хотел было ответить такой же едкой шуткой в адрес любителя иных, не ратных, побед, но майор Естифеев прервал пустой разговор:

– Не слушай, солдат, где куры кудахчут, а слушай, где пушки бьют! Сражение-то и покажет весьма скоро, кто с каким сердцем. А перед дамами мы все одинаково неустрашимы и безумно отважны...

Илья Кутузов, меняя тему разговора, спросил капитана Ружевского, весь ли их батальон выступил из Симбирска. Ружевский ответил, что при новом симбирском коменданте осталось совсем мало солдат. К тому же, добавил капитан тихо, как большую тайну, полковник Чернышев отправил от себя на саних сто семьдесят grenадер на усиление корпуса генерал-майора Кара.

– Кто же с теми grenадерами выехал?

– Поручик Карташев. Опасение у меня есть, любезный друг, – снова прошептал Ружевский, перейдя на дружеско-покровительный тон, – что припоздаем мы со своим сикурсом к Оренбургу... Генерал Кар с grenадерами да с башкирской конницей прежде нас подступит к городу, побьет тех воров, а самозванца Емельку Пугачева в железа забудет. То-то нам в обиду будет узнать об этом! Посмеются над нами, скажут, что гонялись мы в поле за ветром, а другие тем часом вора в атаке держали и побили.

Илья Кутузов, слушая беспечного Ружевского, в сомнении покачал головой, высказался:

– Генерал Рейнсдорп при изрядной воинской силе состоит, а отбить того самозванца никак не может. Знать, господа офицеры, не так он и слаб, тот Емелька Пугачев...

Миновали Борскую крепость без всяких окрест признаков мужицкого волнения, а в Бузулукской крепости, когда господа офицеры корпуса и местного гарнизона сошлись на скромный в виду военного времени ужин в доме коменданта подполковника Данилы Вульфа, застолье было неожиданно прервано приходом караульного сержанта.

– Чего тебе, братец? – будто и не начальник к подчиненному, ласково обратился слабохарактерный комендант крепости к промерзшему сержанту и торопливо мазнул салфеткой по усам – жареную курицу на время пришлось отложить.

– К вашему высокоблагородию рвется для беседы какой-то, похоже, сумасшедший поп! – Сержант вытянулся в струнку, став треухом выше дверной притолоки. – Сказывает, спешные вести принес из деревень, погромленных мужицкими воровскими шайками.

Офицеры враз притихли, уставясь десятком настороженных, любопытных или насмешливых глаз на сержанта: откуда здесь, в такой дали от Оренбурга, быть воровским шайкам? Должно, с перепою принял тот поп случайный пожар в деревне за разбойный налет и поджог.

Комендант Вульф поднялся, застегнул верхнюю пуговицу мундира, обратился к командиру корпуса:

– Господин полковник, не прикажете ли господам офицерам на время прервать наш ужин и в соседней горнице выслушать того попа, памятуя о тревожном теперь времени?..

– Неужто и в самом деле так широко расплозлась мятежная зараза? – Полковник Чернышев, тяжело ступая, первым прошел в просторную горницу, сел под образами. Рядом опустился в кресло майор Естифеев, молча разглядывая свои ногти – скрытен майор и не враз-то проговорится о своих думах. Прочие офицеры, кто сидя, кто стоя, ждали злополучного неурочного вестника.

– Вот какая странная диспозиция получается, – зашептал Илье Кутузову в ухо капитан Ружевский. Он нервно теребил пояс, отчего длинная шпага стучала о резную ножку короткой скамьи у печи. – Мы на юг к Оренбургу сикурсуем, а шайки воров, минуя Самарскую линию крепостей, на север к Самаре да к Симбирску пробиваются беспрепятственно. А ведь в тех, нами оставленных городах осаду держать совсем некому! Всякое может случиться с нашими семьями от тех воров...

Илья Кутузов pokrивил губы, хотел было съязвить, да присутствие старших офицеров сдержало его. Подумал лишь: «Два дня назад ты, капитан, куда как храбрее говорил о будущих подвигах и наградах от матушки-государыни! А на деле оказался ловец старых овец, не более...»

Мысли Ильи Кутузова прервал полковник Чернышев, сказав с явной тревогой:

– Беспокоят меня наши калмыки, господа офицеры. Девять сот их со мною, а будто чужих, нравом неведомых воинов веду на сражение. И храбры, и обучены отменно, а смотрят косо, того и гляди в спину вцепятся. Дал Господь нам союзничков!

Майор Естифеев, едва полковник сделал паузу, тут же вставил свое едкое словцо:

– С такими водиться – что в крапиву нагишом садиться, обожжешься непременно! Да где же этот чертов поп? – И сделал попытку подняться и дать нагоняя сержанту за непозволительную мешкотню.

В сенцах послышался приглушенный говор, шарканье голиком – счищали снег с валежника, – открылась дверь, и на пороге объявился поп, весь присыпанный снегом, будто заяц, ночь просидевший под елью: на дворе с самого обеда так нехоти разбушевлась пурга.

– Мир вам, господа хорошие, да пребудет над вами и воинством вашим Господа нашего благополучное сбережение, – сказал поп, крестясь замерзшими перстами.

– Спасибо, батюшка, – за всех отозвался полковник Чернышев. – Спешно сказывай, ваше преподобие, что за новости принес в столь поздний час.

– Дурные вести, ваше высокое благородие. Ох-ох, довелось и мне грешным делом послушать, как разбойная дубравушка шумит... Пообщался с теми ворами и государевыми изменниками! – И поп снова перекрестился. – Деревни и села помещиков Карамзина, Ляхова, Арапова, Пополутова и иных, что в верховий речек Боровки, Кундубли и далее к речке Кинельти, уже, слышно, пограблены от мятежных воровских ватаг и предались все до единой самозванному царю.

Полковник Чернышев медленно поднялся, тяжелым взглядом уставился попу в глаза – не злой ли наветчик стоит перед ним? А ну как подослан, чтоб его поспешное сикурсование к Оренбургу попридержать подлыми речами и тем Емельке Пугачеву немалое одолжение сотворить?

– Скажи, святой отец, свои ли те воровские ватаги? Я хочу знать – господских ли мужиков или откуда пришлые? – уточнил полковник Чернышев.

– Горе нам! – с неожиданной для сана злостью выговорил поп. – Потому как и в Иерусалиме собаки есть! Тесто, ваше высокое благородие, замешано из господских мужиков, да дрожжи в том тесте – яицкие! Приехали из воровской главной армии яицкие казаки со своим есаулом Опоркиным да с прельстительными от самозванца указами о вольности мужикам. – Поп спешно полез за отворот рясы, вынул изрядно помятую бумагу. – Вот, списал я с того указа копию для вас, господин подполковник, а, к счастью, здесь и государыни-матушки сильный воинский отряд объявился. Восплачут теперь подлые бунтовщики, на себе испытают, что залетная ворона здешней сове не оборона!

Полковник Чернышев, приняв от попа бумагу, быстро пробежал ее глазами, потом прочитал вслух, с досадой сказал:

– Как видите, господа офицеры, умно писано! Не нам, а мужичью, склонному к бунтарству. – И к попу, уверовав, что перед ним не воровской подлазчик: – Скажи, батюшка, велика ли воинская сила тех воров? И какое оружие при них?

Поп Степанов порадовал: кроме читки указа вора-самозванца, пока ничего не сделано к усилению тех ватаг. Яицкие казаки отбыли с обозом провианта к Оренбургу, в Берду, а местные, есаулом назначенные вожаки еще только собираются верстать мужиков в казачий полк.

– Самый раз, ваше высокое благородие, ту крамолу притушить в зачинке, – присоветовал поп Степанов и степенно, отогревшись в тепле, погладил отменно пушистую вальяжную бороду.

«Ликом поп не потрафил своей попадье, зато бородищей да усердием...» – подумал было Илья Кутузов, но полковник Чернышев отвлек его от созерцания услужливого перед государыней императрицей попа. Командир корпуса обратился к капитану Токмовцеву:

– Возьмите конных драгун и не мешкая разгоните ту мятежную шайку! Вожаков похватать так, чтоб не разбежались, и отослать в Кичуйский фельдшанец под конвоем, чтоб далее препроводили в Казань к господину фон Бранту. А сами, исполнив сие поручение, спешите догонять нас к Сорочинской крепости. Буде где по пути еще какие мужицкие скопища встретятся, бить и разгонять нещадно!

Пожилой и нерасторопный, а посему с трудом дослужившийся до капитанского чина Токмовцев рад был отличиться в предстоящем походе: не на крымских татар посылают, а все же, глядишь, в высочайше посланном рапорте и о нем словечко упомянут – было бы кстати перед выходом на пенсию получить какую ни то награду.

Капитан, словно молоденький прапорщик, щелкнул каблуками:

– Будет исполнено, господин полковник! – И к попу Степанову: – Едем с нами, батюшка. Дорогу укажешь да и ватажных атаманов изобличишь самолично...

В Сорочинской крепости капитан Токмовцев нагнал корпус, однако прибыл весьма удрученным, потеряв в стычках с мятежниками изрядное число драгун, за что полковник сурово ему выговорил:

– Вас, капитан, взяли на голую приманку, словно молодого волчонка! Вы кинули людей в западню очертя голову, вместо того чтобы всем отрядом офрунтить ту деревню и переловить воров! Срам, капитан, от лапотных мужиков получить такой конфуз!

Капитан, пряча глаза от сурового полковника, слабо отговаривался, сознавая свой промах:

– Такое удумать могли только регулярные яицкие казаки, в военном деле поднаторевшие...

Одиннадцатого ноября корпус полковника Чернышева прибыл в Переволоцкую крепость. Ждали вестей от генерал-майора Кара. Но курьера все не было. На совещании офицеров, выслушав разноречивые предложения, полковник распорядился:

– Изготовиться к выступлению на Чернореченскую крепость. Выбьем из той крепости воров, а там, получив известие от командира корпуса Кара, разом и с двух сторон ударим по самозванцу. И генерал-поручик Рейнсдорп из Оренбурга непременно вышлет нам в помощь добрый отряд с пушками!

В ночь на тринадцатое ноября вступили в Чернореченскую крепость, откуда в спешке бежали казаки, перекинувшиеся на сторону самозванного Петра Федоровича.

Крепость, стиснутая в объятиях небывало холодной ноябрьской ночи, жила еле различимым в плетнях посвистом назойливого низового ветра, конским храпом да скрипом санных полозьев. Тьма ночи усугублялась тьмой улиц: из окон сквозь ставни не пробивался даже мерцающий свет горящих перед образами лампадок. Собаки, забившись в темные углы подворий, боязливо тявкали вслед проезжавшим калмыкам, волжским казакам и гренадерам. Солдаты, утеснившись в сани по шесть-семь человек, зарывали ноги в сено и все же мерзли, словно брошенные в поле капустные кочаны.

– Правь к церкви! – приказал полковник Чернышев командиру Ставропольского батальона. Майор Естифеев повернул головные сани к церкви, наказал капитану Ружевскому:

– Людей отогреть! Пушки зарядить и держать в готовности к стрельбе, вокруг церкви расставив для круговой обороны... Идем во тьме, ощупью, будто воры в чужом амбаре... Так и к дьяволу в пасть угодить недолго!

Кабы знал вперед, не говорил бы так – «пасть дьявола» и в самом деле была не за горами.

\* \* \*

Шестеро всадников наехали на Илью Кутузова едва ли не из-за амбара. Передний, боро-  
датый, злой от холода казак, увидев офицера, хрипло и не совсем приветливо окликнул его:

– Господин офицер, погода трошки!

«Воры! – пронеслась в голове жуткая догадка. – Въехали в наш лагерь, как к себе домой!»  
Рванул из-за пояса пистоль, изготовился стрелять в приближающиеся фигуры: луна светила  
сквозь тучи еле различимо, и страшного вида всадники выросли во тьме едва ли не вдвое.

Сумрачный казак успел-таки остановить Илью, сказав с явной насмешкой:

– Не горячись, ваше благородие, погода пулями кидаться! Я послан от генерала Кара к  
полковнику Чернышеву, а с собой двух воров-изменников веду. Проводи к командиру.

Илья Кутузов догадался, что перед ним не рядовой казак, если с офицером разговари-  
вает столь независимо, как с равным, остановил разъезд из трех волжских казаков и приказал  
им сопровождать неожиданных визитеров. Казаки с ворчанием – который день на ветру и без  
горячей пищи! – поехали позади незнакомцев. Двое из них, закочевшие до зубного лязга,  
ехали повязанными, не имея возможности согреть себя хотя бы размахиванием рук.

У церкви пленников ссадили на землю, кулаками в спину втолкнули в еле освещенное  
помещение, битком набитое солдатами.

– Господин полковник здесь? – громко спросил Илья Кутузов.

Из ближнего угла отозвался капитан Ружевский:

– Командир в соседнем доме, удостоен чести быть званным на ужин к местному священ-  
нику. Ежели хочешь перекусить, то обещано и нам горячих щей, только попозже. Матушка-  
попадья всенепременно расстарается для храброго воинства государыни Екатерины Алексе-  
евны, как перед этим старалась угодить набеглым атаманам. Тьфу, пропади ты пропадом! И  
что за народец в этих краях?

Илья Кутузов не дослушал капитана, обратился к старшему из казаков:

– Идите за мной.

Дверь в низеньком домике местного священника отыскивали на ощупь, надавили плечом,  
и она отошла. В сенцах густо пахло сухой полынью и березовыми вениками.

«Ишь ты! – усмехнулся Илья Кутузов. – А здешний батюшка любитель попариться!» – И с  
порога, вскинув руку к треуголке, доложил: – Господин полковник, прибыли курьеры генерала  
Кара с двумя повязанными ворами. Прикажете ввести?

Полковник Чернышев уже отужинал. На столе свистел струйкой пара начищенный до  
блеска самовар, по пустым блюдам разложены комочки колотого сахара. Полковник перегля-  
нулся с майором Естифеевым: равнодушное лицо командира батальона не дрогнуло ни одним  
мускулом, словно он заранее знал, что именно скажет столь долгожданный курьер.

По знаку командира корпуса Илья Кутузов пропустил старшего среди казаков, за ним  
двух его товарищей, а после них впахнули повязанных. С бороды и усов текла вода – в тепле  
изморозь оттаяла, а утереться невозможно, руки за спиной скручены ременными удавками так,  
что не шевельнуть ими.

Старший из казаков снял с головы черный бараний малахай, перекрестился на образа,  
прохрипел простуженным голосом:

– Представляюсь вашему высокому благородию – атаман Сакмарского городка Прохоров.  
Нами ухвачены два илецких изменщика, крались от воровского скопища, которое сражалось  
с господином генералом Каром, к главной воровской шайке Емельки Пугачева в Бердинскую  
мятежную слободу с важными вестями.

Полковник Чернышев решительно поднялся из-за стола, подошел к пожилому казаку, взял его за мокрую бороду, резко поднял голову:

– Зри мне в глаза, разбойник! Кем и с какой вестью послан? Говори истину, как при последнем соборовании, коль жив быть хочешь! Ну, что язык сплотнул? Говори!

Казаки лет пятидесяти, чернявый и довольно красивый лицом, не выказал ни малейшей доли робости, не завилал черными глазами. Он дернул головой, чтобы избавиться от цепких пальцев полковника, ответил, не скрывая дерзости:

– А с какой вестью иду – так это разве только для вашего высокого благородия тайной осталось! Послан я от государевых атаманов к Петру Федоровичу с радостной вестью: генерал Кар ныне откаркался! И надолго, потому как бит напрочь, а сам, с ошипанным хвостом, едва утек, бросив солдат своих на милость государя...

Чернышев побагровел лицом, брезгливо отдернул руку от влажной бороды, отступил на шаг. И сорвался вдруг, закричал на казака:

– Бреешь, собака! Бреешь, воровская сволочь! Не может такого случиться!

– Бреет воистину собака, ваше высокое благородие, а я государя-батюшки верный слуга, – с достоинством ответил казак. – А только вести мои точнее некуда. Знаю и то, что вы сами со своим корпусом маршируете из Симбирска. Позвольте нижайше поклониться вам от господина порутчика Карташова, самолично мною взятого в плен. Он и его гренатеры столь беспечно ехали воевать, что даже ружья не успели зарядить: сонные были повязаны нашими казаками. Башкирский полк перешел к государю Петру Федоровичу целиком, еще до сражения. А ты, ваше высокое благородие, кричишь, собакой обзываешь, не разобравшись. Стыдно так-то перед офицерами...

Полковник Чернышев сцепил пальцы за спиной – вдруг возникло дикое желание выцелкать насмешливо сверкающие зубы этому дерзкому до сумасбродства вору и разбойнику.

«Господи, – опомнился он и закусил от досады нижнюю губу. – Не этого вора надобно хлестать по наглой морде, а бездарного генерала Кара! Проклятый немец! Сгубил корпус, проспал противника! И меня оставил одного перед полчищем изменивших долгу казаков и озверевшего мужицья!»

– Уведите их! Да берегите пуше глаза! Сбегут – о нас донесут своему разбойному «царю» Емельке Пугачеву.

Пленников выволокли прочь. Полковник долго ходил по комнате, меряя ее негнуцимися ногами, майор Естифеев молча следил за ним и ждал, что решит старший командир.

«На его месте, – думал Илья Кутузов, все так же замерев у двери, – я непременно атаковал бы мятежный лагерь: гренатеров с пушками в центр фрунта, конных калмыков и самарских казаков по флангам – и вперед!»

– Я полагал бы за разумное отойти нам к Сорочинской крепости, – не вытерпел и подал совет майор Естифеев, принявшись разглядывать свои тонкие длинные пальцы. – Побив генерала Кара, самозванец всей силой яицких казаков кинется на наш корпус, оставив у Оренбурга пешие мужицкие полки... А за идущих с нами калмыков я и гроша медного не поставлю – сбегут, как сбежали от генерала Кара изменщики-башкиры. А то и хуже того – в спину вцепятся, как дикие кошки.

– У меня приказ: атаковать воров со стороны Чернореченской крепости, пробиться с обозом к генералу Рейнсдорпу! Гарнизон и обыватели терпят крайнюю нужду в питании, а оно в обозе у нас, господин майор! И мы должны его доставить! – Полковник говорил столь неуверенно, что понять было трудно, размышляет он вслух или приказывает готовить корпус к походу.

– Подпоручик Кутузов! – Полковник остановился, Илья Кутузов вытянулся, сделав руки по швам. – Призовите на военный совет всех господ офицеров, казачьих командиров и калмыцких князей, будь они трижды неладны! Решать будем, что далее предпринять.

Илья Кутузов плотно прикрыл промерзшую наружную дверь и вышел на мороз, под темное ночное небо.

### 3

– Осторожнее, братцы, иначе ноги изломаете и дале вам не идти тогда, – еле слышно раздалось на скользком льду: недавнее лесное озерцо подмерзло накрепко, припорошилось снегом, и повалиться навзничь было делом не хитрым.

– А давайте, братцы казаки, на спор, я у полковника Чернышева две пушки под тулупом унесу, а? – тут же отозвался здоровенный детина, на целую голову выше других.

– Тише, Ерофей! – предостерегли великана. – Не пушки воровать послал нас государь Петр Федорович, а великое дело сотворить на пользу всему воинству.

На проселочную дорогу в сторону Чернореченской крепости из буреломных лесных завалов выбрались шестеро путников: пять одеты в казацкие кафтаны и в полушубки поверх кафтанов, шестой был в солдатском обмундировании. Он то и дело отставал от казаков, которые широко отмахивали привычными к ходьбе ногами.

– Братцы, не бегите так! Отстану ведь, а волки всенепременно сожрут! – полушутя, полусерьезно просил солдат казаков. – Спросит поутру государь: «А где мой писчий есаул Тимошка?» Что ему будете отвечать?

– А мы ему, нашими слезами смоченные, твои белые косточки под резвые ноженьки из торбы вытрусим, на волков донесение сделаем, – ответил великан Ерофей и хохотнул так, что с ближней сосны, каркнув, упал полусонный ворон и тяжело полетел прочь, подальше от беспокойной, санями накатанной дороги.

– Маркел, угомони свою братию, иначе солдаты с перепугу в нас картечью жажнут! – распорядился коренастый, с круглой головой, казак, раскачивая на плече длинную пику – единственное оружие на всех шестерых.

– А ну тихо, грачи горластые! – прикрикнул Маркел Опоркин. – Тимошка, подтяни амуницию потуже, иначе тамошний полковник тебя под арест посадит за неряшливость. Тимофей Иванович, далеко ли еще?

– Кажись, братцы, вона огоньки высветились. Ждите таперича окрика дозорцев, – негромко предупредил товарищей Тимофей Падуров, бывший сотник Татищевой крепости, перешедший со своими казаками на сторону объявившегося народу государя Петра Федоровича.

С полверсты шли тихо, изредка во тьме вспоминая черного, с рогами и с хвостом, когда ноги скользили на накатанной полозьями дороге к Оренбургу.

– Сто-о-ой! – прозвучал из-за голых деревьев близ дороги скорее испуганный, нежели угрожающе-строгий окрик. Путники послушно остановились, ожидая выхода караульного к ним на дорогу.

– Кто такая-а? Зачем бредется ночми? Куда идетья?

– Мы, батюшка, беглецы из самозванцевского воинства. Еле утекли от казни. Прослышали о приходе войска матушки-государыни в крепость, хотим поведать командирам вашим о бунтовщицких силах! – громко и вразумительно ответил на спрос караульного Тимофей Падуров. – Пущай кто из вас проводит нас по начальству.

– Без обману, а? – вновь спросили из дозора. – Коль без обману, то подходить ближе. Вот так. Кто у вас за главного чином, а?

Караульный, спрятавшись за толстый ствол сосны, разглядывал плохо различимых в темноте страшных и черных казаков.

– За старшего я буду, сотник войска Ея Императорского Величества Тимофей Падуров. А это казаки моей сотни. Рекрут к нам по дороге уже прилепился, бежав от воров, где пребывал в плену и под караулом.

Из-за дерева вышел один, с ружьем на изготовку, оглянулся на кусты, будто там, под видневшимися тремя суконными треуголками, затаился в засаде еще добрый десяток солдат, наказал построже:

– Доглядывайтесь тут в оба! Коль еще кто за этими дорогой сунется – палить и бить тревогу! А я этих сведу к господину полковнику, – и к неожиданным гостям: – Пушай один из ваших казаков тута покудова постоит. Шагайте.

– Шагаем, батюшка, шагаем. Кузьма, ты побудь здесь до нашего возвращения, – распорядившись, покорно ответил солдату Тимофей Падуров, величая того «батюшкой», хотя грендер годился ему в сыновья. – Поспешам, брат солдат, ночь в самый разгар входит, аккурат господину полковнику прошмыгнуть мимо воровских застав под Оренбург, оставив разбойников с носом! Сказывали, а теперь и сам вижу, какой обозище с провиантом везете. Вот обрадуется господин губернатор! А уж барышни оренбургские вас в великой благодарности до синяков пообнимают, помяни мое слово...

Солдат хмыкнул, штыком указал в сторону еле видной церкви:

– Туда шагайте, – и встречному у собора сержанту представился: – Господин сержант, на наш караул казаки вот набрели. Сказывают, бежамши из воровского воинства.

Сержант внимательно оглядел пришлых, особенно Тимошку и его обмундирование, не нашел изъяна, подергал усищами, спросил:

– Так чего вам, казаки, у нас потребно?

– К господину полковнику на доклад. О силе мятежников сказать да как к Оренбургу безбоязненно и скрытно подступить.

– А откуда вам ведомо про господина полковника и его приход? – Сержант оказался не из простачков, и только находчивость Тимофея Падурова спасла их от возможной беды.

– Да от бежавших из Чернореченской крепости казаков. Они и вселили радость в горожан и солдат гарнизона.

Сержант вновь пристально оглядел задержанных – коль под одеждой какое оружие припрятали да идут со злым умыслом, много натворить сумеют дюжие молодцы.

– Тебя одного введу, а не всем скопом. Кинжал, пистоль есть?

– Вот, только пику по дороге добыли, – отозвался Тимофей Падуров, передал ее Маркелу Опоркину и пошел вслед за сержантом. У паперти перекрестился на темные, задрогшие на студеном ветру соборные кресты.

– Спаси и помилуй, – прошептал Тимофей Иванович, входя вслед за сержантом в церковный пристрой для сторожа, где собрались офицеры корпуса.

Совещание у полковника Чернышева еще не кончилось: к единому мнению так и не пришли.

– Кто таков? – уже без особого интереса спросил полковник у сержанта, разглядывая казака лет за сорок, с заметной сединой в бороде, бравого, с несколько грубоватыми чертами лица. Его глаза, серые и живые, свидетельствовали о присутствии природного ума и сметливости. Сильные руки по-уставному прижаты к бокам.

– Должно, еще один курьер от храбрейшего генерала Кара, – с нескрываемой насмешкой обронил майор Естифеев.

– Никак нет! Имею честь представиться господину полковнику – сотник Татищевой крепости, депутат комиссии о сочинении проекта нового Уложения Тимофей, Иванов сын Падуров, – на едином дыхании четко и подробно отрапортовал Падуров.



– Откуда пожаловал, сотник? – Полковник Чернышев приблизился вплотную, непроизвольно потянул было руку к его бороде, чтоб допросить с пристрастием, да вовремя опомнился – этот сам пришел, а не привезен повязанным.

– Из богом проклятой воровской шайки, господин полковник. – И Падуров толково, не сбиваясь, рассказал, что после захвата воинством самозванца Татищевой крепости и умерщвления тамошнего коменданта полковника Елагина и бригадира Билова, присланного губернатором в помощь ему, почти все зажиточные казаки принуждены были под страхом смерти присягать самозванцу, в надежде потом сыскать удобный случай снова уйти в войско государыни Екатерины Алексеевны, помня принесенную ей присягу.

– А мне милость от матушки-государыни была оказана особая. Вот, у сердца ношу. – Падуров расстегнул теплый кафтан под полушубком и показал вдетую в петлю на золотой цепочке золотую овальную медаль.

Полковник Чернышев несколько грубовато сдернул медаль с шеи сотника, подошел к подсвечнику, взгляделся. Медаль была подлинная: на лицевой стороне выбито вензелевое Ея Императорского Величества имя. Перевернул – и на обороте подлинное изображение: пирамидка, увенчанная императорской короной, и надпись «Блаженство каждого и всех», а внизу дата: «1766 год, декабря 14 день».

– Счастье твое, сотник, что медаль не поддельная – висел бы ты на крепостных воротах! – Полковник Чернышев отдал сотнику медаль, и пока тот старательно надевал ее под кафтан, отошел от Падурова, продолжая пристально всматриваться в сотника, стараясь по лицу дознаться о помыслах: сам ли прибежал из плена, а может, подлазчик подлый? Но у бородатого крупноголового бывшего казацкого депутата и тени тревоги в глазах не было.

– Готов служить в вашем отряде простым урядником, господин полковник. Уведомить смею, что бежавшие из Чернореченской крепости казаки известили самозванца о вашем подходе к Оренбургу, а посему вас могут караулить у города. Я же по доскональному знанию здешних мест особое рвение готов приложить и тем подтвердить свою сыновнюю любовь к истинному божьему избраннику на высшую власть, – весьма двусмысленно проговорил Падуров.

– А лоб крестишь двоеперстием... Видел я, когда тыкал себя перстами по-старообрядчески, на икону не глядя, – проворчал майор Естифеев, косясь на казацкого сотника.

Падуров четко повернулся к майору, рассудительно ответил:

– Не в том ныне главный грех, господин майор, кто держится по родительскому завету старой веры, а в том, кто коварством умыслил власть держать, делая попытки изничтожить истинного божьего избранника!

– Грамотен, вижу, – буркнул майор.

– По грамоте и уму был избран в депутаты, чтоб глупыми речами не осквернять драгоценного слуха государыни. В грамоте своей порока не вижу...

Полковник Чернышев прервал их препирательства:

– Сказываешь, сотник, что окрестные места хорошо тебе ведомы?

– По здешней округе и ночью могу пройти безошибочно, будто пес по родному подворью.

– Он тут свой, как цыган на конной ярмарке, – вновь съязвил майор Естифеев и сделал вид, что сплевывает себе под ноги.

Падуров пыхнул злым румянцем, тут же ответил майору:

– Счастье ваше, господин майор, что не дворянин я! Но за оскорбление ответ держать потребую! Не конюх я ваш! Вас жизнь еще не мяла, а у меня терто полозом по шее не единожды! Закончится сия баталия под Оренбургом – свидимся как ни то... И смею вас заверить, сколь раз ни стрелял я влет, ни одна пуля мимо не уходила!

Майор Естифеев рванулся со стула, готовый тут же принять вызов, но полковник Чернышев возвысил голос, и все собрание встало, слушая решение командира:

– Господа офицеры! Через час выступаем. Никакого барабанного боя! Без гвалта, ругани и сутолоки. Впереди пойдут калмыки и самарские казаки, за ними обоз с провиантом, за обозом гренадеры в санях. Вам, подпоручик Кутузов, с вашей полуротой прикрывать арьергард корпуса. Готовьтесь, господа офицеры. Всевышний Бог и темная ночь нам в помощь. Да смотрите за своими солдатами, чтоб в санях не спали. Похватают тогда нас воры, как ярыжек кабацких, кои лыка уже не вяжут!

Илья Кутузов вышел последним. Натягивая рукавицы, замедлил шаг у крыльца и услышал, как казачий сотник Падуров говорил своим товарищам:

– Нам, братцы, доверено господином полковником быть в проводниках. Оконфузиться нам никак негоже!

– Да уж потрафим господину полковнику, весьма доволен будет, – рассудительно ответил высоченный и плечистый казачина. Молоденький солдат повернулся в сторону церкви, размытый лунный свет упал на безусое румянощекое лицо. Илья Кутузов едва не завалился в сугроб, надутый у паперти, шагнув мимо ступеньки.

– Боже мой, Тимоха? Тимоха Рукавкин? Какими судьбами? Вот так встреча нежданная!

Илья Кутузов сгреб в охапку оторопевшего от неожиданности Тимошку, а над спиной подпоручика медведем навис Ерофей, готовый голыми руками переломить офицера надвое и с головой засунуть в сугроб, если, не дай бог, случится вдруг что непредвиденное для их замысла.

Тимошка быстро справился с испугом – чего греха таить, зашло сердце в первый миг, не чаял встретить в войске полковника Чернышева самарского знакомого Кутузова. Похлопав в ответ подпоручика руками по спине, Тимошка с такой же радостью затараторил:

– Вот так дела у нашей бабки – посадила тесто, а испеклись хлеба! Стало быть, и вас прихватил с собой господин полковник? А капитан Балахонцев где? В Самаре остался? Ну как там мой дед Данила, жив-здоров? Да сказывай быстрее, видишь, войско двинулось, а нам впереди всех надобно быть!

– Дед твой Данила жив-здоров, – ответил Илья. – Да постой же! Ведь он сказывал, что ты болен и по той причине остался в Яицком городке? И вдруг – здесь...

– Был болен. Лекарь неделю ходил за мной, – подхватил Тимошка, радуясь, что Илья Кутузов проговорился, каким образом он был «оставлен» дедом на Яике. – А как из Яицкого городка в Оренбург поспешил господин майор Наумов с отрядом сикурсовать осажденным, то я и упросил взять меня с ними послужить матушке-государыне. Еще тамошний капитан Андрей Прохорович Крылов через меня особливый гостинец передал супруге своей да малому сынишке Ивашке, кои этим часом в Оренбурге от мятежников укрываются.

– А как к бунтовщикам-то угодил? – допытывался Илья Кутузов, провожая взглядом пятнадцать подвод, на которых везли воинские припасы и заряды к полевым пушкам.

– Тимошка, идем! – позвал Маркел Опоркин, видя, что особой беды от встречи Тимошки Рукавкина с самарским офицером не случилось.

– Иду, дядя Маркел! – И к Илье Кутузову: – Был в поле на сражении против самозванца, да нас воры конницей офрунтили. Майор Наумов каре сделал и отбил, а я ногу некстати себе повредил, в городской ров завалился. Думал, отлежусь незамеченным до ночи, ан не вышло. Воры приметили и на меня втроем навалились, повязали ремнями. Как вовсе жизни не лишили, ума не приложу. Должно, пожалели по малолетству моему. А потом Господь случай дал бежать от разбойников. Говаривал дед Данила, что гнилого болота и черт бережется, тако и нам того самозванцева плена... Ну, Илья, побежали мы в авангард. Успешного похода!

– Тебе тоже! Я в тыл поставлен, вас прикрывать, – отозвался Илья Кутузов, провожая взглядом Тимошку, убегающего во тьму вслед за санями и казаками.

– Вот Даниле радость-то будет узнать, жив-здоров его внук и сражается супротив самозванца. – Илья Кутузов отыскал своих солдат – пять саней, а в каждом по семь солдат. Коротко

объяснил задачу, поставленную командиром корпуса, сел в седло, терпеливо ожидал, пока войско вытянется из припорошенной поземкой и затворившей наглухо ставни Чернореченской крепости. И лишь после этого, отстав от корпуса саженой на двести, тронулся со своей полуротой. Сторожевые солдаты, оставленные в крепости полковником, затворили за их санями тяжелые, петлями поющие от стужи ворота.

Бревенчатая стена поверх высокого вала, исхлестанная недавними еще осенними дождями, а теперь замерзшая до звона, скоро растворилась в ночи, и только купол собора с крестами некоторое время был виден. Но дорога скоро пошла между лесистыми холмами, и купол, словно накрытый шапкой облаков, вовсе пропал. И луна, надрожавшись на порывистом ветру, как под одеяло, нырнула за тучу.

\* \* \*

Часа через два задубевший на ветру полковник Чернышев не выдержал, слез с коня и пересел в просторные сани, укрылся тулупом, наказав майору Естифееву зорко поглядывать за дорогой, за колонной корпуса и особенно за проводниками.

– Должно, поясицу стужей стянуло, страсть как ломит, – пожаловался он Естифееву, умачиваясь под тяжелым тулупом и покряхтывая.

Переметенный мягкими сугробами проселочный тракт скоро укачал полковника, и он не заметил, как задремал. Когда сани резко качнуло в сторону, проснулся. Испугался непонятно влажной темноты вокруг себя, потом опомнился, высунул лицо из-под тулупа, спросил майора Естифеева, который все так же сутулился в седле рядом с санями:

– Тихо ли впереди? Какие вести от дозорных казаков?

– Тихо, ваше высокоблагородие, давно уже свернули с Оренбургского тракта, проселком идем к реке Сакмаре, чтобы не ткнуться в сторожевые заставы воров, – вместо майора Естифеева ответил сотник Падуров, который ехал, а вернее, это майор ехал с ним стремя в стремя, демонстративно трогая рукой пистоль за поясом.

За спиной полковника Чернышева, в двух саженьях от его саней, что-то еле слышно напевал по-своему калмыцкий полковник, скрипел снег под полозьями, бежала луна по очистившемуся от туч небу, мелькая за верхушками деревьев: быть дню морозным, коль небо высветилось бесчисленными звездами.

– На рассвете миную самозванцевы заставы по дальним хуторам да уметам и будем на реке Сакмаре как раз против Оренбурга, где воры нас и не ожидают, – снова подал голос Тимофей Падуров. – А ежели, спохватись, и приметят нас да кинутся по следу – поздно будет. Пушками отобьемся, а там и гарнизон на подмогу подоспеет, случись что не так.

Майор Естифеев вновь выказал свое недоверие проводнику, сказав с насмешкой:

– Оно и видно: что ни казак на Ягасе, то стратег...

– А иначе бы казакам не выжить средь кочевых полчищ, – тут же ответил Тимофей Падуров. – За казака некому думать, не то что в армии – там все на старшего возложено.

– Веди, сотник, веди моих солдатушек бережно! Самолично рапорт нарочным пошлю матушке-государыне. Чином и помещиим пожалует тебя за усердие, – обещал полковник Чернышев. Говорил и сам верил, что так оно и будет. Сколь верст уже прошли, и, слава богу, все идет удачно.

На востоке засерел небосклон, луна приклонилась к горизонту, потускнела, лишилась былой красоты, а скоро и вовсе ушла из виду. Утих надоедливый ветер, зато мороз еще нахальнее щипал за нос и за щеки, заставляя солдат кутаться во что попало с головой.

Майор Естифеев, не останавливая коня, привстал в стременах, с минуту всматриваясь вдаль, потом позвал командира:

– Господин полковник, кажется, мы у дели. Вышли к реке. Да и Оренбург виден! Смутно, правда, за дымкой, но купола церквей различимы хорошо.

Полковник Чернышев вылез из-под тулупа, перекрестился. Адъютант услужливо поддержал командира под локоть, помог подняться из саней и сесть в ледяное седло.

– Трубу мне! – Полковник долго всматривался в противоположный берег реки Сакмары, которая берет свое начало на юге Каменного Пояса, долго течет по-обок с Яиком, обходит город Оренбург с западной стороны и впадает наконец-то в более сильный Яик. Тихо и пустынно на левом берегу Сакмары. Полковник перевел трубу и всмотрелся в еле различимые заснеженные бастионы долгожданного губернского города: близок конец опасного похода!

– А самозванца-то и не видно! – первым нарушил тишину розовощекий капитан Ружевский. – Похоже, что мы оставили Емельку Пугача с превеликим носом! Ха-ха! Прикажете переправляться на тот берег, господин полковник?

– Да, начинайте! Первыми через лед перейдут калмыцкие сотни. За ними самарские казаки. Заняв плацдарм, спешно перевозите пушки. А потом, после обоза, перейдут через Сакмару гренадеры.

Бережно, опасаясь сломать ноги на рывтинах промерзлой земли, с берега к реке спустились калмыки. Широко растянулись по льду, чтобы не проломить его большой массой. Но лед выдержал. Вот и самарские казаки, скользя и звеня подковами коней о лед, благополучно переправились на левый берег. Канониры, помогая коням, едва ли не на руках снесли пушки вниз, ездые с двух сторон за узду вели всхрапывающих коней к реке, потом негромко подбадривали их не бояться скользкого, местами снегом переметенного льда.

– Еще немного, родимые! Еще чуть-чуть поднатужились! – И тянули за повод, помогая коням выбрать удобное место подъема на противоположный берег.

Полковник Чернышев видел в подзорную трубу, как на том берегу от самарских казаков отделился капитан Ружевский и с тремя всадниками поскакал к Оренбургу с докладом от командира корпуса, что и он со своим войском и обозом успешно и беспрепятственно переправляется через реку Сакмару и самое малое через два часа вступит в город. Еще полковник Чернышев просил выслать для пущего бережения встречный сикурс, хотя, похоже было, самозванец упивался победой над генералом Каром, кутил со своими ворами и не знал о приближении другого корпуса боковой дорогой...

Нарастающий по силе свист летящих бомб слышали прежде, чем из-за леса долетело глухое, будто бочка с водой, замерзнув, лопнула в обручах: бум-м, бум-м!

В тот же миг все шестеро проводников, сбив с ног ближних своих опекунов, кубарем покатались по речной круче, вздымая позади себя облако пушистого снега.

Чей-то истошный крик: «Измена-а!» – был заглушен звонкими разрывами, визгом над головами разлетающихся осколков. Шарахнулись прочь с дороги запряженные кони, полусонные продрогшие гренадеры, не успев выскочить, летели из саней в сугробы, теряя ружья, разбивая в кровь лица. Иные, вскочив на ноги, палили в лес, не видя перед собой врага.

И снова свист, снова отдаленное «бум-м, бум-м», а вслед за разрывами бомб из ближних зарослей, из сугробов поднялись тысячи дико орущих мужиков с длинными рогатинами, блестящими в лучах кровью, казалось, умытого утреннего солнца.

– Подлые богопродавцы! – успел выкрикнуть между двумя пушечными залпами потрясенный случившимся полковник Чернышев. Осколком бомбы у него сбило с головы треуголку, а он, как обезумевший, видел перед собой только удирающих от возмездия бывших проводников. Выхватил пистоль и выстрелил, поймав на миг застывшую широкую спину одного из кувыркающихся под обрывом казаков. Ерофей Опоркин, раскинув руки, рухнул головой в снег...

На том берегу Сакмары творилось также нечто невообразимое. Подняв вверх пики, уносились прочь, бросив канониров, конные калмыки. В другую сторону, не принимая боя с яиц-

кими казаками, скакали самарские казаки, а конница самозванца налетела на обоз с пушками, повязала канониров. Вот уже они скачут широкой лавиной по льду к правому берегу, врываются в обоз с провиантом, который только что спустился с дороги к реке.

– Это конец! Это погибель всем нам! – в припадке ярости кричал майор Естифеев, запоздало размахивая шпагой, не вытирая кровь с разбитого лица, – это Тимофей Падуров напоследок «уважил» своего опекуна сильным ударом кулака, так что майор слетел на землю. – Полковник Чернышев! Позор на вашу голову! Кому вы доверились? Кого послушались...

Набежавшая толпа пугачевцев смяла и завихрила куда-то в сторону офицеров, сбила с ног и прошла по спине полковника десятком жестких лаптей. Полковник, с пустым пистолетом в руке – и не застрелиться даже! – так и не успел отдать никакой команды своим гренадерам. Он задыхался под тяжестью чьего-то пропотевшего от бега тела в сырой овчине, не сопротивлялся грубым ухватистым рукам. Подумал обреченно и безвольно: «Конец! Всему корпусу конец! А еще вечером проклинал несчастного генерала Кара...»

Желания бежать куда-то и жить посрамленным у него не было, да и куда побежишь – поздно уже. Его подняли за плечи и крепко встряхнули. Боясь увидеть у глаз черный ствол ружья, с усилием открыл снегом залепленные веки. Кто-то зло пошутил:

– Упал, так целуй мать-сыру землю да становись вновь на ноги. Вот так!

Полковник Чернышев увидел по бокам молодых улыбающихся яйцких казаков. Один из них неуважительно ткнул кулаком в спину, надоумил:

– Поклонись, старого лесу кочерга! Сам государь Петр Федорович сюда едет!

Редколесьем – в каком только овраге и скрывались? – через еле видный под сугробами кустарник к богом проклятой проселочной дороге, в окружении казачьих атаманов, впуская не слежавшийся еще снежный покров, на белом коне скакал величественный всадник. Под распахнутым белым полушубком злое алым пламенем полыхал шелковый кафтан, перетянутый желтым витым кушаком.

«Вот он каков, оживший государь Петр Федорович, царь мужицкий!» – подумал полковник Чернышев, и что-то оборвалось под сердцем: на лице бородатого всадника полковник явственно разглядел счастливую и беспощадную одновременно улыбку победителя.

\* \* \*

Илья Кутузов расставил свои сани веером, чтобы перекрыть дорогу и обочину от возможного внезапного нападения: шутка ли, господин полковник доверил ему бережение всего корпуса!

Илья сидел на коне, время от времени вставал в стременах – хотелось видеть, как идет переправа через лед Сакмары. Ну, слава богу, вон и калмыки уже на том берегу показались, поднявшись со льда на взгорок.

– А я тебе говорю, что есть она, эта нечистая сила! – спорили на ближних санях молодые гренадеры. Толстошекий солдат, засунув руки под мышки и так прихватив ими ружье, сплевывал на снег и ехидно улыбался в ответ на горячие убеждения шербатого товарища.

– У нас в деревне старики специально собирают эту траву – высокая, как крапива, у нее широкие листья, – говорил шербатый. – А цветет мелкой светло-розовой метелкой. И запах подходящий – тяжелый, аж дух захватывает.

– Это что же, старики собирают старухам, что ль, нюхать тот запах тяжелый? – прикинулся простачком толстошекий солдат, которого звали Степаном. Степан поднял голубые глаза на улыбающегося Илью Кутузова и подмигнул ему заговорщически, дескать, посмотрите, господин подпоручик на моего дружка: поутру резвился, а к вечеру сбесился – это про него такая присказка выдумана!

– Да не нюхать! – горячился щербатый Тарас. Илья Кутузов видел его спину, поминутно дергающуюся, будто сбрасывал что-то с плеч, глубоко надвинутую на голову суконную треуголку. – Это же богов батожок! Трава так называется! Ее же вешают над входными дверями домов и скотных построек...

– Неужто и скоты нюхают? – Брови у краснощекого Степана полезли на широкий чистый лоб, столь ловко разыграл он недоумение.

– Да нет! Нечистую силу отгоняет тот богов батожок! Вот зачем вешают. А кто из мужиков идет в лес аль на болото, так вешает эту траву рядом с тельным крестом...

– А-а, чтоб под носом пахло? – опять искреннее изумление.

– Господи! – чуть не взмолился Тарас такому непониманию. – Воистину легче мертвеца рассмешить, чем дурака научить! Тебя что, с колокольни блином убили, да? Толкую, трава от порчи лешего или водяного... – Пояснение прервали дружным хохотом. Тарас понял, что его самого разыгрывают, дико выпучил глаза, хотел взорваться руганью, но, увидев, что и подпоручик Кутузов закатился в беззвучном смехе, прикрыв рот рукавицей, не сдержался и сам захохотал:

– Ах черти, ах болотные кикиморы, вот я вас...

Бомбы рванули неожиданно, более десятка фонтанов земли и снега взметнулись выше стоящих у дороги деревьев. Илья Кутузов, скорее подсознательно, чем осмысленно, крикнул своим гренадерам:

– В ружье! Ложись к бою! – и сам соскочил с коня, чтобы не маячить под возможным ружейным прицелом.

– Бунтовщики! – резанул душу чей-то звонкий и надорванный испугом крик, заглушенный вторым, не менее точным, будто заранее пристрелянным залпом.

Не успели осесть поднятые взрывами вихри, как по обе стороны дороги, сминая кустарник и утопая по колена в снегу, словно из-под земли, черной парящей дыханием на морозе стеной встали сотни мужиков и с громкими воплями кинулись на оторопевший гренадерский батальон майора Естифеева и собранных по крепостям солдат. Расстояние до мятежников сокращалось быстро и надо было как-то их остановить.

## **Конец ознакомительного фрагмента.**

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.